

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова"**

На правах рукописи

Новикова Валентина Николаевна

**Ценностные традиции женского воспитания
в крестьянской семье Швеции XIX века**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук**

13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования

**Научный руководитель
доктор педагогических наук,
профессор
Т.С. Буторина**

**Архангельск
2015**

Содержание

Введение	3
Глава 1. Педагогическая мысль Швеции XIX века о политике в области семьи и традиционной роли женщины в обществе	
1.1. Ценностные традиции воспитания как философско педагогическая категория	21
1.2. Социально – культурная ситуация в Швеции XIX века	38
1.3. Философские основы ценностных традиций воспитания в шведской педагогике XIX века	63
1.4. Концепции женского предназначения и женского воспитания в шведской педагогической мысли XIX века	82
Глава 2. Ценностные традиции женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века	
2.1. Протестантская этика как основа традиций духовно- нравственного воспитания в Швеции XIX века	97
2.2. Уклад жизни шведской крестьянской семьи XIX века как воспитательная среда	111
2.3. Характеристика ценностных традиций женского воспитания в общественном и семейном положении крестьянской женщины	141
2.4. Реализация ценностных традиций шведского народа в практике женского воспитания в крестьянской семье	162
2.4.1. Вступление в брак и создание семьи как сущностная составляющая ценностных традиций женского воспитания	173
2.5. Ценностные традиции женского воспитания в Баренцевом Евро- Арктическом регионе: общее и особенное	180
Заключение	203
Список литературы	210
Приложения	258

Введение

В эпоху изменений традиционных ценностей особому испытанию подвергается семья. В условиях современного мира остро стоят вопросы воспитания детей, взаимоотношений мужа и жены, сохранения семьи. Их решение предполагает осмысление позитивного историко-педагогического опыта воспитания, основанного не только на отечественных семейных традициях, но и на изучении воспитательных традиций народов других европейских стран. Швеция и Россия – страны, принадлежащие к христианской цивилизации, связаны общностью культурно-исторических связей и социальных процессов. Исходя из этого, обращение к истории педагогического наследия – теории и практике образования, воспитания, анализу результатов образовательных реформ, рассмотрению проблем духовно-нравственного воспитания в контексте сопоставления России и Швеции – приобретает особую значимость. Исследование ценностных традиций семейного воспитания, которые отражают национальные и общечеловеческие идеалы, является одним из приоритетных направлений отечественной историко-педагогической науки (С.И. Гессен, П.Ф. Каптерев, Н.К. Крупская, В.А. Сухомлинский, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский и др.). Их идеи развиваются в работах современных исследователей (Б.М. Бим-Бад, М.В. Богуславский, С.К. Бондырева, Т.С. Буторина, Б.Л. Вульфсон, Д.В. Колесов, Б.Т. Лихачев, Т.В. Лодкина, Н.Д. Никандров, З.И. Равкин, В.А. Сластенин, Н.Е. Щуркова и др.). Способность русской культуры и образования воспринимать западно-европейские семейные ценности, духовно обогащать и преобразовывать их, при этом сохраняя собственную неповторимость, дает возможность критически осмыслить положительный опыт женского воспитания в крестьянской семье Швеции.

В течение XIX века в результате утверждения индустриального общества в Швеции сложились объективные условия (экономические, демографические, юридические), которые стимулировали общественную активность шведских женщин, самостоятельность и автономность их позиций, способствовали раскрытию духовно-нравственного и творческого потенциала.

Исследование истории женского воспитания в Швеции XIX века является актуальным потому, что в этот период в шведском обществе активно дискутировались противоречивые вопросы о предназначении женщины, ее социально-нравственном облике, и связанные с этим сложности сочетания карьерного роста, политической ангажированности, реализации в семье. Эти проблемы обсуждаются сегодня и в России.

Основой дискуссий служили идеи философов, представителей позитивизма И. Бентама, Д.С. Милля, Д. Рикардо, Г. Спенсера, чьи работы в дальнейшем повлияли на развитие педагогической мысли. Особый интерес у шведской общественности того времени вызывали труды и взгляды их соотечественника Эрика Густава Гейера (1783-1847). Его философские и социологические работы («История человека» (1841-1842), «О внутриобщественных отношениях нашего времени» (1845), «Еще раз о современном религиозном вопросе» (1847) приобрели широкую известность еще при жизни автора. Воззрения Э. Г. Гейера и выдвинутый им «принцип личности» во многом оказали влияние на развитие идей шведских педагогов – реформаторов: Анны Витлок, Эллен Кей, Фредрики Рундквист, Анны Сандстрём и др.

Имя Эллен Кей (1849-1926) – шведской писательницы, философа и педагога было всемирно известно, в том числе и в России на рубеже XIX-XX вв. Анализу ее жизненного пути, творческой деятельности и педагогических взглядов посвящены работы ряда шведских исследователей (М. Алексиуссион, К. Карлссон, Т. Ленгборн, Х.Е. Сандстрём, С. Хакзелль, С. Хартман, Б. Хольм, С.Н. Хуверед и др.). В отечественной научно-педагогической литературе основные положения педагогических взглядов Э. Кей были критически осмыслены в работах Н.К. Крупской, полемизировавшей с ней на страницах журнала «Семья и школа» в 1913 и 1936 г. Ее идеи проанализированы в статье Э.Л. Радлова «Педагогические взгляды Эллен Кей» (1906г.) Среди современных исследований следует выделить диссертационную работу М.В. Михайловой (2006), рассматривающей становление педагогических идей Э.

Кей относительно образования в контексте реформаторской педагогики конца XIX-первой трети XX века.

Проблематика развития и становления женского образования в Швеции рассмотрена в ряде научных исследований (А.В. Арцимович, Е. Велландер, У. Енерот, К. Флорин, Л. Кореланд, А. Ульман и др.), раскрывающих деятельность Высших народных школ (ВНШ) (Ю.В. Зудов, Б.С. Жаров, С. Орловский и др.) и учительских семинарий (И.Т. Бруман, К. Флорин и др.).

Значимыми для исследования являются работы отечественных ученых по истории западноевропейской школы (С.А. Ананьин, А.Н. Джурицкий, Г.Б. Корнетов, П. Соколов и др.), состоянию шведской школы XIX в. (В. Ассонов, П.Г. Виноградов, П.Ю. Ёдман, Л.М. Зотова, Д. Ландквист, И.Р. Луговская, С. Хартман, С. Шёстранд и др.); характеристике типологий школ и отдельных учебных заведений Швеции (П.Ф. Дворников, П.Г. Мижухев, Е.М. Скоколов).

Анализ исследований показал, что в современной отечественной педагогической науке все более актуальными становятся аксиологические проблемы, связанные с развитием философского учения о природе ценностей, их структуре и иерархии (Н.А. Асташова, Х.М. Вегас, Г.Н. Волков, Ю.С. Димитрюк, В.И. Ефимов, Г.П. Выжлецов, М.В. Захарченко, Т.А. Рассадина, К.С. Романова, Б.Т. Лихачев, Е.О. Севостьянова, Н.В. Сидорова, В.А. Сухомлинский, В.А. Караковский, А.В. Кирьякова, Н.Д. Никандров, З.И. Равкин, В.М. Таланов, М.Г. Тайчинов, Н.Е. Щуркова и др.). Особое внимание исследователи обращают на то, что во многих образовательно-воспитательных теориях и концепциях духовные ценности выступают в качестве идеала, реализация которого связана с формированием свободной и творчески развивающейся личности (Б.Л. Вульфсон, Б.Т. Лихачев, З.И. Равкин и др.). Эти позиции используются при анализе различных национальных систем воспитания и образования в диссертационных исследованиях (Г.А. Аргунова, Р.М. Ахмадиева, А.Х. Байрамкулова, А.Г. Бесаева, Т.С. Буторина, Т.А. Брюзова, А.Н. Джурицкий, А.А. Жерукова, М.А. Калинина, И.А. Калинин, Т.В. Касимова, К.И. Салимова, К.-У.И. Салимова, И.З. Сковородкина, С.С.

Щекина, З.Е. Цыренова и др.). Роль воспитания и образования с позиции жизнедеятельности общества, особенно в плане его стабильности и преемственности поколений, во многих современных теоретических работах связана с анализом проблем инновационности и традиционности в отношениях к окружающему, связи между этими явлениями, их педагогическом воспитательном потенциале (Г.Н. Волков, Е.В. Бондаревская, С.К. Бондырева, Т.В. Лодкина, Д.В. Колесов, Н.В. Крылова, Н.Г. Куприна, Т.А. Рассадина, Г.И. Саражинская и др.).

Однако, несмотря на изучение и обобщение воспитательных традиций, стратегий отечественного и мирового педагогического опыта, воплощающих идею воспитания подрастающего поколения на основе общечеловеческих и национальных духовно-нравственных ценностей, присущих традиционному крестьянскому обществу, в педагогической науке отсутствуют обобщающие историко-педагогические исследования, посвященные вопросам женского воспитания и образования в крестьянской семье Швеции XIX века.

Актуальность исследования обусловлена разрешением противоречий между:

- развитием интенсивных международных связей Европейского Севера России и Швеции, которые способствуют пониманию общности традиций народного воспитания детей в семье, и недостаточностью целостных исследований в отечественной педагогической науке, посвященных анализу развития педагогической мысли в Швеции;
- значимостью семьи как духовного, этического и экономического единства ее членов, и отсутствием системных сравнительных исследований ценностных традиций семейного женского воспитания;
- утратой приоритета духовно-нравственных ценностей в семейных и межличностных отношениях, и переосмыслением на современном этапе традиционных ценностей, существовавших в крестьянской семье Швеции XIX в.;

➤ трансформацией норм семейной жизни, изменением социального статуса женщин в современном обществе, с одной стороны, и сохранением традиционного подхода к развитию женской личности с другой.

Обозначенные противоречия определили **проблему исследования**, которая заключается в поиске ответа на вопрос: какова специфика ценностных традиций женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века, которые формировали черты «*typisk svensk*»-«типично шведского» образа мышления и мировосприятия? Значимость проблемы и ее малоизученность в историко-педагогических работах обусловили выбор темы диссертационного исследования: **«Ценностные традиции женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века»**.

Цель исследования: выявить концептуальное своеобразие ценностных традиций женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века.

Объект исследования: традиционный опыт женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века.

Предмет исследования: ценностные традиции женского воспитания в контексте уклада жизни крестьянской семьи в Швеции XIX века.

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что уклад жизни крестьянской семьи в Швеции XIX века способствовал формированию нравственных качеств личности, которые определили активный и независимый статус женщины. Реализация историко-педагогических традиций женского воспитания в новых социально-культурных условиях обусловила возрастание влияния шведских женщин и расширения их социально-значимой деятельности в различных сферах общества, которые получили дальнейшее развитие в XX - XXI вв.

В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой, предстояло решить **следующие задачи:**

1. Рассмотреть «ценностные традиции» как ведущую категорию исследования на философском, педагогическом и социокультурном уровнях.

2. Раскрыть специфику социально-исторических и культурных условий развития Швеции XIX в., которые актуализировали ценностные традиции женского воспитания.
3. Проанализировать идеи философско-педагогической мысли в Швеции исследуемого периода о воспитании и образовании женщин.
4. Охарактеризовать ценностные воспитательные традиции крестьянской семьи Швеции XIX в. в аспекте протестантской этики.
5. Изучить ценностные традиции женского воспитания в контексте образа жизни шведской крестьянской семьи XIX века.
6. Выявить общее и особенное в ценностных традициях женского воспитания русского, норвежского и шведского народов.

Хронологические рамки исследования охватывают целостный период в истории Шведского Королевства – XIX век как переход от традиционного к индустриальному обществу. Происходившие в это время процессы качественных социальных изменений положили начало трансформации социальной роли женщины и оказали влияние на складывавшиеся веками нормы и ценности традиционного шведского общества.

Методы исследования. Для решения поставленных задач и проверки исходной гипотезы был использован комплекс взаимодополняющих методов исследования, адекватных его предмету: общетеоретические методы научного познания (отбор, абстрагирование, аналогия, анализ и синтез, сравнение, обобщение, классификация, систематизация), историко-педагогические методы (анализ философской, социологической, этнографической, педагогической, этнопсихологической литературы по изучаемой проблеме, включая анализ законодательных и нормативно-правовых актов).

Методологическую основу исследования составляют базовые положения аксиологического подхода (В. Виндельбанд, Н.А. Бердяев, С.К. Бондырева, Л.П. Гифранова, Ю.С. Димитрюк, И. Кант, Д.В. Колесов, Б.Т. Лихачев, Н.Д. Никандров, В.А. Сластенин, Л.Н. Столович, Н.Е. Щуркова и др.) о ценности человеческой жизни, способах познания и онтологическом статусе ценностей в

мире; культурологического подхода (Е.В. Бондаревская, Т.С. Буторина, А.В. Захаров, Г. Риккерт и др.) о воспитании как культурной идентификации и актуализации чувства принадлежности ребенка к определенной культуре; философско-антропологического подхода (Б.М. Бим-Бад, В.В. Зеньковский, П.Ф. Каптерев, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский и др.) о социализации и интериоризации девочки в единстве телесного, душевного и духовного; гендерной теории о соотношении формальных правил морали и неформальных норм поведения, определяемых положением женщины в обществе, тенденциями развития женского образования в XIX веке (А.Л. Альмквист, Ф. Бремер, Л.М. Зотова, М.А. Кашина, Д. Милль, О.В. Пospelова, Г. Спенсер, Т.В. Тийнен, М. Уоллстонкрафт, И. Хирдман и др.).

Теоретической основой исследования являются философские идеи о формировании этических ценностей (Н.А. Астахова, И. Барбур, Н.А. Бердяев, Х.М. Вегас, В. Виндельбанд, А.А. Гусейнов, И. Кант, А. Печчеи, Г. Риккерт, М.Н. Росенко, В.А. Рыбин и др.) и влиянии духовного мира на становление личности (Н.А. Бердяев, Х.М. Вегас, В.В. Зеньковский, И.В. Киреевский, Б.Т. Лихачев, М. Лютер, Н.Д. Никандров, А. Сурожский, И.Т. Фролов, А.С. Хомяков и др.), значимости общечеловеческих ценностей в глобализованном мире (Х.М. Вегас, Г.Н. Волков, Б.Л. Вульфсон, Г.П. Выжлецов, Л.П. Гифранова, Ю.С. Димитрюк, В.И. Ефимов, В.А. Караковский, Д.А. Леонтьев, Б.Т. Лихачев, Н.Д. Никандров, А. Печчеи, И.А. Пурикова, Е.О. Севостьянова, Н.Г. Севостьянова, А.В. Сергеева, В.М. Таланов и др.); воспитательном потенциале народных традиций (Т.А. Бернштам, Т.С. Буторина, Г.Н. Волков, М.А. Калинина, Т.В. Касимова, П.Ф. Каптерев, Я.А. Коменский, И.З. Сковородкина, С.С. Щекина, К.Д. Ушинский, О.В. Хухлаева и др.); предназначении женщины в обществе (А.Л. Альмквист, Ф. Бремер, Т.А. Березина, Э.Г. Гейер, Э.С.К. Кей, Н.К. Крупская, И. Лёвкруна, М. Лютер, Д.С. Милль, О.В. Пospelова, А. Сандстрём, Т.А. Салычева, Ф. Стéенхофф, Г. Спенсер, Т.В. Тийнен, М. Уоллстонкрафт, И. Хирдман, Э. Хоббсбаун и др.); святости супружества, семьи и воспитания детей (св. Амвросий Медиоланский, архимандрит Георгий

(Шестун), Григорий Богослов, И. Златоуст, П.Ф. Каптерев, Э.С.К. Кей, М. Лютер, А.Б. Федулова и др.); понимании сущности и содержания традиций (Г.Н. Волков, А.Б. Гоффман, М.В. Захарченко, В.В. Зеньковский, Э. Маркарян, В.Д. Плахов, И.Н. Полонская, М.В. Савин, К.С. Сарингулян, К.В. Чистов, Н.П. Юдина и др.); проблемах этнического самосознания и национального характера (М.А. Калинина, А.Г. Бесаева, Т.А. Брюзова, Я.А. Коменский, Т.В. Лодкина, Е.В. Мельникова, И.З. Сковородкина, М.И. Стельмахович, С.С. Щекина и др.).

В ходе изучения поставленной проблемы мы опирались на широкий круг взаимодополняющих источников – архивные материалы, законодательные акты, философская, социально-историческая, историко-педагогическая, этнографическая литература, которые условно были разделены нами на четыре группы:

Первая группа представлена законодательными актами Швеции XII-XIX вв., которые представлены в так называемом «Landslag», что буквально означает «Закон страны», первый свод законов страны, действовавший на всей территории шведского королевства. До этого важного документа, принятого в царствование Магнуса II Эриксона (1319-1363), каждая область имела отдельные «областные законы», которые подробно изучены в работе А.В. Фоменковой. Особый интерес представляют средневековые законы Шведского королевства 1734, церковный закон 1686 года, отразившие изменение права, касающегося женщин в период средневековья. «Раздел о браке», «Раздел о наследовании» 1686, 1734 гг., а также Шведский Свод законов 1898 года, № 64 – Svensk Författnings-Samling, 1898, № 64, впервые введенные в научный оборот, позволили проследить изменения в законодательстве, произошедшие в XIX веке в Швеции относительно юридического положения женщин в семье.

Вторую группу источников составили опубликованные труды о Швеции как отечественных, так и зарубежных исследователей XVI-XX вв. Бесценным этнографическим первоисточником, не издававшимся на русском языке, является книга Олауса Магнуса с предисловием Кнута Хагберга «История северных народов» (1555), оригинал которой состоял из 22 книг, изданных на

шведском и латинском языке. Олаус Магнус, опираясь на труды Аристотеля, Плиния, Альбертуса Магнуса, составил описание шведских поселений и народных обычаев скандинавских народов. По мнению проф. этнологии Кнута Хагберга, Олаус Магнус является непревзойденным классиком шведской народной жизни.

Основной корпус материала, использованного в диссертационном исследовании представлен как комплексные описания этноса (Ф. Булгарин **1838**; В.А. Абаза **1873**; Н.П. Грот **1875**; А. П. Языков **1875**; Э.Н. Берендтс **1890**; Д.М. Краевский **1891**; Я.К. Грот **1874, 1878, 1898**; Ф.Ф. Пуцыкович **1897**; Е. Марков **1900**; Л.Л. Толстой **1900**; А. Энгельмейер **1902**; В.А. Жуковский **1903**; Т. Богданович **1906**; А. Михайловский **1906**; Е.Я. Кулакова-Грот **1909**; С. Меч **1910**; С. Орловский **1911**; Х. Ниелсен **1912**; Н.З. Новинский **1913**; М.Н. Рубинштейн **1913**; Е.Н. Водовозова **1915**; И. Флудстрём **1918**; С. Линдстрём **1923**; Т. О'Делл Э. **1962**; М. Чарный **1966**; А.А. Игнатъев **1989**; Т.А. Березина **1990**; Л. Жуховицкий **1990**; Г.С. Фиш **1969**; В.Г. Кинелев **1998**; О.В. Чернышова **1999, 2004**; К. Иванов, А.Смирнов **2000** и др.). Для более полной картины образа жизни и условий быта привлекались специальные исследования по: традиции стиля одежды как отражение различий по социальному и полу признакам (А. Ерландссон 1985; С. Свенссон 1974); устройству дома и традиций ткачества (М.М. Морозова 1967; И.М. Сомова 2006); недвижимой собственности (А.В. Фоменкова 1997); брачно-семейным отношениям и обычному праву у шведского крестьянства (И. Флудстрём 1918); традициям и обычаям относительно правил поведения за столом и центральной роли женской половины за соблюдением норм приема и приготовления пищи в шведском крестьянском обществе в Швеции XIX в. (И. Нурдстрём 1988).

История развития церкви отражена в работах О. В. Чернышовой (1994), начальный этап Реформации в Швеции (1520-1530-е гг.) и становления шведской национальной церкви изучены А.Д. Щегловым (2006). Вопросам истории и социально-экономического развития Швеции посвящены работы Р.Н. Ахметишиной (2005), Й. Вейбулля (1994), А.С. Кана (1965; 1974; 1983), Л.

Лагерквиста (2004) Я. Мелина (2002), М. Морелля (2001), А. Оберга (1993), А.А. Сванидзе (1965, 1972, 1988, 1995, 2004), Е. Хекшэра (1985) и др. Историей развития народных движений занимались С. Лундквист и Т.А. Салычева.

В *третью* группу источников вошли труды зарубежных и отечественных авторов, которые рассматривали женскую тематику в контексте проблем социального развития и эволюции шведской семьи, ее религиозно-обрядовой сферы, воспитания детей. Сведения о женской обрядности встречаются в трудах, посвященных детскому циклу (Т.А. Березина, Н. Брингеус, Л. Левандер, Б. Лённквист, Б. Лосман, К.Х. Тилльхаген и др.). Для рассмотрения проблемы свадебной обрядности использовались научные труды зарубежных исследователей (Л. Бундесон, С.Ю. Линдстрём, С. Сверстрём, Д. Фредлунд, М.Т. Шёберг, А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд и др.), а также автобиографические воспоминания, опубликованные в специальных выпусках журналов, издаваемых отдельными шведскими областями подназваниями Fataburen, Jämten, Kalmar län. Сравнительный анализ ценностей традиционной крестьянской культуры и возникновение новых идеалов буржуазии и рабочего класса провели Ю. Фрукман и У. Лёфгрен в ряде работ «Культивированный человек», «Шведская Семья: Исследования приватизации и социальных изменений», «Сила привычки: исследования повседневной культуры». Эти работы позволили нам по-новому взглянуть на проблемы взаимоотношения между мужчиной и женщиной, статуса женщин в традиционной семье и воспитания детей. Существенный материал о положении женщин и ее роли в крестьянской семье в Швеции XIX в. представляются исследования о народной культуре, традициях, этносознании и этнопсихологии, проведенные в работах Д. Гаунта, А. Гёранссон, Г. Квиста, И. Лёвкруны, И. Сванстрёма, Г. Чуле. Исключительное значение для нашего исследования представляют труды Б. Ларссона, Я. Мюрдаля, Б. Лильевалль, источником которых послужили автобиографические рассказы и анализ личных записей из дневников, которые вели крестьяне в XVIII-XIX веках.

Логика и этапы исследования. Теоретико-методологические основания и поставленные задачи определили ход исследования в 2008-2014 гг. Исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе (2008-2009 гг.) осуществлялся отбор первоначального исследовательского материала по теме диссертационного исследования в библиотеках РГБ, ГПИБ, НПБ им. К.Д.Ушинского (Москва), РНБ (С.-Петербург), библиотеке им. Н.А. Добролюбова (Архангельск) и др.; источники систематизировались в соответствии с содержанием работы; анализировались философские, педагогические, социологические концепции, рассматривающие понятия «ценность», «традиция»; разрабатывался план и структура диссертационной работы; формулировалась предварительная рабочая гипотеза; определялись основные задачи и методы исследования.

На втором этапе (2009-2012 гг.) изучалась социально-историческая ситуация в Швеции XIX века, сравнивались законодательные акты конституции 1734г., 1898г., определившие изменение положения женщин в обществе; были проанализированы причины возникновения новых идей и теорий о воспитании и образовании женщин на основе аутентичной литературы. Законодательные государственные акты и церковные законы, характеризующие государственную политику относительно женщин и детей, соответствующие теме диссертационного исследования, отбирались и изучались в Национальной королевской библиотеке (Kungliga Biblioteket), Парламентской библиотеке (Svenska Riksdagens bibliotek), архиве музея Северных стран (Nordiska museets arkiv) г. Стокгольма, библиотеке Стокгольмского университета. На этом этапе исследования проводился подробный анализ специфики образа жизни шведской крестьянской семьи XIX века, роли женщины в семье и воспитании девочек; изучались особенности женского воспитания.

На третьем этапе (2011-2014 гг.) разрабатывалась и апробировалась программа спецкурса «Ценностные основы женского воспитания в крестьянской семье Швеции в XIX веке», обобщались и систематизировались материалы исследования, оформлялись результаты диссертационной работы.

Выполненное исследование проводилось в рамках программы «Visby» гранта Шведского института на кафедре истории Стокгольмского университета (Грант 00557 / 2010, Visby Program 382).

Положения, выносимые на защиту:

1. Основой ценностных традиций женского воспитания в Швеции XIX века является совокупность объективных и значимых идей, которые сложились в результате экономического и историко-культурного развития шведского общества. Через них воспринимался и передавался от поколения к поколению народный воспитательный опыт, в котором аккумулировались типичные образцы женского поведения. основополагающей идеей народного воспитательного наследия была идея о ценности семьи. Семейные ценности воспринимались новыми поколениями как основа исторической памяти народа об общности происхождения, как устойчивый компонент национального самосознания. Благодаря этому, в Швеции сформировалась стратегия развития «государства благосостояния» под названием «дома народа» (П.А. Ханссон), ориентированная на семью.

2. Специфика социально-исторических и культурных условий развития Швеции XIX в., повлиявшая на общественную и педагогическую активность шведских женщин, заключалась в том, что:

- переход от традиционного аграрного к индустриальному обществу в стране сопровождался значительными экономическими изменениями (урбанизацией, индустриализацией, демографическим «взрывом» роста населения), которые происходили быстрыми темпами;
- преобразования законодательной базы кардинальным образом изменили положение женщин, предоставили им права и свободы для самореализации в обществе, для широкого участия в публичных дебатах XIX века о семейных проблемах, вопросах нравственности и воспитания, образования, защиты материнства, правового положения женщин и др.;
- в течение XIX века в Швеции преобладало крестьянское население, которое с 1584 года было представлено в риксдаге. Оно не знало крепостной

зависимости (в отличие от русского крестьянства), имело свою «нишу в сословной иерархии». Для крестьянства характерным являлась приверженность к исторически сложившимся ценностям, на которых базировались воспитательные традиции шведского народа;

3. Развитие философско-педагогической мысли Швеции XIX века характеризовалось двумя основополагающими тенденциями. Одна отражала национальные основы общинного и семейного воспитания. Ее сторонники определяли центром ценностной иерархии личность в ее уникальности, индивидуальности, свободолюбии (Э.Г. Гейер, Ф. Бремер, Э.С.К. Кей и др.). Приоритетами для них являлись этические проблемы, прежде всего, гармоничное развитие женской личности, реализация идеи материнства, воспитание детей как главного предназначения женщины. Вторая тенденция развития философско-педагогической мысли в Швеции XIX века связана с распространением либеральных идей и зарождением феминистской теории, представители которой критиковали традиционную роль женщины в обществе (С. Адлеспарре, Л. Альмквист, Р. Оливеркруна, Л. Дальгрэн, Э. Фриез, А.Х. Ретзиус и др.). Для них значимыми являлись проблемы доступности образования, реализация женщин в профессии и др.

4. Аксиологические ориентиры, воплощающие национальные и общечеловеческие ценности и составляющие идейно-нравственную основу женского воспитания, определялись протестантской этикой. Ее положения предусматривали формирование общинно направленного человека с высоким уровнем нравственности и специфическим отношением к трудовой деятельности, которая стала важнейшей жизненной ценностью, определившей национальный шведский характер.

5. Ценностные традиции составляли фундамент женского воспитания, благодаря чему в обществе формировалось особое отношение к женщине. Духовно-нравственные, трудовые, традиции женского воспитания реализовывались в рамках уклада жизни крестьянской семьи, того образовательного и воспитательного пространства, где сохранялись и

передавались ценностные традиции. Особенность ценностных традиций женского воспитания в Швеции заключалась в наличии такого феномена как «двойное лидерство» в крестьянской семье, который сложился благодаря экономическому вкладу женщины «в семейный бюджет»; ее нравственному авторитету в женском сообществе, среди родственников и наемных служащих; ведущей роли в воспитании своих и приемных детей и др. Эгалитарные отношения между супругами в крестьянской семье Швеции XIX века, высокий статус женщины, определяемый ее социально-воспитательной и производственной функцией в домашнем хозяйстве и земледельческих работах, предопределили формирование активной позиции шведских женщин в обществе и реализацию политики равенства полов в XIX и XX веках.

Научная новизна результатов диссертационного исследования состоит в том, что: 1. концептуально рассмотрено понятие «ценностные традиции» с позиций философского, педагогического и социокультурного подходов как объективных, наиболее значимых и общественно-одобряемых идей и принципов, которые способствовали преемственности и сохранению в течение нескольких поколений типичных качеств женского национального характера; особенностей воспитания в традиционном шведском обществе;

2. определена совокупность экономических и социокультурных условий, которые повлияли на развитие общественной и педагогической активности женщин через принципиальные изменения правового (свобода предпринимательской деятельности для женщин, 1846; правоспособность незамужней женщины распоряжаться своим имуществом, 1858; свобода исповедания, 1860; местное самоуправление, 1864; новый уголовный кодекс, 1864; свободная торговля, 1865 и др.) и социального статуса женщин в шведском обществе (закон об обязательном образовании (1842, 1882); открытие Высших народных школ для крестьян (включая специальные курсы для девушек, 1861); учительских семинарий (1860), университетов (1870-х годах);

3. дополнено педагогическое знание о концепциях «свободного воспитания» (Э. Кей), «принципа личности» (Э.Г. Гейер), «реализма в обучении» (А.

Сандстрем) как оригинальных и своеобразных идеях шведских педагогов, философов, которые определили будущее развитие педагогической мысли в Швеции;

4. выявлено своеобразие педагогического потенциала ценностных традиций женского воспитания в крестьянской семье в Швеции XIX в., базировавшегося на основных положениях протестантской этики (религиозно-нравственные основы воспитания; протестантская трудовая этика; основополагающие идеи М. Лютера о семье и воспитании детей);

5. впервые проведен историко-педагогический анализ уклада жизни шведской крестьянской семьи, в рамках которого происходила преемственность традиций женского воспитания на основе принципа половозрастной дифференциации; охарактеризован общественный и семейный статус крестьянской женщины как отражение практики женского воспитания; раскрыт специфический эгалитарный характер внутрисемейных отношений; выявлено своеобразие формирования шведского национального характера на примере женского воспитания в семье.

Теоретическая значимость исследования заключается в:

1. выявлении сущностных составляющих понятия «ценностные традиции» в контексте народного воспитательного опыта; уклада жизни шведской крестьянской семьи; характеристике общественного и семейного статуса шведской женщины на основе анализа конституционных актов семейного законодательства;

2. теоретическом осмыслении содержания образовательно-воспитательных семейных традиций в Швеции в аспекте общечеловеческих и религиозных ценностей (воспитание мировоззрения, введение детей в жизнь прихода, передача навыков нравственной жизни, правил этикета, своеобразие менталитета и др.);

3. системном рассмотрении особенностей процесса женского воспитания в шведской крестьянской семье XIX века, его универсального педагогического содержания (направленность воспитания на гармоничное сочетание

традиционного круга женский умений и знаний с ценностями шведской народной культуры), выявлении наиболее значимых традиций женского воспитания (духовно-нравственные, трудовые);

4. расширении и обогащении фактологического историко-педагогического материала по развитию педагогической мысли в Швеции XIX века, в Баренцевом регионе, на Европейском Севере России на основе оригинальной шведской научной литературы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что:

1. результаты проведенной работы позволяют обогатить содержание курса «История образования и педагогической мысли в Баренцевом-регионе» («в Северной Европе») в университетах, институтах и колледжах;

2. содержащиеся в работе теоретические положения и выводы могут быть использованы в качестве основы для проведения историко-педагогических, этнопсихологических, антропологических исследований, при формировании концепции современного женского воспитания и образования, сравнительного изучения педагогических проблем в странах Северной Европы;

3. разработана и апробирована программа спецкурса «Ценностные основы женского воспитания в крестьянской семье Швеции в XIX веке», которая состоит из восьми модулей. Данная программа может быть использована для более глубокого изучения традиций шведского народа, женского национального характера, воспитания в крестьянской семье Швеции XIX в., выявления общего и особенного в русских и шведских воспитательных традициях, в компаративистской педагогике, совершенствования преподавания учебных предметов в средней школе, при разработке национально-регионального компонента содержания образования, при организации внеучебной воспитательной работы.

В результате анализа, обобщения и систематизации историко-педагогических источников, основные результаты, полученные лично соискателем, заключаются в: выявлении социально-культурных условий, повлиявших на изменение общественного статуса шведских женщин, развитие

педагогической мысли, общественного движения XIX в., реформирование школы; раскрытии на основе анализа аутентичных источников, трудов ведущих шведских педагогов основополагающих принципов воспитания Швеции XIX в., сложившихся под влиянием идей позитивизма, либерализма и др.; характеристике и систематизации ценностных традиций женского воспитания в Швеции XIX в.

Достоверность и обоснованность полученных в исследовании результатов обеспечивается обширностью ее исследовательской базы, методологической разработкой исходных теоретических позиций; объективностью научных методов, адекватных предмету, цели и задачам исследования; разнообразием аутентичных источников и материалов, обусловленных целью исследования.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Результаты исследования докладывались на региональной научно-практической конференции «Педагогика и психология: проблемы теории и практики» (2008, 2009, 2010, 2011 гг., г.Архангельск), на заседаниях аспирантов кафедры истории Стокгольмского университета, на Международной научно – практической конференции, посвященной 86-летию АЛТИ-АГТУ (17 ноября 2009 г., г.Архангельск), на научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов САФУ им. М.В. Ломоносова по итогам работ 2009 г. «Социально-культурные условия региональной среды как фактор безопасности личности» (3 февраля 2010 г., 7 февраля 2012 г., Архангельск), на Международной научно-практической конференции «Профессиональное образование в условиях инновационного развития экономики» (2010г., г. Архангельск), на первой Международной научно-методической конференции (31 июля 2012г., г.Ростов-на-Дону), на научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов САФУ им. М.В. Ломоносова, посвященной Дню Российской науки: «Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения» (7 февраля 2012, г.Архангельск); на I Ежегодной международной

научно-практической конференции, посвященной Дню Учителя (5 октября 2012, г. Новосибирск); на Международной конференции «Сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе в сфере образования и науки как источник регионального развития» (26-30 ноября 2012, Архангельск); Международной заочной научно-практической конференции «Институты и механизмы инновационного развития в образовании» (27-28 декабря 2013, Санкт-Петербург); Международной научной конференции «Детство и его ценностные приоритеты» (7-9 мая 2014, университет г. Оулу, Финляндия).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложений. Список литературы представлен 432 наименованиями, из них 288 отечественных и 144 зарубежных.

По теме диссертации опубликовано 11 статей, из них 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК, а также глава в коллективной монографии.

Глава 1. Педагогическая мысль Швеции XIX века о политике в области семьи и традиционной роли женщины в обществе

Задачей первой главы исследования является анализ философско-педагогических концепций о понятиях «ценность», «общечеловеческие ценности», «традиция»; изучение социально-культурной ситуации в Швеции XIX века, общественных и педагогических преобразований, происходивших в обозначенный период; выявление идей о женском предназначении и воспитании, принятие законов в поддержку женщины и семьи, на основе которых государством и педагогами создавались и пропагандировались новые ценностно-мировоззренческие установки относительно женщины, семьи и воспитания.

1.1. Ценностные традиции воспитания как философско-педагогическая категория

Целью первого параграфа является анализ философских, педагогических концепций отечественных и зарубежных авторов, рассматривавших сущность понятия «ценность», «общечеловеческие ценности», «традиция», «ценностные традиции воспитания».

Для исследования значимо изучение нравственной стороны человеческой жизни, так как у всех народов и во всех культурах существуют определенные системы ценностей и нормы поведения: понятия правильного, наказуемого, должного. В философии различаются термины «мораль» в значении «нравственная жизнь» или повседневная практическая жизнь человека и любого народа и «этика» как «знание о нравственности» (Х.М. Вегас, А.А. Гусейнов, О.Г. Дробницкий, И. Кант, А.В. Разин и др.). Этике как особой области философского знания, которая исследует универсальные предпосылки и формы нравственных отношений людей в системе их исторически заданной духовно-практической деятельности, посвящены работы многих отечественных и зарубежных исследователей (И. Барбур, С.К. Бондырева, Х.М. Вегас, Д.В. Колесов, М.Н. Росенко, В.А. Рыбин, В.П. Тугаринов и др.)

В своей этической теории И. Кант исходит из положения о том, что разум человека делает его моральным существом в универсальности высшего порядка. По мнению О.Г. Дробницкого, И. Кант первым обратил внимание на проблему нравственности. Нравственность не есть психология человека как такового, она не сводится ни к каким - то присущим всем людям элементарным стремлениям, чувствам, влечениям, побуждениям, ни к другим уникальным переживаниям. Нравственность может принимать форму тех или иных психологических явлений в сознании человека лишь через воспитание, через подчинение стихии чувств и побуждений особой логике долженствования. Мораль не сводится к «внутренней механике» душевных импульсов и переживаний человека, а имеет нормативный характер, то есть вменяет человеку определенные действия и сами побуждения к ним по их содержанию, а не по психологическому облику, эмоциональной окраске, душевному настрою. В этом состоит объективно-долженствительная природа моральных требований по отношению к индивидуальному сознанию [84, С.76]. И. Канту удалось определить ценностный мир как таковой, который творится самим действующим субъектом. Ограничение ценностной сферы нравственной деятельностью было самой смелой в истории философии попыткой разграничить царства идеального мира и природного бытия [286, С.538]. По мнению Л.Н. Столовича, непреходящим достижением кантовской аксиологии является утверждение им гуманистической природы и общечеловеческой значимости ценностей [233, С.10].

Е.А. Рудельсон в исследовании о ценностях в философских учениях второй половины XIX в. отмечает, что представители Фрейбургской школы - В. Виндельбанд (1848-1915) и Г. Риккерт (1863-1936), исходя из теории Канта о притязании человеческих суждений (логических, моральных, эстетических) на всеобщность и необходимость, стремились обосновать понятие ценности как центральное понятие философии.

В. Виндельбанд, различая суждения и оценки, обосновал положение о «существующих трансцендентных ценностях» [190, С.126-144]. Эта идея

получила дальнейшее развитие в работах Г. Риккерта, в философской теории которого ценность является центральным понятием. Он считает, что «..везде, где ищется мировоззрение, центральным понятием, позволяющим нам ориентироваться, является понятие ценности или блага, т. е. действительности, значение которой не исчерпывается только простым существованием, но которая осуществляет собою ценность, придающую ей характер чего-то долженствующего быть» [201, С. 4].

Г. Риккерт, как и его учитель В. Виндельбанд, утверждал, что помимо области бытия существует область идеальной действительности, где присутствуют априорные, объективные ценности. Г. Риккерт признает разные виды ценностей: познавательные, эстетические, религиозные, этические. Он обращает внимание на существующую «глубокую пропасть» между ценностями и действительностью в нравственной культуре. Этическая ценность в брачных, семейных, правовых, общественных отношениях во многом определяется, по мнению философа, волей человека, который не может позволить себе действовать, не считаясь с моральными нормами. Человек ответственен перед собой и другими за свои поступки. «Этическая ценность всегда связана с волей, и лишь отсюда она может быть перенесена на другие действительности. Этическое благо потеряло бы свой этически ценностный характер, или свой этический смысл, если бы воля действительно не обнаруживалась в мире живой жизни» [201, С.30].

Абсолютными ценностями, как называет их Г. Риккерт, являются ценности религиозные. Именно религиозные ценности обладают истинной значимостью. «Религиозного человека», философ ставит выше чем «нравственно-волящего». Выводя религиозные ценности, Г. Риккерт подчеркивает, что «религиозный человек» не является предметом изучения философии, поскольку «религия выходит не только далеко за пределы естественной, но и за пределы всей культурной жизни вообще» [201, С.34].

Итак, этическая воля признается Г. Риккертом ценностью, потому что возвышается над реальной жизнью. Религиозные ценности признаются

философом абсолютными. Ценности обладают значимостью и являются мерами норм. Смысл и значение ценностей определяется тем, насколько они индивидуальны, неповторимы и обладают общезначимостью. Ценности определяют мировоззрение людей, «позволяют ориентироваться» в мире и «познать смысл существования» [201, С.4].

Обращение к постижению религиозных ценностей как высших, абсолютных ценностей, идея религиозно-логического, этнологического постижения материальных и идеальных сущностей вселенной характеризовали историю развития русской философской мысли XIX века. Философия славянофилов (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др.) была попыткой опровергнуть немецкий тип философствования на основе русского толкования христианства, опирающегося на религиозные труды восточной церкви и возникшего как результат национальной самобытности русской духовной жизни.

И.В. Киреевский не считал работы русских старцев «готовой философией», которая не требует дальнейшего развития, но признавал религиозный опыт православной веры как правильный метод постижения истины. И.В. Киреевский воспринял у «отцов церкви способ мышления» – «безмятежность внутренней цельности духа», с помощью которого любой человек мог познать божественную истину, правду, любовь. И.В. Киреевский верил, что посредством объединения в одно гармоническое целое всех духовных сил (разума, чувства, эстетического смысла, любви, совести и бескорыстного стремления к истине) человек приобретает способность к мистической интуиции и созерцанию, которые делают для него доступной суперрациональную истину о Боге и его отношении к миру. Вера такого человека является не верой во внешний авторитет, в букву написанного откровения, а верой в «живое и цельное зрение ума» [144, С.17]. Такое «истинное» знание, по мнению русского философа, зиждется на полном единстве всех духовных сил и совершенно отличается от знания, выработанного логическим мышлением, в отрыве от воли. Разум, который не

видит «внутренней духовной жизни» и абстрагирует только рациональные элементы, – беден, односторонен и неизбежно заходит в тупик. Поскольку, по мнению И.В. Киреевского, западноевропейская цивилизация признает источником знания только чувственный опыт и разум, то в результате одни западные мыслители встали на путь формальной отвлеченности (рационализм), другие – отвлеченности чувственной (позитивизм) [144, С.18].

Свою критику западных религиозных концепций, по мнению В. Зеньковского, славянофилы основывали именно на исчезновении религиозного духа, «живого духа», и, как следствие, исчезновение творческих сил и внутренней цельности. «Замирание духовной жизни» на Западе славянофилы связывали с грандиозным развитием интеллектуальной и технической культуры. По мнению В. Зеньковского, «трагическое духовное бесплодие» и «пустодушие» славянофилы отмечали пропорционально возрастанию технического прогресса и разрушения традиционности. Поэтому внутренняя раздробленность духа, его расщепление становится основным фактом духовной жизни Запада, основным источником его трагедии [95, С.81].

Однако, осуждая рабское преклонение перед Западом, отстаивая своеобразный исторический пути развития России, ее православные духовные ценности, славянофилы воспринимали Запад как христианский мир и отмечали чувство глубокого родства и необходимость решения однородных задач. По мнению славянофилов, эти две культуры (русская и западноевропейская) не должны отрицать одна другую, иначе их уделом будет односторонность. Любовь к европейской образованности, равно как и любовь к отечественной – должны совпасть в последней точке своего развития в одну любовь, в одно стремление к живому, а потому всечеловеческому и истинно христианскому просвещению [95, С.73-74]. По мнению славянофилов, Россия была призвана оздоровить Западную Европу духом православия и русских общественных идеалов.

Как указывает Н.О. Лосский, ни И.В. Киреевский, ни А.С. Хомяков не создали своей собственной философской системы, но их идеал цельного

познания как познания органического всеобъемлющего единства способствовал созданию системы христианской философии в трудах русских философов (Н.А. Бердяев, отец Сергей Булгаков, Б.П. Вышеславцев, В.С. Соловьев, отец Павел Флоренский, С.Л. Франк, Н.Ф. Федоров и др.).

Представители русской христианской философии признавали духовную природу ценностей. Они отстаивали существование истины, добра, любви, свободы как идеальных ценностей, «независимых от социальной среды и классовой борьбы» [23, С.8]. Н.А. Бердяев (1874-1948) считал, что идеальные ценности человек может познать только «в духе»; верховной ценностью для человека является Бог [182, С.32]. Исходя из этого, высшими целями жизни для человека должны стать не экономические или социальные цели, а духовные. По мнению философа, «жизнь человеческих обществ стоит под знаком господства экономики, техники, лживой политики, яростного национализма. Иерархия ценностей определяется по принципу пользы, при совершенном равнодушии к истине. Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живет, и не имеет времени задуматься над смыслом жизни» [21, С.603].

Итак, Н.А. Бердяев определял религиозно-идеалистические ценности как высшие ценности, причем эти ценности реализуются в полноте внутреннего опыта личности. Ценность человеческой личности философ ставит выше любых других ценностей: исторических, государственных и национальных.

Духовно-нравственные стремления личности к постижению своей внутренней сущности выражены в творчестве Л.Н. Толстого (1828-1910). Как отмечал В.Н. Ильин, концепция христианства как Л.Н. Толстой «воспринял и пережил» ее, проявляется во многих философско-художественных и автобиографических произведениях автора. В.Н. Ильин в исследовании о миросозерцании графа Льва Николаевича Толстого указывает, что «спинной хребет миросозерцания» Л. Толстого составляет проблема непротивления злу насилием [102, С.191]. Свобода как ценность, по мнению Л.Н. Толстого, должна стать ведущим принципом воспитания [159, С.32].

Идея ненасильственного воспитания, обращение в воспитании к ценностям народной жизни, ценностям соборных людей являлись отражением религиозно-философских предпосылок писателя [63, С.233]. «Воспитание есть последствие жизни ...воспитание сводится к тому, чтобы самому жить хорошо, т.е. самому двигаться, воспитываться: только этим люди влияют на других, воспитывают их, и тем более детей, с которыми они связаны. Быть правдивым и честным с детьми, не скрывая от них того, что происходит в душе, есть единственное воспитание» [248, С.451].

Ценность феномена «свободы» в истории педагогической мысли стала центральной в работах К.Н. Венцеля, Д. Дьюи, Э. Кей, Г.Б. Корнетова, К.Д. Ушинского и др.

Современная педагогическая аксиология понимает ценности как специфические образования в структуре индивидуального сознания, являющиеся идеальными образцами и ориентирами деятельности личности и общества [224, С.100].

По мнению Н.Е. Щурковой, И.Т. Фролова, В.А. Караковского, ценности всегда абсолютны и вечны, потому что ценностью является то, что значимо для человеческой жизни. Наивысшая ценность – Жизнь [284, С. 8]. Понимание ценностей для воспитания представлено Е.В. Бондаревской как «человеческие смыслы, общественно одобряемые и передаваемые из поколения в поколение образцы педагогической культуры» [34, С.29].

Центральным понятием своей концепции педагогической аксиологии Н.А. Асташова называет «ценностную ориентацию», т.е. поведенческий ориентир, который актуально представляет цель активности личности. Ценностные отношения (или цели) в своей внутренней структуре могут выступать в качестве *ценности-значения* как предмет или процесс, находящийся в аксиологическом поле личности, который раскрывает свое смысловое содержание; *ценности-цели*, как осознанный желаемый результат; *ценности-принципы*, регламентирующие деятельность человека, как

руководящая идея, внутреннее убеждение; *ценности – нормы*, как конкретные образцы поведения [9, С. 8 -13].

Предлагая свою концепцию специфики и структуры ценностей, Г.П. Выжлецов отмечает, что отношение субъекта к объекту с точки зрения его значимости для удовлетворения потребности субъекта определяет специфику *оценки*, а не ценности. Ценность, в отличие от оценки, выражает наиболее общие типы отношений между субъектами любого уровня от личности до общества в целом. Ценность, по мнению Г. Выжлецова, несводима ни к значимости как своему основанию, ни к норме, ни к идеалу. Она представляет собой не просто необходимую и должную, но и желаемую цель, становящуюся идеалом и участвующую тем самым в обратном нормативно-регулирующем воздействии на межсубъектные, межчеловеческие отношения, а через них и на социальную практику [62, С.23].

Заслуживающей внимания, по нашему мнению, является концепция Н.В. Сидоровой, рассматривающей трансформацию ценностей в образовательной и информационной сферах. Мы живем в сложном мире, указывает автор, где информация становится главным продуктом, влияющим на человеческое сознание. Ценностный человеческий выбор формирует новый тип реальности под названием «информационное общество». Человек, по мнению исследователя, вынужден жить в сфере действия многих ценностей одновременно, поэтому у него возникает потребность в полицентричных системах, способных охватить все уровни структурных организаций человека: личностный и общецивилизационный. Н.В. Сидорова высказывает опасение по поводу того, что ценностям дружелюбия, сотрудничества, взаимопомощи противостоит набирающий силу «мир антиценностей», порождаемый античеловечностью, враждебностью, агрессивностью, насилием, поэтому обращение к специфике и особенностям функционирования духовных и общечеловеческих ценностей является очень важным в сложном и неоднозначном современном мире [222, С.222-223].

Особенно неожиданной и важной для темы нашего исследования представляется точка зрения В.Ф. Шаповалова о том, что со вступлением человечества в информационную и постиндустриальную эпоху возросла активность «ценностей крестьянского происхождения» [279, С.294]. К этим ценностям автор относит «ценности семьи, труда, требующего разнообразных умений и навыков, честности, личного достоинства и чести, готовности поддерживать добросердечные отношения с окружающими людьми, солидарности малых групп, внимательного и бережного отношения к природе и ко всему живому» [279, С.294]. По мнению В.Ф. Шаповалова, в автоматизированных и информационно-технологических современных обществах многие из «крестьянских ценностей» стали особенно востребованы. Например, такие как «экологичность крестьянского мировоззрения» или «увеличение роли малых социальных групп», где отношения между людьми подобны отношениям в деревне: когда все друг друга знает в лицо и по характеру, когда трудно скрыть подробности личной жизни. На первый план выдвигается «личностное знание». Личностное знание – такой элемент знания, который связан с конкретной личностью, ее характером, навыками, сноровкой, жизненным опытом. Труд крестьянина был основан на знании личностного характера. Переход от массовой однотипной продукции к удовлетворению индивидуальных потребностей потребителя актуализирует значение личностного знания в современных условиях. По мнению автора, «ценности крестьянского происхождения» «обнаруживают свою жизненную значимость не только в деревне, но и повсюду, где существуют и успешно функционируют человеческие сообщества» [279, С. 291].

Для нашей работы важно рассмотреть понятие «общечеловеческих ценностей», которые определяют и будут определять не только образ и стиль ныне живущих, но и будущих поколений, а также тенденции развития жизни на планете. Многое будет зависеть от того, какие нормы взаимоотношений установятся между людьми разных национальностей и государств. Мы согласны с высказыванием Ю. Шрейдера о том, что мир в наши дни слишком

сложен, чтобы с позиций какой-либо одной культуры, системы ценностей или идеологии можно было его адекватно понять и описать... в основу жизни и деятельности цивилизации необходимо положить те жизнеутверждающие общечеловеческие ценности, без которых невозможно создать экологически конструктивные отношения с природой, невозможно вернуть труду человека смысл и достоинство, сделать жизнь человека полнокровной и полноценной [67, С. 4].

В условиях нарастания и обострения глобальных проблем, в 1968 году А. Печчеи инициировал создание международной некоммерческой организации – Римского клуба. По мнению А. Печчеи, только *новый гуманизм* способен обеспечить трансформацию человека, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в мире. Этот *новый гуманизм* должен не только быть созвучным приобретенному человеком могуществу и соответствовать изменившимся внешним условиям, но и обладать стойкостью, гибкостью, способностью к самообновлению, которая позволила бы регулировать и направлять развитие всех современных процессов и изменений. Он должен быть творческим и убедительным, чтобы радикально обновить кажущиеся незыблемыми нравственные принципы и нормы, способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций – духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных [184, С. 211-212].

Таким образом, *новый гуманизм* А. Печчеи и его сторонников провозглашает общечеловеческие ценности справедливости и альтруизма, бережливости и щедрости, сострадания и ответственности, стремления к новому при уважении к настоящему и прошлому каждого конкретного человека и человечества в целом.

В научной педагогической литературе XX в. многие исследователи обращались к значимости общечеловеческих ценностей (Х.М. Вегас, Г.Н. Волков, Г.П. Выжлецов, Л.П. Гифранова, Ю.С. Димитрюк, В.И. Ефимов, В.А. Караковский, Н.К. Крупская, Д.А. Леонтьев, Б.Т. Лихачев, Н.Д. Никандров,

Е.О. Севостьянова, А.В. Сергеева, В.А. Сухомлинсий, И.А. Пурикова, В.М. Таланов и др.)

По мнению Д.А. Леонтьева, общечеловеческие ценности (ОЦ) обобщают конкретно-исторический опыт совокупной жизнедеятельности человечества и отражают некоторые общие черты, присущие жизнедеятельности людей различных исторических эпох, социально-экономических укладов, классовой, национальной, этнической и культурной принадлежности [136, С.19]. Ю.С. Димитрюк выделяет ОЦ среди прочих ценностей тем, что они выражают общие интересы человеческого рода, свободные от национальных, политических, религиозных и иных пристрастий, и в этом качестве выступают императивом развития человеческой цивилизации [80, С.102]. Н.Д. Никандров, Л.П. Гифранова определяют общечеловеческие и другие ценности в системе отношения *род - вид*: 1) ОЦ – это ценности, которые принимают все люди, подавляющее большинство, весь род человеческий [65, С.175; 168, С.3-10]; ОЦ, составляющие родовые понятия, носят идеальный, предельно абстрактный характер, выступая в виде определенного образца, Абсолюта, положительного полюса аксиологического пространства, на который необходимо ориентироваться в том или ином виде деятельности [65]. В.И. Ефимов, В.М. Таланов, под «общечеловеческими ценностями» понимают непреходящую существенную значимость для каждой нормальной личности любого возраста и любого типа общества. Они выделяют три типа систем общечеловеческих ценностей: 1) общелюдские ценности, среди которых важнейшая, центральная – жизнь, с жизнью связано здоровье, к этому типу относятся также счастье, справедливость, прекрасное, истина, творчество; 2) ценности человечества – чистый воздух, полезные ископаемые, источники энергии, плодородная почва, сбалансированная флора 3) ценности государства – фундаментальной из которых является развитие человечества, к этому типу относятся ценности важные для государства – суверенитет, экономика, медицинское обслуживание граждан, духовная культура общества, образование и воспитание, развитие науки [86, С.231-240]. Г.Н. Волков называет общечеловеческие ценности

духовно-нравственными, вечными. По его мнению, осмысление ОЦ требует учета свойств народной педагогики и народного воспитания. Вне труда, красоты, добра, справедливости, считает Г.Н. Волков, невозможно формирование высоких нравственных качеств личности [57, С.235-236]. Б.Т. Лихачев все ценности классифицирует на преходящие – конкретно-исторические; устойчивые – ментальные, этнические; индивидуально-личностные и общечеловеческие [139, С.75]. А.В. Сергеева, сравнивая русские и европейские ценности, выделяет следующие общечеловеческие ценности: уважение к просвещению и образованию, науке; любовь к Родине, патриотизм; преобладание традиций, консерватизм; жажда справедливости и др. [221, С. 12]. Н.Г. Севостьянова определяет ОЦ как систему аксиологических максим, содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности [58, С. 727].

Нельзя не отметить, что классики отечественной педагогики Н.К. Крупская, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский в своих трудах связывали нравственное воспитание с усвоением общечеловеческих норм нравственности.

В.А. Сухомлинский (1918-1970) считал, что раскрывать перед детьми общечеловеческие нормы нравственности необходимо в младшем возрасте: когда душа наиболее податлива к эмоциональным воздействиям, тогда следует учить «азбуке морали».

По мнению В.А. Сухомлинского, незаменимым средством воспитания служат нравственные, гражданские, идейные ценности. Постигая гражданское мужество, долг перед Родиной, юноши и девушки учатся измерять себя высшей меркой морального достоинства, поэтому воспитание на гражданских, духовных ценностях является очень действенным средством, по мнению педагога. Отношение к будущей личности как высшей ценности невозможно обеспечить без настойчивого воспитания системы ценностей, опоры на

трудовые традиции. В результатах своего труда человек должен видеть живое воплощение тех истин и принципов, которыми он дорожит [238, С.162-168].

По мнению А.Г. Спиркина, люди каждого последующего поколения включаются в жизнь, в мир предметов и отношений, в мир знаков и символов, созданных предшествующими поколениями. Так образуется традиция как социальная по своему механизму форма передачи человеческого опыта, ценностей. Специфически человеческие свойства передаются, прежде всего, средствами социальной традиции [249, С. 7-9].

Поскольку понятие «традиции» (как и понятие «ценности») является значимым для диссертационного исследования, мы обратились к социокультурному, философскому и педагогическому осмыслению этого феномена. По мнению А.Б. Гофмана, Э.С. Маркаряна, К.А. Сарингуляна, А.Г. Спиркина, К.В. Чистова и др., традиции включают в себя объекты социокультурного наследия (материальные и духовные ценности); процессы социокультурного наследования; способы этого наследования. В качестве традиции выступают определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и т.д.

Э.С. Маркарян один из первых положил начало дискуссии о теоретических аспектах исследования традиции на страницах журнала «Советская этнография» в 1981г. [149, С.29-30]. Э.С. Маркарян, К.А. Сарингулян определяют культурную традицию как выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах [212, С.99]. К.В. Чистов, указывает, что в определенном теоретическом контексте термины «культура» и «традиция» могут быть синонимичны. Традиция – это система связей настоящего с прошлым, при помощи этой связи совершается определенный отбор, восприятие опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся. Под «культурой» понимается опыт, накапливающийся в виде

традиции, т. е. системы стереотипов человеческой деятельности или представлений о них [277, С.105].

По мнению А.Б. Гофмана, если резюмировать существующие на сегодняшний день теории и идеи относительно социокультурной природы традиций, то их можно свести к двум противоположным подходам. Согласно первому, представленному в интерпретациях К.Г. Юнга, О.А. Шпенглера, конкретное общество или культура выступают как набор традиций, образующий специфический культурный генотип и обладающий особым культурным кодом, аналогичным генетическому. Инновации при таком подходе рассматриваются как отклонения, мутации, нарушающие целостность исходного социокультурного генетического материала. В соответствии со вторым подходом (Э. Хобсбаум, Т. Рейнджер) традиции – это процесс и результат конструирования производства, изобретения и воспроизводства чего-либо в качестве воспринятого из прошлого, в качестве социокультурного наследия [250].

По мнению А.Б. Гофмана, обе позиции заслуживают критики за то, что в первой социальные действия людей представлены как пассивные реципиенты традиций. Данному подходу свойственна недооценка роли инноваций и заимствований в социальном развитии. Другая позиция истолковывает традицию как разновидность инновации, что, по мнению А.Б. Гофмана, является слишком упрощенным и волюнтаристским. Под традициями в общем виде А.Б. Гофман понимает «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в обществах и социальных группах в течение длительного времени» [250, С.18].

В.Д. Плахов выделяет критерии, позволяющие классифицировать традиции по общественно-историческим формациям; по видам общественных отношений; по характеру деятельности; по классовым, национальным, семейным отношениям [186, С.106].

Философское понимание традиции от сакральных оснований к современности раскрывается в монографии И.Н. Полонской, которая понимает

традицию как непрерывно воспроизводящаяся система символически оформленных стереотипизированных знаний, представлений и практик в ее исторических модификациях [187, С.12].

Педагогическое понимание традиции представлено в работах Н.Б. Баранниковой, С.К. Бондыревой, Т.С. Буториной, Х.М. Вегас, А.В. Захарова, В.В. Зеньковского, Д.В. Колесова, О.А. Косиновой, М.В. Савина, Е.В. Смирновой, Н.П. Юдиной и др.

Е.В. Смирнова, О.А. Косинова рассматривают традицию как комплексное междисциплинарное явление на стыке истории, психологии, философии и других наук и толкуют собирательное понятие традиции процесс «передачи духовных ценностей от поколения к поколению» [123, С.1-6; 226, С.184]. М.В. Савин предлагает собственную дефиницию педагогической традиции. По мнению автора, «традиция» – это целостное исторически сложившееся социокультурное образование, представляющее неотъемлемую часть культурной национальной среды [209, С.72].

Н.П. Юдина анализирует проблему связи традиционализма и педагогической традиции. Педагогическая традиция, по ее мнению, – это атрибут педагогической реальности, который выражает объективно существующую преемственную связь между элементами или качественными состояниями (этапами) пед. реальности. Благодаря традиции наследуются представления о цели, задачах, сущности педагогического процесса, средства и способы реализации цели, характер взаимодействия субъектов [287, С. 333].

По мнению С.К. Бондыревой и Д.В. Колесова, традиции – это проявление традиционности. Традиционность – это передаваемость или переданность чего-либо от поколения к поколению либо в небольшом масштабе (семья), либо в крупном масштабе (страна). Содержание традиции, по мнению авторов, всегда выступает в роли способа удовлетворения какой-либо потребности в повседневной жизни индивида. Это может быть удовлетворение его потребности в безопасности, материальных ресурсах, информации и др. Авторы высказывают важную для нашего исследования мысль о том, что

крестьянская жизнь и деятельность характеризуется природосообразностью и традиционностью. Именно крестьяне решают жизненные задачи хорошо проверенными, традиционными способами, а нравственные качества земледельца способствуют традиционности его действий и следованию обычаям [35, С.101-102, 254].

Х.М. Вегас начинает с того, что социальное измерение человека предполагает формирующие присутствие «других» в своей жизни. В силу соотнесенности с другими ребенок погружен в человеческий мир и пребывает в ситуации сосуществования, которое Х.М.Вегас называет «связыванием» (или глубинной обусловленностью). «Другие» влияют, воздействуют на него, оставляя свой «отпечаток» в плане культуры, языка, что позволяет ребенку постепенно обретать «человеческие формы», вступать в область специфически человеческую. «Уровень человечности» определяет для индивида конкретную человеческую перспективу в форме ментальности, которая обуславливает его образ жизни. Ментальность как общий способ мышления и общая культурная перспектива имеет конкретное содержание и в нем проявляется как традиция. Традиция, по мнению Х.М. Вегас, не просто передача законов, институтов, обрядов и т.д. из прошлого в будущее. На ее основе возникает преемственность (традиция зарождается в прошлом и передается от старшего поколения к младшему) и перспективность, позволяющая найти подходы к новым ситуациям, чем объясняется ее динамический характер. Традиция приходит из прошлого как система реализованных предыдущими поколениями возможностей, открывая в настоящем новые возможности для будущего [50, С.18]. Х.М. Вегас, Н.Б. Банникова, С.К. Бондырева, Д.В. Колесов утверждают «преемственность традиции и непрерывность знания» между поколениями. По мнению Н.Б. Банниковой, чувство преемственности порождается и практикой, и разговором (дискурсом) о практике. Непрерывность традиции – одновременно объяснение и оправдание определенных стратегий поведения, к которым приобщается следующее поколение [106, С.340].

Т.С. Буторина указывает, что традиции выступают средством сохранения, воспроизводства, передачи и закрепления социального опыта, духовных ценностей. Традиции формируют образ жизни человека, с их помощью передаются нормы поведения, требования к личности. Т.С. Буторина обращает внимание на значимость воспитательно-образовательных традиций, которые исследователь определяет как исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение, сохраняемые и одобряемые общественным мнением в течение длительного времени идеи, принципы, способы, лежащие в основе деятельности и поведения людей. По мнению автора, основополагающими идеями для воспитательно-образовательных традиций являются идеи о ценности знаний; о ценности человека; семьи; труда; идеи о ценности нравственности [44, С.46].

Проанализировав различные теоретические убеждения относительно «ценности», «традиции», в заключение данного параграфа в качестве резюме отметим, что современные философско-педагогические формулировки понятия «ценность» и «традиция» базируются на разных подходах и используются авторами на отличных друг от друга, иногда взаимоисключающих смыслах, тем самым подчеркивая наличие у слова «ценность» и «традиция» разных аспектов. Вслед за Х.М. Вегас, мы считаем важным для педагогической теории ценностей вопросы о специфике объективности или относительности ценностей и нравственных норм. Искажение восприятия ценностей, происходящее в современном мире, превращает мир ценностей в мир субъективных интересов. Инструментальные ценности (экономические) ставятся выше нравственных, духовных. Все это «создает восприятие», что ценности субъективны и зависят от индивидуальных взглядов. Отстаивая позицию нравственного объективизма, мы считаем, что такая точка зрения не отрицает существования относительных ценностей, однако категорически отвергает гипотетичность и зависимость всех норм от социального и культурного контекстов, а также их субъективность, условность и инструментальность. Объективность означает внутреннюю ценность, значимую по своему содержанию, достойную быть желаемой самой

по себе. По нашему мнению, ценности, если они подлинные, не могут перестать быть ценными и неспособны переживать кризис в сущностном содержании.

Исходя из вышесказанного, рассматривая философско-педагогическую категорию как научное понятие, выражающее наиболее важные общие свойства и связи явлений действительности, следует определить **ценностные традиции воспитания** как объективно-значимые и общественно-одобряемые идеи и принципы, которые передаются из поколения в поколение и могут влиять на поведение людей, их нравственность.

Духовные «ценности крестьянского происхождения» (термин В.Ф. Шаповалова) являются вечными и обнаруживают свою жизненность в современных условиях. Для постиндустриального и информационно-технологического общества образ жизни крестьянства, крестьянский труд на земле, его быт представляют собой арсенал духовности в качестве ценностных ориентиров как комплекс факторов гармонизации основных жизненных отношений и поведения индивидов. Этот комплекс отличается традиционностью, природосообразностью, устойчивостью, элементами личностного знания, которое передается из поколения в поколение. Основу ценностей крестьянства составляют общечеловеческие ценности: семья, труд, высокие нравственные качества личности, почитание родителей и уважение старших и др.

1.2. Социально-культурная ситуация в Швеции XIX века

Развитие педагогической мысли, полемика о социально нравственном облике женщин, появление новых идей о женском воспитании и обучении происходит на фоне развития общества. В XIX веке Швеция пережила реформы в социально-экономической, политической и культурной сферах, которые способствовали более активному участию женщин в общественной жизни, становлению системы женского образования в стране. К факторам, которые оказали влияние на семейное и социальное положение женщин в шведском

обществе, мы относим: изменение экономической и социальной структуры, индустриализацию и урбанизацию, демографическую ситуацию; реформы в области образования; появление народных движений и общественно-политическую мысль Швеции XIX века.

Целью параграфа является выявление на основе источниковедческого анализа тех условий, в которых появлялись новые педагогические мысли по поводу традиционного взгляда на предназначение женщины и женского образования.

Первоначально мы определили степень изученности данной проблемы в научной литературе. Источниковедческие работы мы распределили на следующие группы:

1. Литература правового характера: специальные разделы Шведской конституции: Закон о браке (1734 г., 1898 г.) ; Закон о наследовании (1734г.; 1898г.). Правовое положение женщин непосредственно или опосредованно освещено в работах (Р. Амбьёрнссон, К.В. Берг, А. Гёранссон, Г. Квист, А.Н. Павлова, Т.В. Тиайнен, А.С. Уландер, К. Флорин и др.). Исследования особенностей социально-исторического (И. Андерсон, Р.Н. Ахметишина, Б. Бергстрём, Й. Вейбулль, А.С. Кан, Л. Лагерквист, У. Лёфгрен, Я. Мелин, Г.А. Некрасов, Л.А. Нурборг, А. Оберг, А.В. Юханссон, Э.Ф. Хекшер и др.), политического (У. Петерссон, С. Хадениус, С. Хеденборг и др.), демографического (Й. Вейбулль, А.С. Кан, Э.Ф. Хекшер и др.), правового развития Швеции в XIX веке (Э. Аннерс, Л.Б. Красавцев).
2. Научные труды шведских и российских ученых по истории педагогической мысли и образования XIX века: исследования обзорного характера по истории западной школы (С.А. Ананьин, Г.Б. Корнетов), шведской школы данного периода (П.Г. Виноградов, П.Ю. Ёдман, Л.М. Зотова, Д. Ландквист, И.Р. Луговская, С. Хартман и др.); характеристика типологий школ и отдельных учебных заведений (П.Ф. Дворников, П.Г.Мижухев и др.); проблематика развития и становления женского образования в Швеции (А.В. Арцимович, У. Енерот, К. Флорин, Л. Кореланд, А. Ульман, С. Шёстранд и др.), включая

Высшие народные школы (Ю.В.Зудов, Б.С. Жаров, С.Орловский и др.) и учительские семинарии (И.Т. Бруман, К. Флорин).

3. Работы по характеристике шведской общественно-политической мысли, возникновению и распространению народных и религиозных движений в XIX веке, активными участницами которых были шведские крестьянки (А. Оберг, Т. А. Салычева, О. В. Чернышова и др.).

Швеция – самая крупная из скандинавских стран, в течение XVIII и вплоть до начала XIX века была во многих отношениях самой развитой из них: здесь раньше, чем в Норвегии и Дании, начали развиваться капиталистические отношения в промышленности и в сельском хозяйстве [11, С.80]. Русские исследователи (Р.Н. Ахметишина, А.С. Кан, Г.А. Некрасов, О.В. Чернышова) и шведские ученые (Б. Бергстрём, Г. Квист, У. Лёфгрен, Я. Мелин, У.Петерссон, А. Оберг и др.) обозначают конец XIX-начало XX века как период экономического подъема Швеции. Создавались новые отрасли промышленности. Развивалась национальная транспортная система. Аграрная страна превращалась в современное индустриальное общество.

В этот период были проведены широкие либеральные политические реформы (1842 г.-Закон о помощи бедным; 1860 г.-свобода исповедания; 1862 г. -реформа местного самоуправления; 1864 г.-новый уголовный кодекс; 1866 г.-парламентская реформа и др.). Одним из либеральных требований было упразднение сословности риксдага, расширение избирательного права. По мнению Э. Аннерса, средневековое сословное общество, в котором четыре сословия (с 1435г. в шведский риксдаг входили представители четырех сословий – дворянства, духовенства, бюргеров и крестьян), каждое со своими социальными задачами и привилегиями, еще в начале XIX века составляло сам фундамент общественной жизни, благодаря индустриализации превратилось в классовое общество буржуазно капиталистического типа [5, С.376]. Крупные предприниматели, банкиры, выходцы из старых аристократических фамилий представляли буржуазный слой общества, в чьих руках сосредоточился промышленный и финансовый

капитал. Как указывает Л.-А. Нурборг, с 1866 г. эта группа принимала активное участие в управлении государством, накладывала вето на все политические решения, противоречащие ее интересам [388, С. 58]. Представители буржуазии выступали против консерваторов, признававших ценности, которые соответствовали жизни прошлых поколений. Они выступали за идеи свободы: промыслов, торговли, конкуренции, труда, печати, собраний, совести и пр.; критиковали цеховые привилегии и ограничения, предъявляли требования свободы хозяйственной деятельности для всего населения, включая женщин [126, С.103-104; 110, С.356].

Сторонниками либеральных требований, поддерживающими решения крупной буржуазии в XIX в., в Швеции выступила группа представителей среднего класса. По мнению Б. Бергстрёма, средний класс – это обобщенное название государственных служащих, владельцев предприятий, оптовиков, адвокатов, учителей, журналистов и др. Б. Бергстрём указывает, что средний класс был немногочисленным и неоднородным в XIX веке, однако в то время имел значительный вес в принятии политических решений. Часть крестьян по мере быстро происходившей социальной дифференциации в сельской местности стала представлять собой мелкую буржуазию [296, С.176-177]. Это относится, в основном, к тому времени, когда культурные различия между крестьянским населением и городским слоем среднего класса стали стираться. По словам Л.-А. Нурборга, «шведские крестьянки забросили шали и платки и начали надевать дворянские шляпы, а учителя в народных школах пытались избавить учеников от диалектальных оборотов речи» [388, С. 59].

По мере упрочения индустриального общества, развития капиталистических отношений начала доминировать рыночная экономика. Количество населения, занятого в сельском хозяйстве, сокращалось, и многие переезжали в города. По мнению Аниты Гёранссон, «самыми первыми среди переезжавших в города были молодые девушки, которые раньше в деревнях пасли и доили коров» [332, С.108].

Наряду с процессом урбанизации, как важным фактором изменения социальной структуры Швеции в XIX в., исследователи (Й. Вейбулль, Л.Б. Красавцев, А.С. Кан, Э.Ф. Хекшер и др.) отмечали демографический сдвиг в приросте населения [110, С.356; 338, С.252-253]. Согласно исследованиям Йоргена Вейбулля, Швеция издавна была малонаселенной страной. До 1800 года прирост населения шел медленно. Смертность, особенно детская, была очень высокой, и в годы неурожая, войн и эпидемий население уменьшалось. На рубеже XVIII и XIX веков население стало постоянно и быстро расти. В начале XIX в. население Швеции составляло 2,4 миллиона человек, к 1850 году оно выросло до 3,5 миллиона, а в 1900 году составило 5, 1 миллиона человек. Таким образом, население страны более чем удвоилось в период с 1850 по 1900 г.

Шведский поэт Эсайас Тегнер метко определил причины такого прироста: «мир, вакцина и картофель» [51, С.82]. В XIX в. шведы были избавлены от высокой смертности, ранее связанной со множеством войн. Разведение и распространение картофеля, повышение эффективности зернового земледелия увеличили количество пищевых продуктов и улучшили здоровье народа [51, С.82]. Прививки против оспы, ставшие обязательными после 1815 года, прогресс в области медицины снизили распространение холеры, туберкулеза, полиомиелита, привели к низкому уровню детской смертности. Рождаемость оставалась высокой, все вместе способствовало резкому приросту населения [388, С.10-11].

Городское население росло параллельно с ростом всего народонаселения до 1825 года, согласно цифрам, приведенным в книге Эдуарда Беренса о государственном хозяйстве Швеции. За период с 1805 по 1871 гг. городское население более чем удвоилось, а сельское возросло на 50 % [20, С.333]. Быстрыми темпами в городах увеличивалось население людей среднего возраста после 1830г. Одновременно с этим возросло количество молодых людей, не вступавших в брак. Как результат, количество незамужних женщин стало огромным, особенно в Стокгольме. Группа незамужних женщин в

возрасте 20 - 45 лет в 1830 г. составляла 180 000 тысяч человек, а 1845 г.- 260 000. Существовала форма сожительства, получившая название «gift på stockholmska»-«быть женатым по-стокгольмски», когда мужчина и женщина не были официально обвенчаны в церкви [308, С.431]. Параллельно с ростом количества незамужних женщин увеличилось количество детей, рожденных вне брака. В 1845г. в сельской местности более половины взрослых женщин состояли в браке, в Стокгольме всего 25%. Соответственно, в 1840-х годах в сельской местности процент детей, рожденных вне брака, составлял 7%, в небольших городах-27%, в Стокгольме-45%. Дети, рожденные вне брака, и их матери оказывались в очень трудной социальной ситуации: они подвергались дискриминации как со стороны общества в целом, так и в своем непосредственном окружении. Многие из этих женщин не могли обеспечить пропитанием своих детей [296, С. 84].

В монографии «Борьба за кафедру» Кристина Флорин выделяет незамужних женщин как группу наиболее уязвимую, испытывающую материальные трудности, в которых незамужние женщины были вынуждены существовать в результате политических и экономических изменений в начале XIX века [319, С. 99].

Одновременно с демографическими изменениями и урбанизацией, указывает А. Гёранссон в антологии «Женский пол на рубеже веков», расширилось государственное управление и администрация частных предпринимателей. Как следствие большее количество служащих стало востребовано для работы в конторах, в сфере коммуникаций, торговли. По мнению автора, процесс модернизации, происходивший на протяжении всего XIX в., способствовал появлению ряда новых профессий, требующих научных знаний, представлявших собой монополию государственно санкционированного образования, экзаменов или сертификатов. Профессиональными сферами с необходимым специальным уровнем подготовки в XIX в. стали лечение и уход за больными, образование, а также служебные должности, возникшие в результате развития инфраструктуры и

коммуникаций: телеграфист, почтовый служащий, административные работники [332, С.109]. Женщины как рабочая сила «выступили вперед», подчеркивает Гуннар Квист [398, С.150]. Государственные власти находили выгодным использование женского труда в государственных ведомствах, управлении, на производстве, причем жалование, выплачиваемое женщинам, было гораздо ниже уровня, выплачиваемого мужчинам. Малым вознаграждением учительского труда и незначительным числом профессий, доступных для женщин, П.Г.Мижур объясняет «заполнение педагогической профессий» шведскими женщинами (по крайней мере, в области начального образования). В своей работе автор указывает, что за 22 года (1876-1898 гг.) количество женщин-учительниц удвоилось (с 4, 701 до 10, 266) и по сравнению с 1876 г. составило две трети педагогического персонала начальных школ [159, С. 13 -14].

Требование свободы хозяйственной деятельности, возможность получить образование, а затем работу являлось важным делом, прежде всего, для образованных женщин буржуазного круга. Сторонники либеральных реформ в риксдаге, ректор либеральной газеты «Автонбладет» Л. Ниерта, юрист Ю.Г. Риккерт, известный педагог К.Ю.Л. Альмквист, писательница, педагог Фредерика Бремер поддержали требование женщин о признании за ними свобод наравне с мужчинами, проект был подан в правительство. Когда проект реформы обсуждался в риксдаге в 1846 году, он вызвал острые дебаты и серьезные противоречия прежде всего со стороны духовенства и консервативно настроенной части риксдага, выразивших беспокойство по поводу предоставления женщинам возможности иметь собственную работу и экономическую независимость. Они опасались, что вслед за экономическими свободами женщины будут настаивать на политических требованиях и в достижении своих целей потеряют женскую индивидуальность, будут поступать и вести себя как мужчины, что противоречит женской природе. Архиепископ Ю.О. Валлин предупреждал, что «женщина может стать нарушающим общественный порядок диссонансом в творении, отвратительным

отклонением от Божественного порядка, а ее экономическая свобода неизбежно приведет к распаду семьи и гибели общества, если не будут соблюдаться правила, обозначенные в Малом Катехизисе Лютера» [311, С.287].

Несмотря на идейные противоречия консервативной части парламента, важная либеральная реформа о введении свободы предпринимательства и отмене прежней цеховой системы была одобрена и принята правительством Оскара I (1844-1859) в 1846 году. Реформа, отменявшая монополии на определенные профессии, стала первой в ряду нескольких, предоставивших женщинам одинаковые права с мужчинами [51, С. 94].

Закон 1858 года признавал за незамужними женщинами права юридической дееспособности [243, С.196]. Необходимо пояснить, Раздел о наследовании (Ärfta Balken) согласно так называемому новому общешведскому уложению, принятому риксдагом в 1734 году, должен был регулировать перемещение движимого и недвижимого имущества, а также управление и распоряжение имуществом [320, С.99]. Согласно Разделу о Наследовании закона 1734 года следовало:

➤ «Mö af hwad ålder hon wara må, stånde under förmynderskap» (Ärfta Balk, § 2, Cap.XIX)

Независимого от возраста девушки, пусть остается под присмотром опекуна.

➤ «Dör fader, eller moder; ärf we tå Fräslemans och Bondes son efter landsrätt två lotter, och dotter tridiung» (Ärfta Balk, § 1, Cap. II)

«В случае смерти отца или матери; сын крестьянина или фрэльса (ист. военно-земельное сословие, члены которого, фрэльсманы, несли военную службу и были освобождены от налогов и государственных повинностей) [135, С.199] пусть наследует две трети имущества, а дочь одну треть» [294, С. 26]. Таким образом, согласно закону 1734г. дочь наследовала одну треть в сравнении с сыном, который по закону наследовал две трети.

Ронни Амбьёрнссон указывает, что в Швеции со средневековых времен существовал институт опекунства. По закону незамужняя женщина не могла без содействия опекуна наняться на работу, приобретать или продавать

имущество или вступить в брак. Формально опекун имел право решать любой правовой вопрос. Согласно закону он нес ответственность за религиозное воспитание и профессиональное образование незамужней женщины. Постановление 1858 года позволяло незамужней женщине заняться ремеслом или приобрести профессию при условии обращения в суд вместе с опекуном для получения особого разрешения, представлявшегося властями в виде исключения по достижении 25-летнего возраста. В 1863 году обязательность подачи заявления в суд отменили [290, С. 5.] Г. Квист указывает 1884 год, когда незамужняя женщина получила равные права с мужчинами на занятие профессиональной деятельностью [398, С. 163].

Вопрос правоспособности замужней женщины в Швеции XIX века в большей или меньшей степени освещен в многих научных работах (Т.В. Тиайнен «Государственный феминизм в Швеции во второй половине XX века, 2007 [242]; А.Н. Павлова «Союз Фредрики Бремер: история борьбы за равноправие полов в Швеции», 2003 [180]; А.С. Уландер, Л. Сомместад «Женщины, дети и работа в Швеции 1850-1993»; Г. Квист «Перспектива так называемой женской эмансипации в Швеции», 1977, [398]; К. Флорин и др. «Женщины на пути к гражданским правам : гендер, политика и публичная сфера 1800-1950», 2011 [320]; А. Гёранссон «Пол, поступок и власть : структурные изменения 1800, 1900 и 2000», 2000 [332]; Р. Амбьёрнссон «Эллен Кей и ее представление о положении женщины в обществе до 1896 включительно», 1974 [290] и др.).

Г. Квист полагает, что положение замужней женщины было изменить гораздо сложнее, потому что здесь приходилось сталкиваться многим интересам и менять устоявшиеся ценности [398, С. 163].

Для того чтобы понять огромное нежелание членов парламента предоставить юридическую дееспособность женщинам, состоявшим в браке, имеет смысл охарактеризовать роль и статус замужней женщины, принадлежавший ей в силу традиций, складывавшихся веками.

Для этой цели обратимся к истории Реформации в Швеции, начало которой было положено решениями риксдага в 1527 году. В это время в Швеции доминировало влияние идей Мартина Лютера (1483-1546) и Филиппа Меланхтона (1497-1560). В 1541 году вышел полный шведский перевод Библии [152, С.49], которая состояла из Большого и Малого Катехизиса Лютера со специальным приложением, которое называлось на старошведском «Hustavla» (шведс. Hus – дом, Tavla – доска), т.е. маленькая книжка, имевшаяся в каждом шведском доме, представлявшая собой приложение к Малому Катехизису Лютера. Приложение состояло из библейских цитат в соответствии с традиционным учением Лютера о трехступенчатой социальной иерархии – ecclesia (церковь), politia (государство) и oesonomia (дом или хозяйство). Эти цитаты прописывали основные христианские обязанности и поведение в рамках иерархии: правитель / подчиненные; священник / прихожане; глава семьи / дети и слуги и т.д. Hustavla, по мнению Егила Юханссона, устанавливала основополагающие принципы для всего общества, для духовенства и прихожан в духовной сфере, властей и подчиненных – в политической сфере, для хозяина и слуг – в экономической. В силу сложившейся системы и традиции Hustavla являлась основным документом, предписания которого соблюдали все сословия на протяжении веков. Каждый согласно иерархии имел права, но прежде всего, должен был выполнять обязанности.

Экономический или хозяйственный порядок функционировал внутри деревни и внутри дома. Цитаты из Библии больше всего освещали взаимозависимость жены и мужа, родителей и детей, хозяина и слуг. Не только экономические функции в ежедневной работе и повседневной хозяйственной жизни были отражены в Hustavla, но так же, как и в жизни прихода, там были прописаны псалмы и молитвы, которые следовало читать в кругу семьи [346, С. 12-15].

Итак, как семейная, так и общественная жизнь всех сословий была регламентирована в соответствии с идеологическими и религиозными нормами, прописанными в Священном писании, согласно которым женщина должна

была занимать подчиненное положение по отношению к главе дома — мужчине. По закону замужняя женщина наследовала половину имущества, находилась под опекой мужа или брата, оставалась юридически неправомочной и формально не могла принимать решения в отношении детей.

Несмотря на предоставление проектов по изменению юридической дееспособности женщин в браке в начале XIX в., Парламентский комитет 1815 года, специально созванный для рассмотрения «женского» вопроса, не сделал послабления в дополнении к закону 1734 года:

➤ Sedan man och qwinna samman wigde äro, tå är han hennes rätte målsman, ock äger söka och swara för henne: hustrun följer ock mannens stånd ock villkor (Giftermåls Balk 1734, Cap. 9, § 1.)

«С тех пор как мужчина и женщина обвенчались в церкви, то муж [становится] законным опекуном жены и имеет право представлять ее интересы и отвечать за нее: жена [принадлежит] сословию мужа и обстоятельствам».

Институт опекунов устанавливал мужа как единовластного хозяина в доме. Как пишет Карин Вестман Берг, «по крайней мере, в теории муж мог осуществлять неограниченную власть в принятии решений относительно работы жены в хозяйстве и воспитании детей» [294, С.29]. К мужу как опекуну переходило право управления имуществом жены и ее доходами, которыми он мог распоряжаться без предоставления ей отчета о своих решениях. Без согласия жены муж имел право разделить имущество между наследниками, заложить или продать имущество, дом, землю. Жена не могла без разрешения мужа предпринимать какие-либо экономические сделки.

В начале XIX века проект с предложением об ограничении прав опекуна внес в риксдаг либерал, публицист, редактор политического журнала «Афтонбладет» Ларс Хиерта. Однако проект не встретил поддержки ни в одной палате. Вопрос об юридической самостоятельности замужней женщины обсуждался на сессиях риксдага в 1828-1830, 1834-1835, 1840-1841 годах [294, С. 29]. После смерти Л. Ниерта в 1872 году его дочь А. Хиерта и ее подруга Э. Анкарсвэрд продолжили дело, начатое отцом. Привлекая женщин к активному

участию по решению данного вопроса. Они создали «Союз для достижения права замужних женщин на собственность» в 1873 году.

Согласно § 1 в уставе была определена цель Союза: «Содействовать такому изменению принадлежавшему ей до или после свадьбы, включая доход в виде заработной платы от работы».

Спустя год объединение насчитывало 300 человек. Общественное мнение, главную движущую силу которого составляли женщины, повлияло на внесение проектов и предложений в риксдаг в 1873-1874 и 1883-1884 годах [294, С. 10-12]. В 1898 году были приняты важные дополнения к закону в Разделе о Браке (*Giftmålsbalken*, § 1, Cap. 9). В соответствии с законом, несмотря на то, что муж оставался опекуном жены, она принадлежала к тому же сословию и должна была жить в тех же условиях, что и муж, он не имел права управлять и распоряжаться имуществом, которое ей досталось по завещанию, а также доходами от ее заработка.

Второй параграф девятой главы Раздела о Браке 1898 года (*Giftmålsbalken*, § 2, Cap.9) устанавливал следующее: муж не имел права продать, разделить, подарить, в случае долга – заложить личное недвижимое имущество жены без ее согласия и подписи на документе в присутствии двоих свидетелей. Если же сделка произошла без согласия жены, она (или ее наследники) имели полное право сделку опротестовать, подав жалобу в суд.

Согласно параграфу второму десятой главы Раздела о Браке 1898 г. (*Giftmålsbalken*, § 2, Cap.10), муж и жена имели право на одну вторую часть движимого и недвижимого имущества, приобретенного в совместном браке. Супруг или супруга не могли претендовать на недвижимое имущество, полученное по наследству до брака [415, 1898 г., № 64]. По приведенным Г. Квистом данным, официальное равенство между супругами в браке было признано в 1920 году [398, С. 163].

Итак, внимание общественности, обсуждение проектов, связанных с правовым положением женщин в семье и обществе, доказывают, что брак в XIX веке в Швеции не был частным делом супругов, а рассматривался как

особый вид контракта, который закреплялся государством. Правовое положение женщин стало в XIX в. проблемой, которая волновала не только женщин, но и мужчин. Изменения в законодательстве увеличили внимание к женщинам как к социальной группе, имеющей свои интересы и цели.

Как нами уже было отмечено ранее, процесс развития педагогической науки невозможно рассматривать вне истории развития общества. Каждая эпоха выдвигает свой идеал человека-гражданина, обладающего такой совокупностью качеств личности и таким объемом знаний, которые позволили бы ему принять активное участие в общественном прогрессе.

По мнению русских и шведских историков [4, С. 323; 51, С. 91-98; 110, С.117], первая половина XIX в. в истории общественно политической мысли Швеции характеризовалась идейной борьбой между консерватизмом и либерализмом, между требованием сохранить традиции и требованием «идти вровень со временем» [4, С. 323].

Либерализм (от лат. *Liberalis*-свободный) — философское и общественно-политическое течение, провозглашавшее незыблемость прав и свобод человека перед лицом государства и выступавшее за минимизацию вмешательства государства в жизнь граждан. Либерализм провозглашал права и свободы каждого человека высшей ценностью и устанавливал их правовой основой общественного и экономического порядка. При этом возможности государства и церкви влиять на жизнь общества ограничивались конституцией. Либерализм был наследием и продолжением реформаторских идей эпохи Просвещения, возникшего изначально как требование религиозной свободы, а затем и политической в противовес господству церкви и старой аристократии с их привилегиями и правами [225, С. 279].

В период с 1818 г. и до середины 40-х годов XIX в.: консерватизм в Швеции был представлен в самом начале королем Карлом Юханом XIV (период правления 1818-1844гг.) и государственным советом, либерализм — «оппозицией» в риксдаге и в печати. При решении различных спорных вопросов консерваторы и либералы чаще всего выступали друг против друга.

Это же касалось и педагогических реформ, в частности предложений об упорядочении дела школьного образования.

В основе либеральной идеологии был оптимистический взгляд на природу человека, способного удовлетворить свои потребности и нужды рациональными способами. Либералы (Л. Альмквист, Х. Ниерта, П.Х. Линг, Э. Тегнер и др.) верили в способность человека к самосовершенствованию и были уверены в том, что необходимо создать условия для осуществления этого стремления. По мнению Ларса Н. Нилена, необходимо было создать социально-педагогические условия для формирования нового человека: гуманного, социально активного, в правовом и общекультурном плане грамотного и законопослушного гражданина государства, который соединял бы в своем сознании интересы государства со своими собственными. Важно было создать понимание между различными группами граждан, интересы которых, по мнению автора, в то время не совпадали [387, С. 188].

Историко-педагогический анализ показал [337, С. 39; 361, С. 224 - 236; 431, С. 503], что вопрос о реформах образования оказался в центре внимания шведской общественности в начале XIX века. Социально политические процессы, происходившие в Швеции в это время, повлияли на эволюцию школы. При поступательном движении экономики, интенсивном росте промышленности исторически неизбежным стало создание системы всеобщего образования. Школа рассматривалась как институт общественной стабильности и важный фактор национального развития. Либеральная партия и общественно-педагогическое движение, во главе которого стояли выдающиеся шведские педагоги-реформаторы (К.Л. Альмквист, Э.Г. Гейер, директор частной «Новой школы» А. Сандстрём и Ф. Рундквист, ректор государственной «Новой Элементарной школы» П.А. Сильестрём, Ф.Берг, епископ Э.Тегнер и др.), выдвигали требования бесплатного обязательного начального обучения, увеличения ассигнований на школу, усиления местного самоуправления в системе просвещения, преемственности ступеней образования, равенства мужского и женского образования. Школа должна была быть отделена от

церкви и превращена в «общедоступную», удовлетворяющую культурные запросы граждан.

Как показал анализ научной литературы [76, С. 168 -169; 98, С.28-29; 227, С.388], в те годы школьное обучение проходило в нескольких параллельных системах: народных и частных школах. Все народные училища разделялись в Швеции на три главных разряда: подготовительные, народные и высшие (вторая половина XIX века). Подготовительная школа соответствовала первым 2 классам народной, а последняя разделялась на 3 вида: низшую, обыкновенную или нормальную, и высшую. Низшие народные школы имели 4-летний курс и существовали во всех, даже в беднейших местностях; в нормальных школах курс продолжался 6 лет, был более полным. Обучение в народных школах (кроме высшей) было бесплатным. Родители имели право отдавать детей в частные учебные заведения или воспитывать их дома с разрешения школьного совета. Затраты государства на образование незначительного числа привилегированных детей были почти такими же, как и на обучение детей большинства населения. Либералы пришли к выводу, что государственная поддержка должна оказываться только народным школам.

В педагогических дебатах сразу после государственных выборов, принятия новой формы правления и конституции 1809 г. члены риксдага обратили пристальное внимание на реформирование школы. На повестке дня стояли вопросы предоставления единых прав для обучения детей рабочих и крестьян, увеличения количества государственных школ, субсидий для поддержания на более высоком уровне народных школ, а также студентов – «представителей среднего класса», желавших продолжить учебу в гимназиях и университетах. Против «программы», представленной прогрессивными общественными деятелями – писателем Г.А. Сильверстолепе и известным педагогом немецкой школы К.У. Брукманом, выступил Э.Г. Гейер в статье «О государственных учебных заведениях». Согласно Э. Гейеру на смену четырем сословиям, которые играли в прежние времена в Швеции огромную роль, пришли «предприниматели» и «чиновники», и только их дети должны учиться

за государственный счет. Народ, по мнению Э. Гейера, могли обучать, как и раньше, священники. Э. Гейер был твердо уверен в том, что чрезвычайно одаренные люди всегда получали то образование, которое им было необходимо: государство не обязано было заниматься этим вопросом. Решение о государственной поддержке «детей из народа» было отложено.

После выступления А. Фруксела с критической программой «Предложение к единению и гражданственности в деле общего образования» дебаты в поддержку модернизации существующей школьной системы были продолжены в Парламенте. Правительство учредило в 1825 г. один из самых известных в истории шведской педагогики образовательный комитет, известный под названием «Большая комиссия по реформе образования». В состав комитета входили наиболее культурные и образованные деятели того времени, среди которых стоит назвать К.А. Агардха (проф. ботаники в ун-те г. Лунд), епископа, известного шведского поэта Э. Тегнера, подполковника Лефрена, А. Хармансдорфа, Э.Г. Гейера и др. Главный пункт в программе либералов о единой начальной общеобразовательной школе для всех слоев населения не был поддержан всеми членами комитета. Тем не менее представители консервативного течения были вынуждены пойти на некоторые уступки по изменению школьной программы: разделение обучения классическим языкам и литературе в сочетании с изучением современных языков (новым стало изучение английского языка), а также установление реального отделения (с изучением химии). По инициативе комитета в 1827 г. была открыта первая государственная школа в Стокгольме, получившая название «Новая элементарная школа» [361, С. 224- 231].

После продолжительных дебатов в риксдаге (1809, 1820, 1825 гг.) 18 июня 1842 года Карл Юхан XIV утвердил закон об обязательном начальном образовании. Это первое государственное законоположение о народных школах предписывало, что в каждом городском управлении и сельском районе следовало иметь постоянную школу во главе с учителем, окончившим учительскую семинарию. Согласно принятому закону 1842 г. мальчики и

девочки должны были посещать полный курс народной школы с 7 до 14 лет. Курс для детей младшего возраста был рассчитан на два года, а школа для детей более старшего возраста – на 4 года. Программа полного курса шведской народной школы включала следующие предметы: Закон Божий, Родной язык, Арифметика, Геометрия, География, История, Естествознание, Рисование, Пение, Гимнастика, Садоводство, Ручной труд (slojd – слойд для мальчиков и девочек) и Домоводство (или рукоделие) для девочек [76, С. 173-174; 98, С. 29; 158, 9-10].

По мнению Д. Ландквиста, закон 1842 г. заложил основы единой народной школы. Господствовавший метод взаимного обучения, недостаток школьных помещений и учительских кадров, отсутствие постоянного учебного распорядка отрицательно сказывалось на работе народных школ. Последующие годы привнесли ряд улучшений в деятельность народных школ. В 1860 г. была учреждена инспекция народных школ. В 1864 году в шведских народных школах был отменен метод взаимного обучения и введено классное обучение, твердый распорядок дня – 6 учебных часов с перерывами после каждого часа и выпускные экзамены после окончания народной школы [181, С.132].

Положительный отзыв об обучении детей в шведских народных школах отмечается русским исследователем П.Ф. Дворниковым, изучившим школьное дело в Швеции XIX в. П.Ф. Дворников указывал: «Полный курс шведской начальной школы далеко превосходит не только курс наших (русских) церковно приходских, но даже и лучших земских школ, и приближается к уровню знаний, которые сообщаются в передовых западно-европейских странах – Англии, Франции, Германии» [76, С.10]. Автор отмечал, что при увеличении шведского населения в XIX веке размер расходов на начальное образование увеличился в два с половиной раза. Расходы по содержанию начальных школ составили 3. 2/3 кроны на жителя, или около 1 р. 85 коп. Общественные власти в Швеции не только заботились об образовании детей, учащихся в начальных школах, об их здоровье и физическом развитии, но стремились устроить школы наилучшим образом, следили за их санитарным

состоянием и организовывали специальные колонии для болезненных и слабых детей [76, С. 16].

В 1870-1880 гг. интерес к вопросам школьного образования во время парламентских встреч усилился. Это объяснялось обсуждением двух важных для реформаторов целей. Во первых, политики и деятели культуры, разделявшие мнение учителей народных школ Ф. Берга, С. А. Хедлунда и др., считали, что необходимо установить преемственность между народными и средними школами для того, чтобы предоставить возможность всем группам населения вне зависимости от сословия и пола продолжить обучение в высших учебных заведениях. Во вторых, по мнению либералов, необходимо было повысить качество образования [76, С.169; 227, С.388].

Сторонники реформ воспитания и образования не были едины в своих взглядах. Радикально настроенные педагоги-экспериментаторы критиковали недостатки школы, методы преподавания, перенасыщенность учебников ненужными деталями и подробностями, «Белль-Ланкастерский дух воспитания».

По мнению Г. Чуле и Г. Херрстрём, Анна Сандстрём была уникальным педагогом для своего времени, выработала свою собственную программу, которую она изложила в книге «Реализм в обучении» (1882). Педагогические идеи реформатора концентрировались вокруг процесса обучения, который должен был строиться на основных принципах: наглядности, доступности и прочности усвоения знаний. А. Сандстрём критиковала существующую систему обучения, призывая сократить часы на преподавание французского языка, при выборе книг для чтения обращать внимание на их содержание, выделить историю, имеющую воспитательное значение для подрастающего поколения как главный предмет в обучении.

После окончания Высшей учительской семинарии (1871-1874 гг.) А. Сандстрём получила должность преподавателя в Олинской школе (Åhlinska skola) в Стокгольме. В 1883 году она основала образовательный журнал «Верданди», редактором которого оставалась до 1927 года. Основные идеи

педагога, реформатора были представлены в статьях «Дайте нашим девочкам обоснованное право для недовольства» (1880), «Реализм в обучении» (1882), «О преподавании языков» (1883), «Спенсер о проблеме воспитания» (1883), «Из чужой страны. Обзор педагогических явлений за границей» (1884), «Исторические авторитеты для реальной педагогики: Мишель Монтень» (1884), «Воспоминания и впечатления от Скандинавского съезда учителей в Христиании в 1885 году» и др. [403, С. 411-414].

Выступив против принципа сословности в образовании, против существовавших параллельных форм школьного обучения, Анна Сандстрём вместе с другими передовыми педагогами настаивала на улучшении образования для женщин [358, С. 32-33].

Эти требования поддерживали многие известные шведские педагоги того времени: Анна Витлок, Анна Рённстрём, Анна Сандстрём, Эллен Кей, Сесилия Фруксел (1847-1920), Хильда Сасселли (1836-1903) и др. Своими собственными усилиями преодолевая экономические и административные трудности, женщины – педагоги старались сделать обучение для девочек систематическим и целесообразным [356, С. 115- 116].

В XIX веке в Швеции женская школа стала предметом частной инициативы передовых шведских женщин. За период 1865-1885 гг. увеличилось количество школ для девочек. В этот период было открыто 85 женских школ. Благодаря пожертвованиям со стороны предпринимателей, родителей воспитанниц в XIX веке были открыты женские школы: 1817 г. в городе Гётеборге, Брандская школа (1807-1813), Фруннтимерсфоренинг школа (1813- 1906), Аскерсунд (1813-1906), Бруммерская школа (1882), Новая элементарная школа для девочек (1867) и др. [356, С. 336]. В 1836 в Швеции функционировали пять школ, а к началу 1900-х были открыты 124 школы специально для девочек. В 1900 г. 102 школы получали государственную поддержку. Количество девочек -студенток составило 2 / 3 от общего количества учащихся во всех учебных заведениях [356, С. 115-116].

Как показал анализ литературы [304, С. 57-58, 194; 361, С. 271], увеличение численности обучающихся к середине XIX века потребовало увеличения преподавательского контингента. Возникла потребность в учителях, хорошо подготовленных для исполнения своих обязанностей. Женщины всех сословий имели возможность вести педагогическую деятельность, закончив либо Высшие народные школы, либо Учительские семинарии. Для подготовки квалифицированных учителей было организовано тринадцать учительских семинарий. В 1859г. риксдаг принял решение, что в трех семинариях должны получать образование женщины. Первые Высшие семинарии для учительниц народных школ были открыты в Кальмаре, Стренгнесе и Скаре в 1860 г. Уставом 1862г. предполагалось трехгодичное, а с 1877 г. четырехгодичное обучение семинаристок. Целью семинарий было сообщать, прежде всего, знания Катехизиса и библейской истории, а также шведского языка и естественнонаучных знаний.

В научном исследовании «Педагогическая деятельность и пол» И.Т. Бруман подчеркивает, что с начала учреждения и развития народных школ профессиональная гегемония учителей мужчин была тотальной. В 1850-х в риксдаге велись дебаты относительно нравственного потенциала женщин реализоваться в этой профессии. Постепенно развились два «различных типа женщин преподавателей» начальной школы в сельской местности с социальным происхождением «из крестьян», а также городских учительниц «из среднего и высшего класса». Существовали значительные расхождения в оплате труда и дополнительных льготах (жилье, корова и т.д.) для женщин-учителей и мужчин- народных школ: в конце 1880- х выделялось 600 крон наличными в год вместе с кормом для коровы, служебным домом из трех комнат для мужчин, учительницы же получали в два раза меньше. К женщинам предъявляли бóльшие требования. По мнению И.Т. Брумана, «учительницам часто приходилось терпеть одиночество в отдаленных школах; им следовало быть во всем примером для подражания, соблюдать строгую мораль и собственное достоинство. Они отличались от других женщин в деревне,

поэтому часто испытывали эмоциональное напряжение и стресс, в результате чего они становились физически слабыми и истощенными в престарелые годы» [304, С. 64-65]. Несмотря на издержки профессии, количество учителей женщин начальной школы выросло значительно в сравнении с 1860 годом, что доказывает рост престижности профессии (Приложение 2. *Andeln kvinnor i folkskollärarkåren* - Количество учителей женщин начальной школы, И.Т. Бруман, «Педагогическая деятельность» и пол) [304, С. 64-65]. У. Енерот в исследовании «О народных школах в Швеции» [313, С.62] 1867 года аргументирует в пользу «особого женского призвания и пригодности» женщин к преподавательской деятельности: «Какая учительница или учитель, такой будет и школа» – старый афоризм. Требуются глубокие размышления и великая мудрость для того, чтобы воспитать ребенка прекрасным. Как подтверждает наш собственный опыт и мнение других родителей, мы должны иметь искреннее желание, чтобы находить для детей хороших учительниц и учителей и в меру своих возможностей поддерживать их усилия. Особенно же мы радуемся тому, что все больше женщин посвящает себя призванию учителя. Именно через женщину, главным образом, начальная школа станет тем, чем она может и должна стать» [313, С.62].

Выделяя наиболее существенные реформы в области образования и наиболее значимые моменты в развитии педагогической мысли в Швеции, следует отметить, что в истории реформирования школы XIX в. особое место занимали учебные заведения, типичные только для скандинавских стран, в которых могли получить высшее образование девушки из крестьянского сословия : Высшие народные школы (шведские – *Fölkhögskolor*, ВНШ). ВНШ назвались «народными, или крестьянскими, университетами». Первые планы по созданию ВНШ принадлежали известному в Скандинавии датскому богослову, поэту и пастору Николаю Фредрику Северину Грундтвику (1783 – 1872). Его концепция образования стала своеобразным теоретическим базисом для открытия ВНШ не только в Дании, но и во многих других странах (Великобритании, Бангладеш, Германии, Израиле, Норвегии, Финляндии,

Швеции, Эль Сальвадоре и др.), а также способствовала распространению так называемого движения «высших народных школ для крестьян». Произведения выдающегося датского педагога об образовании увидели свет в 1830-х годах. Как указывает Ю. В. Зудов, в сочинениях Грундтвика на тему образования можно выделить четыре основных момента: акцент на обучении молодежи – молодые люди, уже закончившие обычный школьный курс, считались основной целевой группой; устное обучение, под которым подразумевалось особое вдохновенное действие живой лекции на умы слушателей; особое внимание к скандинавской культурной традиции – в противовес классической латинской системе, считавшейся лучшим основанием хорошего образования; все эти идеи были непосредственно связаны с христианским взглядом на жизнь.

Эти четыре акцента, которые на первый взгляд не связаны между собой, по мнению Ю.В. Зудова, отражали специфическую точку зрения Ф. Грундтвика на педагогику. Центральную роль в его концепции просвещения играло понятие «интерактивность», которая должна была выражаться в свободном, живом и естественном взаимодействии учителя и ученика. Занятия, по мнению датского богослова и педагога, следовало проводить в форме диалога, по содержанию доступного для учащейся молодежи. Необходимо также поощрять дискуссии между всеми участниками обучения. Школа должна стремиться к тому, чтобы человек научился мыслить и делать собственные выводы.

Н. Грундтвиг полагал, что обучение целесообразно строить на христианской основе с соблюдением главного педагогического принципа: прежде чем начать процесс образования, надо разбудить обучаемого: отказаться от «зубрежки», а вместо этого использовать пение, рассказ, обилие национального материала, представленного на родном языке. Образование должно приносить практическую пользу и в то же время быть историческим и поэтическим [88, С. 298-300; 99, С. 68].

Во второй половине XIX века планы выдающегося датского педагога реализовались во всех ближайших скандинавских странах. Больше всех народных крестьянских университетов было открыто в Швеции. В 1868 году

была открыта первая Крестьянская академия со специально разработанным курсом для девушек [176, С. 68]. Целью ВНШ было «научить народ правильному пониманию своих прав и обязанностей, пробудить в молодежи желание жить лучшею жизнью и находить в ней высокие идеалы. Вместе с христианскою верою высшая народная школа старается внушить могучий патриотизм, основанный на знакомстве с условиями современной жизни и историей Швеции, научить учащихся уважению к закону и привить стремление к честной и полезной деятельности», - писала о ВНШ Е.Н. Водовозова [56, С. 114].

Рассматривая социальные и общественно политические реформы в Швеции XIX века, необходимо обратить внимание на значение народных движений, игравших важную роль в жизни страны. Время возникновения трех классических течений шведских народных движений – свободноцерковного, трезвеннического и рабочего – приходится на вторую половину XIX века [211, С. 158]. Гиллис Герлиц полагает, что народные движения возникли как потребность в личных контактах крестьянских жителей, которые веками соблюдали незыблемый порядок в приходской общине. Как только приходская община перестала быть центром духовной и культурной жизни в результате проведенных сельскохозяйственных реформ, произошел распад старинного уклада семейной жизни. У людей, вынужденных селиться на большом расстоянии от родственников, соседей, друзей, ремесленных мастерских, церковей, возникало чувство одиночества и изоляции. По мнению Г. Герлица, хуже всего изоляция воспринималась женщинами, для которых общение вне работы было особенно важным [64, С.52-53]. Женщины собирались на хуторе, чтобы изучать Библию или послушать проповедника. Собрания такого рода позволяли крестьянкам быть вместе в организованной форме. Так они утверждали свое право толковать слово Божье, которое сами могли прочитать в Священном писании. Сектантские движения баптистов, пиетистов, позже движение пятидесятников во второй половине XIX века организовались в независимые свободные церкви (Методистская церковь-1876 г.; Шведский союз

миссий-1878 г.; Движение Троицы-1913 г. и др.) [211, С.153-168]. Женское библийское общество (Svenska Bibelssällskapet) было основано в 1819 году. Женщины проводили беседы с молодыми парами, неся «слово Божье» в шведские дома, особенно много внимания они уделяли молодым девушкам из сельской местности, которые, по мнению членов общества, недостаточно усердно и умело исполняли свое предназначение — стать матерью [243, С.199-222].

Женщины, стремясь спасти мужей от пьянства, активно вступали в общество трезвости. Движение трезвенников, достигнув количественного максимума в 1910 году – 343 550 членов, приобрело огромное влияние в стране и постепенно распространилось даже на политику. В результате на всей территории Швеции во второй половине XIX века была введена «Гётеборская система борьбы с пьянством». Эта система, по мнению С. Меча, ограничила потребление спиртных напитков в стране и тем самым способствовала нравственному и умственному прогрессу нации [155, С.42-45].

Для укрепления здоровья нации нужно было создать систему физического воспитания. В 1813 г. в Швеции был открыт Королевский Гимнастический институт, где получали образование врачи, занимающиеся физической подготовкой в школе и армии. С 1864 г. курсы стали доступны для шведских женщин. Первой женщиной-врачом, директором института, пионером в области улучшения здоровья женщин стала Каролина Видестрём [356, С.164].

В 1870-х годах в Стокгольме и Гётеборге были созданы гимнастические объединения, которые не только разрабатывали систему гимнастических упражнений, но и организовывали соревнования по другим видам спорта, например, гребле и катанию на коньках. В 1883 году в Стокгольме был основан клуб катания на коньках для всех желающих. В 1903 году был учрежден «Национальный спортивный союз». Участие в соревнованиях имело, прежде всего, воспитательное значение для населения. Оно давало возможность проводить больше времени на свежем воздухе и ставить достижимые цели,

способствовавшие успеху в личной и общественной жизни. Благодаря Перу Хенрику Лингу, чье имя известно во многих странах мира как имя «отца шведской гимнастики», спорт пришел в школу. Девушки начали проходить спортивные испытания в школе с 1921 г. [430, С. 460- 461].

Таким образом, источниковедческий анализ социально-культурной и педагогической ситуации в Швеции XIX века показал, что:

1. Социально-экономические процессы и политические реформы (свобода предпринимательской деятельности для женщин, 1846; правоспособность незамужней женщины распоряжаться своим имуществом, 1858; свобода исповедания, 1860; местное самоуправление, 1864; новый уголовный кодекс, 1864; свободная торговля, 1865; парламентская реформа 1866) значительно повлияли на положение женщин в шведском обществе. Труд работающих женщин вне дома во многом изменил традиционные социальные роли в семье, модель взаимодействия между супругами и нормы поведения. Культура и стиль жизни буржуазии и рабочего класса, чьи идеалы поведения, нравственные нормы и ценности формировались и складывались в исследуемый период, повлияли на уклад жизни шведской крестьянской семьи, однако не оказали значительного влияния на ее традиционные нравственные ценности.

2. Либеральная идеология, а также социальные и демографические процессы, происходившие в Швеции в XIX веке, привели к тому, что школа и народное образование стали считаться делом государственной важности. Господствующая до того времени организация народной школы, сообщавшая детям элементарные знания, поставила на повестку дня вопрос об открытии школ для всех слоев населения: городских жителей, крестьян, рабочих. Стала очевидной несправедливость сословной политики в области образования, в том числе ограничений в области женского образования. Государство выполняло функцию лишь частичного финансирования, и лишь отчасти контролировало процесс преподавания в женских частных школах и пансионах. Открытие школ для девочек происходило во многом благодаря инициативе передовых шведских женщин (А. Витлок, Е. Кей, А. Рённстрём, А. Сандстрём, Ф.

Рундквист и др.), которые взяли на себя не только организацию школьного дела, но и стремились улучшить качество обучения, исключив Белль-Ланкастерскую систему, они применяли свои собственные, новые методы преподавания. Несмотря на то, что основной задачей женского образования в XIX веке оставалось «воспитание добропорядочных супругов и полезных матерей семейств», содержание образования расширилось. Это объяснялось потребностями общества – возможностью для женщины реализоваться на рынке труда. Недостаточное количество педагогического персонала позволило девушкам претендовать на места в высших народных школах (1861), учительских семинариях (1860), университетах (1870-х годах) по сословному принципу.

3. Одна из отличительных особенностей общественно-политического развития Шведского королевства в XIX в. состояла в том, что главной движущей силой, организаторами общественных движений и проведении различных мероприятий, инициаторами законов за избирательное право были шведские женщины разного социального положения. Активное участие в общественной деятельности повышало социальный статус, придавало уверенность в своих силах и повышало чувство полезности от своей работы на благо общества. Некоторые женские группы, образовавшиеся в XIX в., стали представлять влиятельные национальные ассоциации в XX-XXI вв., продолжая преемственность (Шведская федерация женщин, на основании Шведского спортивного союза; Либеральная Народная женская партия; Союз Домохозяек и др.).

1.3. Философские основы ценностных традиций семейного воспитания в шведской педагогике XIX века

Целью данного параграфа является обзор философских теорий и идей, распространившихся в Европе в XIX в. и оказавших наиболее значительное влияние на педагогическую мысль в Швеции XIX в.

Как показал анализ научной литературы (К. Брёмс, А.А. Валеев, У. Викандер, Х. Ёстхольм, А.С. Кан, Г.Б. Корнетов, Э. Мансён, А.Г.

Мысливченко, Д. Рюдстрём, П. Соколов, С. Хартман, С. Хёгнес, Г. Чуле и др.), философскими направлениями, определившими развитие педагогических теорий и создание новых концепций шведских педагогов в XIX веке стали «романтизм», «позитивизм», «либеральный феминизм», «этицизм», «пиетизм» и др. Влияние философских западных движений «позитивизма» и «либерального феминизма» на творчество классиков шведской науки о воспитании и образовании (Ф. Берг, Э. Кей, А. Сандстрём и др.) мы рассмотрели по следующим пунктам: 1) философско – педагогические этические воззрения; 2) цели воспитания как критерий ценности знаний; 3) родительские обязанности; 4) особенности воспитания мальчиков и девочек; 5) основные педагогические принципы основополагающие идеи или ценностные основания воспитания человека.

По мнению А.Г. Мысливченко, проблематика шведской философской мысли XVIII – XIX вв. характеризовалась интересом шведских философов, общественных деятелей, ученых к идее гармонической цельности человека, единства его нравственно - практической деятельности. Внимание к проблеме личности, индивидуальности было обусловлено активностью представителей буржуазии, желавших противопоставить этике разлагающегося феодального общества «цельные» и «гармонические» учения о морали. В первой половине XIX века критика нравов переросла в критику сословного общества, в требование социального равенства [162, С.52-53].

По мнению С. Хёгнеса, позитивизм – философское направление, получившее распространение в Швеции XIX в. [344, С. 145], признававшее ценным только данное на опыте положительное (позитивное) знание [105, С. 36]. Основателем этого направления был французский философ Огюст Конт (1797 -1857), по мнению которого только то знание является научным, которое использует строгие научные методы, а не обращается к вере или убеждениям. Метод точных, опытных, эмпирических наук стал применяться к изучению сложных форм жизни, – явлений психологических, нравственных и общественно исторических. Представителями классической формы

позитивизма являются британские философы Д. Милль (1806-1873), Г. Спенсер (1820-1903), чьи философские труды завоевали популярность в Швеции и повлияли на ход развития научной, философской, литературной и педагогической мысли.

В позитивистической этике (И. Бентам, Д.С. Милль, О. Конт и др.) высшее благо для человека лежит в наибольшей сумме благ, извлекаемых нашим образом действий из окружающей жизни. Такой утилитаристский подход предполагает усвоение только нужных и полезных знаний в качестве внешних благ жизни, «внешнего счастья», для чего требуется приспособление к практической жизни, отсюда цель воспитания – человек должен быть физически крепок, достаточно образован, нравственно расчетлив и благоразумен [229, С. 39].

Г. Спенсер в своих психологических и этических воззрениях применяет закон непрерывного развития, постепенно переходя от простых элементов к сложно организованным явлениям. По его мнению, духовная жизнь произошла постепенно, путем бесконечно малых преобразований. Элементы этих усложнений возникают и передаются по наследству в рядах поколений, и поэтому переходы от одной ступени к другой, от одной психической способности к другой неуловимы. Все душевные состояния (восприятие, разум, чувство, воля и др.) представляют собой делимые ступени и формы одного жизненного процесса – процесса «приспособления внутренних отношений к внешним», в чем состоит жизнь. То, как формируется духовная жизнь в целом в развитии человечества, воспроизводится, повторяется в развитии индивида.

В своей этической концепции Г. Спенсер не отступал от основного принципа – развития, или эволюции. Он полагал конечную цель жизни в счастье, удовольствии и объяснял достижение счастья не личными, а родовыми чувствами и переживаниями. Та совокупность чувств и идей, которая составляет нравственное сознание, выработана, по Спенсеру, общим развитием человечества при определенных условиях. По отношению к человеческой жизни сущность закона развития остается та же – нравственный закон, закон

совести состоит в том, чтобы, отстаивая собственные права, каждый индивид, вместе с тем, был проникнут уважением и к правам другого. Тогда индивидуум и общество придут к взаимной гармонии и счастью [229, С. 615 – 616]. Поэтому в качестве основной цели воспитания Г. Спенсер ставит «полную жизнь индивида». Соотношением с этой целью определяются ценность в умственном воспитании разных знаний: что служит интересам благополучия индивида, те знания являются наиболее ценными.

В книге «Воспитание умственное, нравственное и физическое» (1861г.), английский философ высказал мысль о том, что не следует приобретать знания ради знаний. Наиболее важной вещью, по его мнению, является не количество знаний, а «обнаруживаемое умение пользоваться приобретенными знаниями» [231, С.201]. Философ классифицирует виды деятельности людей, определяющие в совокупности круг человеческой жизни, и в связи с этим определяет критерием истинности знания **деятельность**: прямо направленная на самосохранение; имеющая целью продление рода посредством воспитания потомства; направленная на поддержание социальных и политических отношений, выполнение общественных обязанностей; наполняющая жизненный досуг, направленная на удовлетворение вкусов.

Идеальное образование, по мнению Г. Спенсера, должно заключаться в подготовке ко всем пяти выделенным видам человеческой деятельности [121, С. 45]. Для этой цели, по мнению ученого, «неизменным ответом будет: естественнонаучные знания. Это вердикт по всем пунктам. Для непосредственного самосохранения, для поддержания жизни и для здоровья служат естественные науки. Для надлежащего отправления родительских обязанностей истинным руководством служат только естественные науки» [231, С.148]. Необходима научная подготовка к должному выполнению (будущих) воспитательских родительских обязанностей. Спенсер подробно выясняет вред, какой происходит для физического, нравственного и умственного развития детей от невежества родителей в вопросах воспитания. Поэтому он считает важным обязательное знакомство родителей с главными

принципами физиологии (для должного физического совершенства), элементами психологии и этологии (по Г. Спенсеру, науки о нравах и поведении). Любовь родителей к потомству, развивал далее эту мысль Г. Спенсер, их интерес к нравственному и умственному развитию своих детей дадут гораздо больше, чем какая-либо изобретенная людьми сложная система обучения [231, С.41].

По мнению Г.Б. Корнетова, Г. Спенсер в своей педагогической теории, продолжая традицию Ж.-Ж. Руссо и И.Г. Песталоцци, исходил из того, что воспитание должно опираться на прочный фундамент человекознания, что оно должно следовать природе человека [120, С.41-42]. Г. Спенсер настаивал на методе «естественных последствий». Нравственная дисциплина должна связывать хорошее и дурное поведение ребенка с неизбежными для него последствиями, приятными или прискорбными [231, С.147-148].

По мнению философа, девочек следовало приучать с детства к тому, что общественная жизнь пригодна для «противоположного пола», то есть женщину следует исключить из публичной жизни. Г. Спенсер утверждал, что между женщинами и мужчинами существуют неоспоримые различия, как на биологическом, так и на психологическом уровнях, и сформировались они в результате адаптации мужчин и женщин к отцовскому и материнскому долгу. Эти различия выражают себя через разведение интеллектуального и эмоционального начал, причем чем выше степень их поляризации и специализации полов, тем на более высоком уровне развития находится общество. Современный ему буржуазный брак Г. Спенсер считал «венцом» эволюции человеческих отношений. Такой брак предполагал исключение «женского пола» из сферы трудовых отношений и исключительное положение женщины в обществе как жены и матери [188, С. 81-82; 309, С. 52].

Подобного взгляда на половую дифференциацию и соответственно отличное воспитание «будущих мужчин от женщин» придерживался известный шведский философ Эрик Густав Гейер (1783-1847).

Видный шведский поэт-романтик, ученый и общественный деятель первой половины XIX века, педагог, философ, профессор Уппсальского университета (с 1816 г.) Э. Г. Гейер завоевал признание, прежде всего, как историк за пределами Швеции. Его философские и социальные взгляды оказали влияние на развитие просветительских и педагогических идей в Швеции XIX в. [109, С.129].

Рассматривая философские и социологические воззрения Гейера, необходимо упомянуть об эволюции философа от консерватизма и романтизма к позициям буржуазного либерализма и демократизма. В энциклопедии Северных стран под названием «Nordisk Familjebok»-«Семейная книга-энциклопедия Северных стран» в 14 томах, включающей подробные биографии и устанавливающей родственные связи наиболее известных родов и семей скандинавов, указывается, что общественная жизнь и творческий путь Э. Гейера делился на два этапа [390, С.852].

В первый период своей общественно политической и творческой деятельности (до 1830х годов) Э. Гейер придерживался консервативных взглядов на развитие общества [390, С.852]. В 1838 году он порвал с консерваторами и примкнул к лагерю буржуазных либералов и демократов. Шведский ученый пересмотрел свои философские и социальные взгляды на обучение за государственный счет только детей привилегированных классов, право женщин на свободную реализацию в профессиональной деятельности, на равенство в наследовании имущества и т.д. Он написал такие произведения, как «История человека» (1841-1842), «О внутриобщественных отношениях нашего времени» (1845), «Еще раз о современном религиозном вопросе» (1847) и др. Его прогрессивные идеи состояли в том, что сущность нового общественного процесса – эмансипация человеческой личности, выразившаяся в требовании предоставить всем людям одинаковые права, оценивать человека не по сословной принадлежности, а по личным и общественным качествам и заслугам. Отсюда вытекает его социальная философия, согласно которой необходимо уважать народ, трудящихся, заботиться об их нуждах. Социальная

программа философа носила реформаторско-просветительский характер. Она сводилась к двум основным требованиям: во-первых, предоставить рабочим избирательные права, и, во-вторых, реорганизовать и улучшить систему образования [162, С. 101-108].

Э.Г. Гейер, сам определяя круг своих творческих интересов, ставил на первое место философию, краеугольным камнем которой стал «принцип личности». В одном из писем философ писал: «Всей моей жизнью руководила основная идея, которая становится мне все яснее и не есть творение моего ума, потому что она была моею руководительницей и наставницей до сегодняшнего дня. Если бы мне нужно было дать ей имя, то это было бы ничто иное как «принцип личности», проповедником которого я стал почти невольно. Я имею в виду, что я удерживался и испытывал отвращение ко всему тому, что могло помешать и замедлить развитие моей духовной жизни. Идея развития личности самая главная для меня, в своем литературном творчестве, политических программах, в религиозных трактатах, педагогических сочинениях я ратовал за индивидуальность, в лучшем значении этого слова» [305, С.14]. Эрик Г. Гейер выдвинул диалектическую идею о социальной сущности самосознания человека, его представлений о самом себе. Он полагал, человек как личность состоит лишь в случае, если находится и развивается среди других людей. Самодовлеющей, изолированной от социальной среды личности в принципе быть не может. Самосознание невозможно без отражения в другом сознании [162, С.101-108]. Человек в каждый момент своего существования и в отношении с другими людьми выступает всегда как цель, но никогда как средство. Когда человек служит другим людям, обществу, идее, это служение должно привести к облагораживанию его сущности. Идеал, выраженный в «принципе личности», был сформулирован впервые И. Кантом, но Гейер, переосмыслив положения немецкого философа, выступил против давления общества и традиций на отдельного человека. Принцип личности – это принцип коммуникации – чем развитее личность, тем сильнее она может повлиять на другого [305, С. 14]. Энтузиазм Гейера, «его гениальность, так тесно, так

удивительно слившиеся с его личностью, которая совершенно могущественно действовала на всякую другую личность, приходящую с ним в какое-бы то ни было соприкосновение», вызывала любовь и уважение к нему молодежи «столь восприимчивой до всего касающегося чувства», в нем чтили «душевное величие и глубокое знание человеческого сердца» [177, С. 24]. Э. Гейер подчеркивал главный пункт своего принципа – для развития духовной жизни любой личности необходимо соблюдение ее прав и свобод. Шведский философ признавал приоритет интересов индивида над коллективными интересами, признание его блага, свободы личностного развития в качестве высшей цели, по отношению к которой социальные институты и группы являются средством или условием. По мнению Э. Гейера, каждая личность уникальна и ценна сама по себе как рационального, автономного и самоопределяющегося существа.

Философские и социальные взгляды Э. Гейера определили суть его педагогической теории, в основе которой лежал принцип свободно развивающейся личности в условиях уважения и любви со стороны воспитателя. С. Адлерспарре отмечала: «Как бы высоко Э. Гейер ни ценил знания и просвещение вместе с ясностью ума и силой интеллекта, выше всего он ставил совесть. Помощь молодым людям в стремлении найти себя является, по мнению Э.Г. Гейера, великим искусством и не может быть осуществлена без любви» [177, С. 277].

Э. Гейер, как и Г. Спенсер, сосредоточил внимание на проблеме индивидуального развития отдельной личности и рассматривал воспитание как социальное явление, эволюция которого неразрывно связана с эволюцией целостного общественного организма. Он был убежден в том, что «все формирование человеческого и социального опыта в становлении человека происходит внутри и для общества, от простых структур к сложным, то есть от домохозяйства к государству. Между обществом и его членами царит постоянное взаимодействие; индивиды определяют развитие данного общества, а оно отвечает за каждого в отдельности. Впечатление от нравственного мира, которым живет молодежь, как раз является той атмосферой, которая формирует

характер и определяет нравы» [422, С.278]. По мнению Э. Г. Гейера, не существует другого метода воспитания, кроме того, как быть достойным примером супруга, отца, гражданина. Нет никакой хитрости в том, чтобы «создавать» человека, единственное условие, которое для этого нужно соблюдать, – это самому быть человеком. Потому что того, чего воспитатель не имеет сам, он не может дать другому.

«Погибающая нация напрасно ищет оправдания в улучшенных образовательных учреждениях, если она не начинает с совершенствования себя и воспитания подрастающего поколения прежде, чем их будут чему-либо обучать. Конституция государства, власть и судьбы отдельных людей могут меняться, но естественные связи между людьми остаются прежними, – считал шведский философ. – Семья является неприкосновенным, святым фундаментом – матерью-землей, в которой ростки государства и гражданственности берут свое начало, из которой черпают силы и обретают надежду» [422, С.279]. «Дом, церковный приход, государство», вместе формирующие сознание индивида, являются «неразделимыми в вопросах воспитания». Необходимые условия, превращающие их в «единый дух нации, – это любовь, вера, мир и свобода мысли» [422, С.280]. История общества показывает, что человек изначально возник в обществе. В процессе развития человек идентифицировал себя с общечеловеческой культурой. Необходимо, чтобы он осознал свою историческую, этническую, национальную культуру, потому что только от национальной культуры можно идти к мировой культуре [422, С.280]. Далее Э.Г. Гейер, будучи известным историком, написавшим три тома «Истории шведского народа» (1832-1836 гг.), подчеркивал то, что особенности национального сознания шведского народа, которое издревле в условиях отсутствия в стране крепостного права и наличия значительных масс лично свободных крестьян воспитывалось в духе свободолюбия и уважения нравственных начал» [422, С.280].

По мнению К. Брёмса, Э. Гейер, глубоко восприняв идеи И.Г. Песталоцци, считал, что воспитание должно быть природосообразным: оно

призвано развивать присущие человеческой природе духовные и физические силы в соответствии со свойственным ребенку стремлением к всесторонней деятельности. Самым большим несчастьем для ребенка может оказаться стремление родителей постоянно поучать и наставлять его. Нравственное поведение формируется не путем нравочений, а благодаря развитию у ребенка моральных чувств и созданию нравственных склонностей. Он также считал важным упражнения в нравственных поступках, которые требуют самообладания и выдержки, формируют волю человека.

Э. Гейер, осмысливая концепцию И. Г. Песталоцци, дополнял: прежде чем ребенок начнет проявлять свою волю он выражает желание; прежде чем он станет существом мыслящим, он есть существо чувственное. Родителям следует стать «представителями» его разума.

В вопросе о воспитании в детском возрасте Э. Гейер вслед за Ж.-Ж.Руссо, Г. Спенсером делал акцент на самостоятельной деятельности и активности ребенка. Существует много разных моделей относительно воспитания детей, но основным условием должна быть *свобода* для саморазвития личности; особенно важным является опыт, который дети приобретают сами, совершая ошибки. Метод «естественных последствий», приобретение личного опыта способствует, по мнению Эрика Г. Гейера, сдвигам в развитии интеллектуальных и творческих способностей. Этот момент в воспитании следует принять во внимание родителям, если они не стремятся вырастить «пассивного воспринимателя чужих идей без активной любознательности и независимого мышления» [305, С.411].

Мысли по поводу воспитания и развития детских способностей Э. Г. Гейер изложил в научно-популярном сочинении «Дар воображения», за которое был награжден призом Шведской Академии в 1810 году [390, С. 853].

Итак, в Швеции XIX в. философские и педагогические взгляды Эрика Густава Гейера оказали огромное влияние на развитие теории и практики образования в стране, а «принцип личности», выдвинутый философом, во

многим определил развитие философско-педагогической мысли в Швеции не только в XIX веке, но и в будущем.

Характеристика развития шведской философско-педагогической мысли будет неполной без изложения теоретических взглядов выдающейся шведской писательницы-педагога XIX века Эллен Каролины Софьи Кей (1849-1926). Несмотря на то, что ее педагогические труды были скорее публицистическими, чем научными, мысли Э. Кей об образовании и воспитании оказали серьезное влияние на развитие педагогики и образования в конце XIX-начале XX в. Педагогическая тематика появилась в ранних работах писательницы. В 1876 г. ею была опубликована статья «Учителя для детей младшего возраста дома и в школе», затем «Книги против учебников» (1884 г.), «Разрушение души в школах» (1891 г.), «Образование» (1897 г.), «Век ребенка» (1900 г.) [265, С.38].

Педагогически идеи Э. Кей необходимо рассматривать в связи с общими философскими принципами, которые сложились у нее под влиянием идей ряда крупных мыслителей (Э. Гейер, Ч. Дарвин, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Г. Спенсер, Ф. Ницше), а именно: педагогический процесс должен быть направлен на развитие природных дарований детей, на обеспечение естественного роста и развития ребенка, на раскрытие заложенных в нем от рождения потенций. В книге «Век ребенка» Э. Кей подчеркивает, что «вмешательство в развитие ребенка является нежелательным и действует разрушительно... Не оставлять ребенка в покое – самое большое преступление» [350, С.5].

Целью воспитания, по мнению писательницы, является «созидание» ребенка как свободной и самостоятельной личности. Автор уточняет, что «эгоизм воспитуемого» до некоторой степени необходимо ограничивать: ребенок должен «замечать вокруг себя других людей и быть к ним внимательным» [350, С.4]. Э. Кей пишет, «что самая большая проблема воспитания та же, что и проблема в жизни: найти правильное равновесие между Спенсеровским отчасти справедливым определением жизни как приспособлением к окружающим условиям и Ницшеанской частичной правдой о том, что жизнь – это стремление к власти» [350, С.11]. По мнению педагога,

основным условием свободы ребенка является то, «что он не должен причинять вред другим», ему следует научиться быть послушным – «безусловно послушным» [350, С.15]. В этой связи Э. Кей обращает внимание на существовавшую в школе и дома систему наказаний и поощрений. Недопустимо хвалить воспитуемого, если ему удалось совершить какое-то рискованное предприятие, подчеркивает писательница. В результате таких «случайных успехов» закладывается «безнравственная мораль». По мнению Э. Кей, сам процесс работы, развитие своих собственных сил в зависимости от определенного вида деятельности есть цель для человека, и достижение результата после выполненной работы – вознаграждение. По этой причине Э. Кей в течение 20 лет своей преподавательской деятельности выступала против оценок, экзаменов и аттестатов в школе. Высказывая мнение о том, что излишняя строгость учителя или похвала по поводу оценок искажает понимание ребенка относительно его успехов и неудач, шведская писательница - педагог отклоняла наказание и поощрение в школе как средство воспитания. Высказываясь категорически против телесного наказания и в школе, и дома, Э. Кей официально требовала принятия соответствующего закона в Швеции. Следует предоставить ребенку свободу к саморазвитию и создавать для этого соответствующие условия. Педагог должен стать помощником ребенка и направлять его развитие [350, С.23].

Будучи сторонницей домашнего воспитания и благотворного влияния семейной обстановки на формирование характера ребенка, Э. Кей предлагала начинать обучение в школе в 9 лет и заканчивать в 15. Затем, по ее мнению, должен следовать год отдыха прежде чем ребенок приступит к занятиям в высшем учебном заведении. Школа должна воспитывать для жизни. Необходимо предоставить одинаковую возможность обучения для обоих полов и всех сословий. Следует различать детей с выдающимися способностями и направлять их на обучение по специально разработанной программе. Все школьные предметы нельзя проходить одновременно, напротив, изучение известных предметов должно быть приурочено к определенному времени года.

Четыре принципа должны быть положены в основу новой школы: 1) Ранняя специализация детей, у которых ясно выражены индивидуальные наклонности; 2) Самостоятельная деятельность ученика в течение всего школьного периода; 3) Близкое соприкосновение с действительностью на всех стадиях школьной жизни; 4) Изучение предметов, приуроченное к известному времени года [196, С.78-79].

По мнению А.А. Валеева, в своей книге «Век ребенка» Э. Кей выдвинула ряд идей, значительно важных для понимания особенностей педагогики «свободного воспитания», которые можно объединить непреходящим лозунгом «Дайте жить детям». Этот нравственный императив стал своеобразным базисом для общих сущностных характеристик в концепциях «свободного воспитания», которыми являются следующие:

- идеализация детства, вера в безусловное совершенство детской природы, красоту и гармонию детской души;
- отказ от любого принуждения и насилия по отношению к воспитуемому;
- ставка на внутреннюю активность ребенка, исключая авторитарную позицию воспитателя в педагогическом процессе;
- признание того, что только в условиях свободы возможно естественное развитие ребенка, раскрытие его неповторимости и своеобразия;
- организация учебно-воспитательного процесса как процесса создания условий для развития прирожденных свойств ребенка, а также предоставление полной свободы его самореализации;
- раскрепощение ребенка посредством создания такой среды, которая помогала бы его всестороннему развитию, укрепляла веру детей в собственные силы и содействовала проявлению самостоятельности в суждениях и поступках [46, С. 113].

По мнению проф. Киевского ун-та (с 1912г.) С.А. Ананьина, психологическое обоснование теории свободного, естественного воспитания Э. Кей заимствовала у Ж.-Ж. Руссо: дети рождаются совершенными. Кажущиеся недостатки их – лишь обратная сторона хороших свойств. Отсюда вывод:

предоставьте детей их собственной и окружающей природе, и из них выйдут совершенные люди. Все вопросы воспитания должны решаться исходя из ребенка [2, С.67]. Воспитание должно помогать силам человека, которые дают ему возможность для удовлетворения естественных потребностей. Следует избегать порождения «искусственных» потребностей, так как оно препятствует счастью ребенка. Любовь к ребенку становится принципом воспитания: счастье его настоящего не приносится в жертву будущему, подчиняя его настоящее целям, которые следует достичь в будущем. Воспитание больше не должно быть инструментом нормативно заданных величин, а должно было уважать и развивать в ребенке собственное «Я» [61, С.32-33].

В связи с этим необходимо отметить, что взгляд Э. Кей на проблему родителей и детей был неоднозначным. По ее мнению, взаимоотношения между родителями и детьми стали более душевными в XIX веке, что является большим успехом. Но такое общение только отчасти развивается в правильном направлении: во-первых, родители так строят свою жизнь, что у ребенка создается впечатление: он – центральный объект в их существовании; во-вторых, дети растут в окружающей роскоши, подражая во всем взрослым, стремясь к славе и почестям. Они позволяют себе устраивать празднества для своих товарищей, ничего полезного при этом не усваивая. Э. Кей считала, что даже если есть предпосылки для роскоши, родители должны отступить «от праздности и пустоты» ради лучшего будущего своих детей. Обращая внимание на то, что родителям не следует воспитывать детей прибегая к запретам, она призывала действовать силой собственного примера, став для них «живой реальностью».

Э. Кей сравнивала типы общения родителей и детей в разных семьях. Указывая, что в некоторых из них взрослые, «забывая о себе», стремятся удовлетворить все возможные желания «своего чада»; в других царит слишком суровая дисциплина – родители требуют «слепого уважения» и «абсолютного повиновения». По мнению шведского педагога, оба подхода неправильные. Комментируя первый случай, она указывает, что дети ничего не должны

получать даром: по мере своих сил им следует принимать участие в домашних работах, проявлять внимание к родителям, к служащим и друг к другу. У них есть права и обязанности такие же неизменные, как у взрослых, и они должны их беспрекословно соблюдать и обязательно уважать других людей. Во втором случае, по мнению педагога, ребенок не может ни установить, ни усвоить истину из-за нехватки мужества. Из таких семей редко выходят приличные мужчины и женщины. Задавая риторический вопрос «Существуют ли идеальные семьи?», Э. Кей отвечает на него положительно. В семьях, где царит равноправие между родителями и детьми, вырастают, по мнению Э. Кей, «нравственно стойкие» и «здоровые к труду» юноши и девушки. Э. Кей дает подробное описание такого рода отношений. Родители и дети, – прежде всего товарищи по работе, имеющие равные права, и их взаимоотношения напоминают отношения между младшими и старшими братьями и сестрами. Они ведут себя правдиво и естественно, позволяют следить за успехами и неудачами в работе и устремлениях, признают свои ошибки, разделяют радостные и грустные моменты в жизни. Между родителями и детьми в таких семьях складываются доверительные отношения, но они никогда не злоупотребляют доверием детей, реализуя «незаметное воспитание». С раннего возраста ребенка следует учить ответственности за свои поступки, поэтому родителям не следует препятствовать тому, чтобы дети переносили «естественные последствия совершаемых или поступков» [421, С.34 -36].

Итак, педагогические идеи Э. Кей были радикальными для своего времени. Они получили широкое распространение в Швеции лишь в конце XIX – начале XX в. Революционным образом ее педагогическая теория повлияла на воспитательно-образовательные традиции и реформаторские течения в Западной Европе в конце XIX - начале XX века: формирование концепции «свободного воспитания», прагматизма, художественного воспитания и др. По мнению Г.Б. Корнетова, в результате закономерного развития в новых исторических условиях гуманистической традиции, связанной с именами Я.А. Коменского, Ж.-Ж.Руссо, И.Г. Песталоцци, изначально пронизывающей идеи

западной педагогики, конец XIX века ознаменовался «педоцентристской революцией», заострившей проблему воспитания индивидуальной, свободной и творчески развитой личности, получившей дальнейшее развитие в концепциях Д. Дьюи (1859-1952), Л. Гурлитта (1855-1931), А. Нейлла (1883-1973), Г. Кершенштейнера (1854- 1932), М. Монтессори (1870-1952) и др. педагогов XX века.

Особенно важным для нашего исследования предстает «либеральный феминизм» Джона Стюарта Милля. В монографиях ряда шведских и русских исследователей У. Викандер, Э. Мансён, Д. Рюдстрёма, С. Хёгнеса, Г. Чуле и др. Д.С. Милля вместе с М. Уоллстонкрафт называют классиками феминизма, ибо они выступали в защиту политических и социальных прав женщин. На эссе Д. С. Милля, а также сочинениях М. Уоллстонкрафт следует остановиться подробно, потому что они оказали огромное влияние на развитие философских и педагогических теорий в Швеции на рубеже XIX – XX веков, вызвавших острую полемику в прессе о предназначении женщины и женском воспитании.

В статье «Классики феминизма: М. Уоллстонкрафт и Д.С. Милль» Э. Мансён констатирует, что Д. Милль уже был известным, состоявшимся философом, когда в свет вышло его эссе «Об угнетении женщин» в 1869 году, которое в том же году было переведено на шведский язык под названием «Qvinnans underordnade ställning»-«Подчиненное положение женщин». Как следствие своих общих философских взглядов, Д. Милль приводит аргументы в пользу полного равенства между мужчиной и женщиной как наилучшего принципа для развития индивида, общества и человечества. Д. Милль считает, что многие слишком необдуманно, поверхностно, совершенно без философской последовательности, стремясь «способствовать счастью женщин», выражаются обобщенно относительно «естественного предназначения» женщин, о функционировании женского интеллекта, а также о роде занятий, наиболее подходящих для женской половины. Согласно его пониманию, не существует никаких доказательств

интеллектуального преимущества мужчин над женщинами за исключением их физической слабости. В заключительной части эссе Милль перечисляет все желательные эффекты, которыми общество сможет наслаждаться при установлении справедливой системы при равенстве обоих полов. Самое важное – предоставление женщине возможности трудиться на благо общества, приобретая соответствующую квалификацию. Справедливые, равнозначные отношения между супругами принесут положительные плоды также для всего общества, считает Д. С. Милль [325, С. 97- 98].

Вопрос о взаимоотношениях мужчины и женщины в широком философском и историческом контексте представлялся важным не только для Д.С. Милля. Его соотечественница М. Уоллстонкрафт (1759-1797) – «поборница всеобщей свободы и равенства», первая среди женщин, публично сформулировала требование о предоставлении женщинам права голоса и равного права на образование в трактате «В защиту прав женщин» (1792). Идеи и сочинения «Мысли о воспитании дочерей» (1787), «Мэри. Повесть» (1788), Подлинные рассказы из настоящей жизни» (1788), «В защиту прав женщин» (1792), «Письма, написанные во время краткого пребывания в Швеции, Норвегии и Дании» (1796), «Мария, или женские обиды» (1798) послужили основанием движения за равноправие полов в XIX и XX веках. Марджан Пьюрингтон выделяет главные идеи этих произведений: *недобровольное подчинение любому лицу, институту или обычаю ограничивает, унижает и разрушает; непогрешимый, дарованный Богом разум должен руководить каждой человеческой мыслью и действием; женщины должны иметь право на умственное развитие, без которого невозможны самосовершенствование и общественные преобразования; характер и нравственность формируются под влиянием среды и воспитания; воспитание/образование – неотъемлемое право всех людей и средство, с помощью которого женщины могут обрести независимость и равноправие, тогда человеческое общество продвигается по пути совершенствования* [52, С.461].

Педагогические теории М. Уоллстонкрафт характеризуются как революционные для своего времени Х. Ёстхольм. По мнению Х. Ёстхольм, революционность педагогических взглядов английской писательницы заключалась, прежде всего, в том, что она смела выступить против ограничения прав в сфере образования и воспитания для женщин [317, С.12]. Она выдвинула самый радикальный для того времени педагогический принцип о равноценном образовании для мальчиков и девочек. Несмотря на преклонение перед идеями Ж.- Ж. Руссо о свободном воспитании, М. Уоллстонкрафт выступила против трактовки Руссо вопроса о предназначении женщины в обществе. Критика Ж. Руссо во многих отношениях отражена в произведении «Мысли о воспитании девочек» (1787). По мнению Уоллстонкрафт, свободное воспитание в произведении Руссо «Эмиль, или о воспитании» (1762) служит на пользу только мальчикам. Она обвиняет философа в том, что многие повторяли вслед за ним мысль о женской природе, ограничившей способности девочек занятиями с куклами и шитьем вместо чтения. Это не женская природа, а воспитание, предлагаемое Ж.-Ж. Руссо, состоящее в культивировании «женских свойств характера», которые отвечают интересам мужчин. Вслед за Д. Локком М. Уоллстонкрафт подчеркивает важность среды и опыта для воспитания [317, С. 10-11]. Она предлагает совершенно другую программу: совместное обучение мальчиков и девочек в школах, доступных для всех детей без исключения. После совместного девятилетнего обучения практическое и теоретическое образование должно быть различным в зависимости от таланта, склонности характера и интересов, определяющих выбор будущей профессии, не по признаку пола или классовой принадлежности [317, С.13]. Именно образование, в представлении Уоллстонкрафт, может дать толчок изменениям в отношениях между мужчиной и женщиной в семье и в обществе [317, С. 12].

Проблема полов, а также социального, правового, образовательного статуса женщин имела общие и отличительные черты во всех европейских странах. Б.Б. Глинский отмечал в XIX веке на страницах «Исторического Вестника»: «Судьба женщин в истории настоящего столетия довольно резко

делится на два периода: первый период обнимает собой время с конца Великой французской революции по конец сороковых годов, второй – следующую половину нынешнего века. Декларация прав женщин», хотя и не имела на родине каких-нибудь практических следствий, однако глубоко забросила в современные народы идею социального и юридического равенства обоих полов, и первая половина XIX века отмечена попытками со стороны женщин добиться хоть некоторой доли этих прав. Наиболее энергично в этом направлении действуют женщины Англии, Швейцарии, Скандинавии, России, но в особенности американские женщины, которые и делают свою родину истинным очагом женской эмансипации...» [66, С.267]. Идеи эмансипации, или так называемого «женского вопроса», по мнению Т.В. Тийнен, получили широкое распространение во время первой буржуазно-либеральной волны за права женщин в Швеции с 1870 по 1920 год. Автор задает вопрос, почему такое чуждое, казалось бы, шведской культуре явление «эмансипации» прижилось в этой скандинавской стране, и отвечает, что именно в Швеции феминизм попал на благоприятную культурно-историческую почву, потому что для Швеции характерен высокий статус женщины, определяемый ее социальной и производственной функцией в трудоемких земледельческих работах и многопромысловом домашнем хозяйстве [242, С.125-126].

Таким образом, анализ философских и педагогических научных исследований (С.А. Ананьин, К. Брёмс, У. Викандер, А.С. Кан, Э. Кей, Э. Мансён, А.Г. Мысливченко, Д. Рюдстрём, Г. Спенсер, П. Соколов, С. Хёгнес, Г. Чуле и др.), позволил нам выделить следующие особенности шведской философской мысли:

1. В течение XIX века Швеция испытала сильное влияние европейских мыслителей О. Конта, Д. С. Милля, Г. Спенсера и др., исходивших из доктрины либерализма о приоритете личностных целей и интересов, свободе индивида от общества. При этом речь шла не столько об обособлении человека от общества, сколько о необходимости ограничить давление на отдельного человека со стороны других людей. Такое позитивное понимание индивидуализма как

самостоятельности и самооценности личности отражало дух эпохи, прославляющей свободного индивида как главного носителя ценностей европейской цивилизации и сформулировало принцип: когда индивид заботится о личной выгоде, то тем самым, независимо от своего желания, он приносит пользу обществу, причем лучше, чем если бы сознательно стремился к общему благу.

2. Основная направленность шведской этической-философской мысли, которая в значительной мере определяла развитие шведской философии и педагогики в XIX, была представлена работами Уппсальского профессора, философа, педагога, государственного деятеля Эрика Густава Гейера (1783-1847). «Принцип личности» Э. Г. Гейера как исходный теоретический принцип означал свободное развитие индивидуальности, стремящейся к взаимодействию с другими людьми и совершенствованию природных способностей на благо шведского общества.

2. Распространившиеся идеи либерального феминизма исходили из концепции Просвещения о построении общества на принципах разума и равенстве возможностей на образование, а также дискутировали вопрос о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, вызвавший острые дебаты о предназначении женщины и женском воспитании в шведском обществе второй половины XIX века (см. гл. 1.4).

3. Проблематика шведской философской мысли XIX в. носила этический характер, подчеркивавший идею гармонической цельности человека, единства его нравственной и практической деятельности. Интерес стимулировался особенностями национального сознания шведского народа, которое издревле, в условиях отсутствия в стране крепостного права и наличия значительных масс лично свободных крестьян, воспитывалось в духе свободолюбия и уважения нравственных начал. Свободное освоение окружающего мира, активное участие в общественной жизни и накопление собственного опыта в овладении народной культурой было традиционно для шведского крестьянства, главным звеном которого вплоть до начала XX века оставалась семья (см. гл. 2).

4. Синтез философских идей индивидуализма и эволюционизма вместе с учетом достижения уроков национального опыта воспитания определили концептуальное оформление шведской педагогической мысли XIX-XX вв., ценностными основаниями которой, на наш взгляд, явились следующие:

- принцип уважения к личности ребенка как главного принципа нравственного воспитания;
- принцип природосообразности как согласование с общими законами развития природы и человека, воспитанием в соответствии с полом и возрастом ребенка;
- принцип свободы как предоставление ребенку права выбора и возможности, позволяющей развиваться в соответствии с его внутренней природой и потенциалом;
- принцип культуросообразности как приобщение к национальным нормам, не противоречащим общечеловеческим ценностям;
- принцип диалогичности воспитания, предполагающий, что духовно-ценностная ориентация человека и в большей мере его развитие осуществляется в процессе взаимодействия воспитателей и воспитуемых;
- принцип индивидуального подхода в выборе образовательных предметов, учебных курсов в зависимости от таланта, склонности характера, интересов.

1.4. Концепции женского предназначения и женского воспитания в шведской педагогической мысли XIX века

Идеи педагогов, общественных деятелей, полемика на страницах известных газет и журналов, формировавших общественное мнение в шведском обществе XIX века относительно статуса и предназначения женщин в семье и обществе отражена во многих шведских исследованиях (Р. Амбьёрнссон, Т. Ваммен, У. Викандер, А. Гёраннсон, Б. Енглунд и Л. Кореланд, Х. Ёстхольм, У. Лёфгрэн, А. Луткенс, У. Маннс, А. Уландер, Е. Ульврос, Э. Фэрнстрём, К. Флорин и Л. Кварнстрём, Г. Чуле, К. Шёблад, Б. Юрданссон, У. Юханссон и др.). Однако систематическому воспитанию девочек в истории шведской

педагогике не уделялось достаточного внимания. Это доказывают исследования, как наших ученых, так и зарубежных (Т.С. Буторина, А.Е. Демидовская, М.А. Калинина, Т.В. Касимова, И. Лёвкруна, Б. Лилльевалль и др.).

Целью данного параграфа является анализ идей о предназначении женщин и женском воспитании, существовавших в шведском обществе в XIX веке.

У. Викандер, Э. Хобсбаум называют XIX век значимой эпохой для женщин, периодом идеализации Женщины, эпохой, в течение которой признавалось моральное превосходство женщин над мужчинами [264, С. 284; 429, С. 12].

В шведской научной литературе многие исследователи (Т. Ваммен в антологии «История женщин» [340, С.87-103]; Г. Карлсон, У. Лёфгрэн, Л. Кварнстрём, К. Флорин «Женщины на пути к гражданским правам : гендер, политика и публичная сфера 1800-1950» [320, С.41-69]; Ю. Фрукман «Культивированный человек» [324, С.85-87]; Я. Рюдстрём «Женщины, мужчины и все другие» [402, С.70-72] и др.) заострили свое внимание на проблеме двойной морали, существовавшей в шведском обществе XIX века.

По мнению У. Лёфгрена, двойная мораль представляет собой двойную систему нравственных ценностей относительно существовавших негласных законов и табу для мужчины и женщины [324, С.85]. Приобретение сексуального опыта до брака для женщин, независимо от их происхождения, считалось неприемлемыми и неестественным. Законы 1734, 1815 гг. содержали определенные требования по поводу женской невинности и целомудрия при вступлении в брак. Например, закон 1815 г. гласит: *Att bevara sin oskuld, tills hon inträder i äktenskap....* – Сохранять невинность до тех пор, пока не выйдет замуж. В противном случае, если после свадьбы обнаружится, что любой другой мужчина спал с ней (невестой) до брака, и ее нынешний муж не простил ее, в таком случае он имеет легальное право с ней развестись. По закону он

имел право оставить себе все имущество, которое жена принесла в дом, потребовать возмещения за свадьбу (Раздел о браке, Часть 13, § 7) [416].

Однако такие строгие требования в отношении нравственности не предъявлялись мужчинам. Известный в Швеции профессор медицины И. Хвассер рассматривал целибат мужчины как «враждебный человеческому естеству», тем не менее, считал положительным женский целибат. Проф. Йорг, подчеркивал, что разная мораль для мужчины и женщины определена биологическими свойствами мужского и женского организма [294, С.8; 402, С. 32].

Первой женщиной-писательницей, обратившей внимание на разные нравственные требования, предъявлявшиеся к мужчине и женщине в обществе, а также выступившей против неравноправного отношения к женщине в публичной сфере и в семье, стала Фредрика Бремер (1801-1865). С именем Ф. Бремер как писательницы связывают открытие новых тем в шведской литературе: женское воспитание, женщина и женский мир, положение женщины в обществе, где доминируют мужчины. В 1844 г. Шведская академия присудила Фредрике Бремер медаль за заслуги в деле создания шведского семейного романа [326, С.122]. Дебют писательницы состоялся в возрасте двадцати семи лет с работой о семейной жизни шведской буржуазии. С книгами под заголовками «Зарисовки из жизни» (1831), «Дочери президента» (1834), «Соседи» (1837), «Семейство» (1839) имя писательницы стало одним из наиболее популярных в период XIX века в Швеции, Англии, Америке, Германии.

Система взглядов на объективный мир и место человека в нем, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе были обусловлены христианским мировоззрением писательницы [326, С.7]. По мнению Ф. Бремер, положение о равенстве между мужчиной и женщиной можно найти в христианском учении. Писательница замечала, что «либеральные течения настоящего времени являются знаком того, что род людской пришел к пониманию ранее скрытой мысли относительно свободы

индивида, существовавшей в планах Творца при создании мужчины и женщины. По мере эволюции в сознании людей происходили изменения относительно свободы для всего народа и необходимости в гражданских правах для всех членов общества» [399, С.140]. По мнению Ф. Бремер, это означает, что традиционный взгляд на роль женщины в обществе требует безотлагательного пересмотра в данный период истории. Она отказывалась признавать доктрину официальной церкви, односторонне толковавшей призвание женщины быть женой и матерью [399, С.140-141]. Несмотря на долгую дружбу с Э.Г. Гейером, (более 13 лет вплоть до кончины философа в 1847 году), Ф. Бремер критиковала взгляд на женскую природу Эрика Гейера, свято верившего в незыблемость толкования священного писания и настаивавшего на исключительно важном предназначении для женщины – быть достойной супругой и любящей матерью и, как следствие этого, не прибегать к требованиям гражданских свобод. Бремер считала, что все женщины, как замужние, так и незамужние, могут служить на благо общества. По мнению Ингрид Оберг, именно в этом контексте Ф. Бремер видела особое предназначение образованных женщин, реализующих свой потенциал в филантропической деятельности [307, С. 38].

Общественное положение Ф. Бремер в качестве известной писательницы позволило ей выступить с более радикальной программой в защиту прав женщин, которую она изложила в социально-педагогическом романе «Херта, или История души» в 1856 г. После опубликования романа резкая критика в отношении Ф. Бремер и дискуссии по поводу вышедшего романа последовала не только со стороны критиков, но и друзей. Писательницу обвиняли в религиозном богохульстве и подрывании общественной нравственности [399, С.141].

В защиту писательницы выступили Розалия Оливеркруна (1823-1898) и София Адлеспарре (1823-1895), которые стали значительными фигурами в движении за права женщин в Швеции XIX в. В 1884 году С. Адлеспарре была основана «Fredrika-Bremers-förbundet»-«Ассоциация Фредрики Бремер»,

которая сплотила женщин и мужчин буржуазных интеллектуальных кругов, прежде всего Стокгольма. Социальные реформы относительно женщин в обществе, вопросы нравственности, доступ к получению образования для женщин стали основными пунктами в программе, выработанной С. Адлеспарре [312, С.32].

Активными членами Ассоциации стали выдающиеся шведские женщины: учителя Анна Витлок (1825-1930), Анна Сандстрём (1854-1931), Эллен Кей (1849-1926), писательницы Альфхилд Агрелль, Анна Шарлотта Эдгрэн Леффлер (1849-1892), Матильда Руус (1855-1927), редактор известного женского журнала «Дагни» Лоттен Дальгрэн (1851-1934), проф. математики Софья Ковалевская (1850-1891) [312, С.259]. Несмотря на то, что женщины Ассоциации не ставили перед собой глобальных задач по переустройству общества, они планомерно и плодотворно работали, помогая конкретным людям и добиваясь принятия законов, облегчающих положение женщин в обществе.

Вслед за Ф. Бремер члены Ассоциации настаивали на праве свободы в выборе мужа и полагали, что право на образование обеспечит экономическую независимость от мужа, что в дальнейшем позволит многим женщинам воздержаться от вступления в брак [375, С.470].

Против такого взгляда на предназначение женщины в обществе выступила Э. Кей (1849-1926). По мнению Свена Хартмана, возможно, единственная женщина и педагог, педагогическое наследие которой вызывало интерес далеко за пределами Швеции. Ее книги были переведены более чем на десять языков, одно из наиболее известных произведений Э. Кей «Век ребенка» (1900) в настоящее время переиздается во многих странах. Анализу жизненного пути, творческой деятельности, педагогических взглядов Э. Кей посвящены работы русских и шведских исследователей прошлого и настоящего (Н.К. Крупская [127]; М. Нордау [147]; Э. Радлов [196]; М. Тимофеева [244]; Н.Е. Sandström [404]; R. Ambjörsson [290]; S.H. Huveröd [393]; T. Lengborn [362]; S.

Hackzell [393]; B. Englund, L. Kåreland [360]; B. Holm [341]; M. Alexiussion, C. Karlsson [360] и др.)

По словам С. Адлеспарре, Э. Кей была «дитя журнала» со дня его основания. Там она начинала свои первые шаги как писательница, публицист и поддерживала дружеские отношения с редактором журнала и другими членами Ассоциации, являлась активной сторонницей движения за права женщин. Однако в полемике относительно призвания женщин Э. Кей выступала категорически против точки зрения большинства членов Ассоциации. По мнению Уллы Манс, в произведении «Kvinnogörelsen»-«Женское движение» выражается позиция Э. Кей относительно материнства как главного призвания женщины на земле. Женское движение, имела в виду Эллен Кей, неутомимо продолжало двигаться по проторенной дорожке и стремилось поддержать реформы, которые не соответствовали женской природе. Принимая во внимание эволюционное учение Г. Спенсера (1820-1903), Э. Кей исходила из абсолютной несхожести мужчины и женщины, определявшей их биологическое и социальное предназначение в обществе.

Материнство, по убеждению Э. Кей, составляло основу женской природы. С самого начала возникновения человечества это был биологический инстинкт, который по мере развития общества стал инстинктом социальным, т.е. стремление выбирать работу, отвечающую ее интересам. В работе «Женское движение» (и других своих работах) Э. Кей употребляет два слова-определения к идее материнства: первое, «moderskapet» – «биологическое рождение ребенка, материнство»; второе, «moderlighet» – «материнское отношение». Материнское отношение, то есть материнские качества, свойственные женской натуре, – забота, альтруизм и чувство сострадания, берущие начало в биологическом инстинкте материнства, могут быть востребованы в обществе. Лишь через материнство можно развить материнское отношение к выполнению определенных задач в обществе и посредством этого совершенствоваться как личность. Женственность вместе с материнским отношением, должна влиять и облагораживать все общество. Э. Кей дополняла,

что, развивая в себе женственность и женские качества, женщина становится совершенной личностью, задуманной Творцом [312, С. 40-41].

После выхода в свет книги «Missbrukad kvinnokraft» (1896), которую можно перевести на русский как «Злоупотребление женским влиянием», между Э. Кей и членами женского движения произошел разрыв по причине неприятия членами тезисов-предупреждений, представлявших, по мнению педагога, опасность для будущего развития общества в сторону эмансипации.

Э. Кей высказала сомнения по поводу стремления к свободе, выражаемого женщинами Ассоциации. Требования эмансипации не имеют ничего общего с освобождением. Свобода не равнозначна отсутствию всяческих границ. Женское движение ожидает, что женщина под влиянием всеобъемлющих внешних изменений в обществе потеряет склонности и предрасположенности, которые отличают сейчас ее женскую природу, – это неверно. Без сомнения, полагает Э. Кей, женщина, проводящая большую часть времени на рабочем месте, вне дома, не сможет уделять дому и ребенку достаточно времени. В случае если жена и мать не будет иметь склонности и интереса заниматься домашними делами, тогда эта работа, которую необходимо выполнять для поддержания семьи и физического ухода за ребенком, будет выполняться другими. Материнская любовь – это не как есть нерушимое чувство, оно может развиваться и модифицироваться, существует риск рецессии. Забота о ребенке отодвинется на второй план, ответственность за него будут нести не родители, а общество [290, С.227], что негативно отразится на воспитании. Задачу будущего Э. Кей связывала с воспитанием нового поколения матерей, которые освободят детей от системы детских садов. Шведский педагог акцентировала внимание на том, что взрослые «обращаясь с детьми уже в возрасте двух-трех лет, как со стадом, заставляя их двигаться по команде, работать по одному плану, выполнять одинаковые, мелочные, бессмысленные, бесполезные работы, – воображают, что воспитывают людей, а на деле дрессируют пешек! Кому приходилось самому играть в детстве на берегу моря или в лесу, в просторной детской или на чердаке, где сложен

всякий хлам, видеть, как играли там другие дети, тот знает, что такая свободная игра имеет во сто крат больше значения для развития душевных сил, предприимчивости и фантазии, чем непрерывно налаживаемые взрослыми и игры, и занятия! Эти игры и занятия приучают ребенка, вместо того чтобы играть самому в одиночку, держаться стада, – привычка, характеризующая духовное убожество...» [127, С.106]. Э. Кей категорически выступала против организации детских яслей и садов, против «стадного воспитания», где подавляется индивидуальность личности, «убивается живая душа».

Э. Кей полагала, что необходимо «развивать все те побуждения, от которых зависит внутренняя ценность и сила человека», а это возможно лишь в том случае, когда дитя с раннего детства имеет возможность свободно выбирать, научается взвешивать последствия своего выбора, сознавать права и ответственность своей воли, знакомится с условиями и задачами собственного опыта. Все эти качества могут выработаться только в семье. Ей возражала Н.К. Крупская на страницах журнала «Семья и школа», утверждавшая, что стадность складывается из двух моментов: подражательности и общественного инстинкта. Подражание, по мнению Н.К. Крупской, необходимо точно так же, как и самостоятельное творчество. Общественный инстинкт – это сочувствие другим людям и умение их понимать. Индивидуальности ребенка общественный инстинкт нисколько не вредит. Напротив, семья, по мнению Н.К. Крупской, часто не только не способствует, но и заглушает общественные инстинкты ребенка», которые имеют в данный конкретный период истории немаловажное значение. Крупская утверждала, относительно воспитания гораздо более важное значение имеет весь уклад семейной жизни. Если члены семьи люди отзывчивые, чуткие, если у них широкие общественные интересы, если труд соединяет семью в дружный союз, семья будет иметь хорошее влияние на ребенка. Не соглашаясь со шведской писательницей по некоторым методологическим вопросам, Н.К. Крупская, тем не менее, признает правоту Э. Кей относительно критики системы существующих детских садов, школ и «теперешних семей» [127, С.105-112].

По мнению Клаудии Линдén, размышления Э. Кей представляют попытку построить нравственно-философскую систему, исходящую из стремлений и интересов женщины, а не мужчины, что представляло переворот в отношении будущих отношений между мужчиной и женщиной. Не только Э. Кей рассуждала относительно любви, брака, сексуальности в шведском обществе в указанный период времени, но она стала одной из тех, у кого сложилась определенная система взглядов на эту проблему.

Э. Кей первая отметила, что отношения между мужчиной и женщиной зависят от экономической самостоятельности женщины в семье, от этого зависит также воспитание и образование детей. Это имеет идеологическое и политическое значение. Все, что происходит в обществе, отражается на ситуации в семье, и, наоборот, все, что имеет отношение к семье, имеет общественную значимость. Достойный гражданин общества начинает свое существование как ребенок в семье. Э. Кей использует дом как модель и проецирует эту модель на все общество, подчеркивая, что в семейном воспитании должны принимать участие оба родителя, так и общество должно регулироваться в равных пропорциях мужской и женской половиной [393, С.35-36].

Э. Кей была твердо убеждена, что любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине различна. Женская натура способствует большей отдаче душевных сил в любви, чем мужская. Мужскую любовь к женщине Эллиен Кей называет «требовательной». Женская любовь предполагает зависимость от кого-либо, мужская любовь – от чего-либо. Кей пишет о том, что когда Бог создал женщину, он создал ее сердце «полным любви и жертвенности», что равняется слову «женственность», поэтому брак без любви не просто бесчеловечный и безнравственный, он, прежде всего, неженственный.

Против покорности мужчине, преобладанию его в доме и подчинению ему всех остальных членов и особенно против жестокого обращения мужчин с женщинами и детьми выступала Фрида Стéенхофф (1865-1945). Отправным пунктом рассуждений Ф. Стéенхофф относительно общественной

нравственности стал «принцип личности» Э.Г. Гейера. «В идеале следует – *каждый человек* должен вмещать чувствительность и интеллигентность. Каждый человек должен стать *личностью в полном смысле этого слова*. Необходимо пытаться сдвинуть принятую в обществе мораль, согласно которой женщина способна тонко чувствовать, а мужчина логично рассуждать, в противном случае в обществе поддерживается аксиома о подчиненных отношениях, что искажает духовную суть личности», – замечала писательница [312, С. 80].

Драмы, социальные брошюры, выступления в женских журналах и чтение лекций – таков был вклад Ф. Стéenхофф в дебатах по социальным и нравственным вопросам в шведском обществе XIX века. Любовь, материнство, детство – центральные темы, занимавшие писательницу.

Разделяя точку зрения К.Ю.Л. Альмквиста и Э. Кей насчет безнравственности брака без любви, Ф. Стéenхофф настаивала на «свободной любви» без венчания, утверждая, что многие женщины вынуждены были выходить замуж для того, чтобы обеспечить себе средства к существованию. По мнению К.К. Веттерберг, Ф. Стéenхофф видела освобождение женщины в экономическом независимом единстве, предполагавшем экономическую свободу от мужчины не только женщины, но и ребенка. Она выдвинула предложение о конкретной экономической поддержке государства – пособиях для женщин и детей, призывая помочь женщинам, испытывающим материальные трудности, с целью обеспечить детям необходимое содержание и уход [312, С. 86; 357, С.123-124].

В 1900 г. в Швеции был принят Закон об охране труда. Одно из его положений, специально посвященное женщинам, имеющим детей, считается первым примером законодательного оформления государственной политики в области семьи [227, С. 279-281].

Таким образом, в данном параграфе проанализированы идеи, распространявшиеся в шведском обществе на протяжении всего XIX века, подвергавшие сомнению традиционное предназначение женщины,

ограничивавшее ее рамками домашнего хозяйства и участием в воспитании детей. Как показал анализ научной литературы, мнения, высказанные наиболее активными членами движения за права шведских женщин, не были однозначными. Наряду с настойчивыми доводами в пользу прав собственности, образования, равно оплачиваемого труда, права голоса, права относительно опеки и обеспечения своих детей выдвигались радикальные требования против «двойных стандартов нравственности», за «свободу молодых женщин» от социальных ограничений, налагаемых обычаями и родителями, «свободной любви» и др. Э. Кей первой выступила против ортодоксальных идей феминизма как наиболее опасных для развития шведского общества. По ее мнению, участие женщин в общественном производстве, воспитание детей в детских садах подрывало материнский инстинкт и могло привести к разрушению традиционных семейных ценностей, основанных на любви между мужчиной и женщиной.

Выводы по первой главе

1.1. Для постиндустриального и информационно-технологического общества образ жизни крестьянства, его быт, крестьянский труд на земле представляют собой арсенал духовности как ценностный ориентир, как комплекс факторов гармонизации жизненных отношений и поведения индивидов. Этот комплекс отличается традиционностью, природосообразностью, устойчивостью, элементами личностного знания. Основу духовно-нравственных принципов крестьянского общества Швеции XIX в. составляли общечеловеческие ценности: семья, труд, высокие нравственные качества личности, почитание родителей, уважение старших и др. Они являлись объективно-значимыми и общественно-одобряемыми идеями, которые передавались из поколения в поколение и влияли на поведение людей, реализовались в традициях воспитания. Ценностные традиции женского воспитания в Швеции XIX века как совокупность наиболее значимых идей сложились в результате экономического и социально-культурного развития шведского общества. Через

них воспринимался и передавался народный воспитательный опыт, в котором аккумулировались типичные образцы женского поведения.

1.2. Исследование социокультурных условий Швеции XIX в. показало, что возникновение новых педагогических взглядов на роль женщины в обществе было обусловлено объективными причинами социально-экономической жизни страны в исследуемый период: увеличением численности женского населения и, как следствие, избытком женских трудовых ресурсов; появлением новых профессий для женщин; связанным с процессом урбанизации изменением «социального ландшафта» на селе; принятием законов (1846г.), позволивших женщинам открывать собственные предприятия, участвовать в школьных учебных советах вместе с мужчинами (1861г.) и др.; становлением государственной системы образования, основу которой составила реформа о единой начальной школе (1842г.); появлением общественно-политических движений, просветительская и образовательная активность которых имела воспитательное значение для населения, способствовала развитию женского спорта в стране и в школе. Национальная особенность общественно-политического развития Шведского королевства XIX в. заключалась в том, что его главной движущей силой стали шведские женщины разного социального происхождения. Они выступали на стороне народных движений, были инициаторами проведения различных мероприятий по совершенствованию правовой базы, способствовали реформированию системы образования. Некоторые женские группы, образовавшиеся в XIX в., стали представлять влиятельные национальные ассоциации в XX – XXI вв., которые продолжали преемственность активной позиции шведских женщин в обществе (Шведская федерация женщин; Либеральная народная женская партия; Союз Домохозяек).

1.3. XIX век в истории шведской педагогической теории и практики характеризуется как новый этап развития педагогической мысли, сопряженный с переоценкой ценностей в результате влияния западноевропейских философских идей О. Конта, Д.С. Милля, Г. Спенсера, М. Уоллстонкрафт и др. Положения философско-педагогической теории о благосостоянии семьи,

материнства и детства, которые способствовали законодательному оформлению программ государственной политики в этой области в XIX - XX вв., были сформулированы в трудах известных шведских философов, педагогов, государственных деятелей А. Альмквиста, Ф. Бремер, Э. Г. Гейера, Э. Кей, Ф. Стéенхоф и др. Исходным теоретическим принципом стал «принцип личности» Э.Г. Гейера. Он означал свободное развитие индивидуальности, стремящейся к взаимодействию с другими людьми и совершенствованию природных способностей на благо шведского народа. С изменением ценностной шкалы на первый план выдвинулся новый педагогический идеал – воспитание ребенка в условиях уважения и любви со стороны воспитателей, педагогов, родителей. Создание свободной, самостоятельной, творческой личности, по мнению шведских педагогов, возможно благодаря благотворному влиянию домашней обстановки. Семья является неприкосновенным фундаментом – основой жизни, в которой, по мнению Э.Г. Гейера, «ростки государства и гражданственности черпают силу и обретают надежду».

Духовные ценности свободы, самореализации, самопознания обнаружили свою жизненную значимость потому, что соответствовали шведской этнической идентичности. Особенности национального самосознания шведов складывались в условиях отсутствия в стране крепостного права и наличия значительных масс лично свободных крестьян, которые воспитывались в духе свободолюбия и уважения нравственных начал. Свободное освоение окружающего мира, активное участие в общественной жизни, единство нравственной и практической деятельности человека было традиционно для шведского крестьянства, главной ячейкой которого вплоть до XX века оставалась семья.

1.4. В Швеции XIX в. широкое распространение получили идеи либерального феминизма, которые поддерживали, в основном, женщины буржуазного круга. Одно из направлений их деятельности было связано с реализацией реформ в области семьи, брака, материнства. Члены женских ассоциаций активно выступали за экономическую самостоятельность женщин, поддерживали права

работающих матерей, требуя льгот по беременности, гарантий возвращения на рабочее место после родов и т.д. Главными положениями программы феминисток стали: доступ женщин к образованию на равных правах с мужчинами и их самореализация в профессиональной деятельности. Для решения этих задач было инициировано обращение к правительству, организовано издание специальной литературы, в том числе выпуск популярного женского журнала «Tidskrift för hemmet»-«Журнал для дома» [397]. На его страницах велась полемика о социально-нравственном облике женщин, их традиционной роли в семье и обществе, женском воспитании.

Активная гражданская позиция членов ассоциаций не осталась незамеченной. Шведское правительство предприняло ряд мер по улучшению женского образования: *на уровне организации школ* (закон 1859 г. об открытии средних учебных заведений для женщин; закон 1861 г. об открытии Высших народных школ для девушек крестьянского сословия; закон 1871 г. позволил девушкам поступать в университеты, сдавать в них студенческий экзамен; наличие частной инициативы в женском образовании); *на уровне содержания образования* (увеличение часов на изучение истории Швеции, шведского языка, обучение рукоделию, ведению домашнего хозяйства, обязательные курсы гимнастики для женщин и т.п.).

Радикальные для того времени концепции либерального феминизма получили дальнейшее развитие в XX и XXI вв., в результате чего традиционно закрепленные за мужчиной и женщиной роли в обществе и семье изменились или исчезли, определив глубокие сдвиги в общественном сознании.

Глава 2. Ценностные традиции женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века

Целью второй главы исследования является изучение ценностных традиций женского воспитания в шведской крестьянской семье XIX века. Вторая глава решает следующие задачи: рассмотреть основы нравственного воспитания на основе протестантской этики; исследовать уклад жизни шведской крестьянской семьи как воспитательную среду, а также средства и методы воспитания; выявить роль шведской крестьянки в системе традиционного хозяйственно - бытового уклада в Швеции в XIX веке, описать материнские функции в социализации ребенка в первые годы жизни, подготовку девушек к семейной жизни как цель женского воспитания, выявить значимость для крестьянских девушек вступления в брак; сравнить традиции женского воспитания в Баренцевом Евро-Арктическом регионе, указав общее и особенное в национальных традициях Норвегии, России и Швеции.

2. 1. Протестантская этика как основа традиций духовно-нравственного воспитания в Швеции XIX века

Цель данного параграфа - охарактеризовать особенности ценностных воспитательных традиций в Швеции на основе протестантской этики.

Для понимания культуры народов и человеческого опыта в целом духовные аспекты так же важны, как и материальная культура, и социальная организация. Под духовной культурой понимается весь идеальный материал, производимый обществом (Л.Н. Дорогова, С.К. Бондырева, В.Г. Федотова и др.). Многие народы, проживающие в одинаковых природных условиях, имеют разное миропредставление, религиозные верования, ритуалы и мифологию. Частью духовной культуры является система ценностей, т.е. то, какое моральное значение люди придают определенным элементам культурной среды. У различных народов ценностные категории и представления могут быть отличными. Чтобы понять культурную идентичность другого народа, необходимо учитывать лежащую в основе его мировидения систему ценностей.

Одним из центральных компонентов духовной культуры является религия [166, С. 12].

Духовные ценности личности в значительной степени определяют ее жизненные установки, склонности, привычки, характер взаимоотношений с окружающей социальной средой. Отношение к религии формируется в процессе социализации личности как результат формулирования индивидом ценностной системы мировосприятия. Его особенность состоит в надындивидуальном, некритическом, основанном на вере характере убеждений. В нем содержится отображенный в религиозном учении исторический опыт национального бытия [141, С.60-61].

Анализ различных источников по теме диссертационного исследования показал, что русские [31, С.15]; [41, С.44]; [100, С.22-25]; [129, С.9,12]; [150, С; 611-618]; [154, С.120]; [155, С.45]; [176, С.36]; [206, С.18]; [247, С.8]; [276, С.109] и зарубежные исследователи [64, С.45]; [294, С.436-446]; [306, С.173]; [366, С.23-24]; [373, С.25] высказывали идею о влиянии лютеранской религии как одного из факторов, определивших формирование национальной культуры и воспитательных традиций шведского народа.

Протестантская этика в словаре «Религиоведение» под редакцией А.П. Забияко (2006) определяется как оригинальная этическая традиция в христианстве, начало которой связано с именем главного реформатора и основоположника протестантизма Мартина Лютера (1483-1546) [200, С.823].

Религиозно-общественное движение, в которое Мартин Лютер вовлек Германию, охватило в XVI веке большинство стран Европы и уже тогда получило название Реформации (от лат. Refomatio – преобразование, исправление). Движение Реформации связано со сложными процессами кризиса в католической церкви в период зрелого и позднего Средневековья. Реформация создала целый ряд протестантских церквей, отделившихся от римского католицизма [245, С.512].

Мартин Лютер выработал свое собственное (по терминологии реформаторов – «евангелическое») учение, которое значительно отличалось от

католического. Учение соблюдало единство следующих догматических положений: о спасении одной только верой, о необходимости для спасения внутреннего покаяния, о непосредственной связи верующего с Господом, об устранении сложной и дорогостоящей церковной иерархии и упрощении церковного культа, об отвержении внешнего показного благочестия и обрядности, о божественном предопределении и иллюзорности свободы воли человека, об освящении мирской профессии человека [170, С. 335]. Ссылаясь на мнение Макса Вебера о том, что во времена Лютера, Кальвина «мысли о потустороннем заполняли жизнь людей, а от допущения к причастию зависело социальное положение христианина, когда значение духовника в деле спасения души, в осуществлении церковной дисциплины и в качестве проповедника достигало такой степени, о которой мы, современные люди, просто не можем составить себе представления. Поскольку в те времена движущие религиозные идеи, решающим образом формировали «национальный характер» [49, С.111], мы хотели бы прокомментировать два из вышеперечисленных догматических положений, которые, по нашему мнению, оказали значительное влияние на формирование протестантской нравственности и трудовой этики как отражение национального характера шведов – это принцип личной веры и представление Лютера о предопределении.

В новом религиозном учении М. Лютер подчеркивал потребность в личном общении с Богом, обращение к которому для верующих не требовало никаких посредников [199, С.11]. На основании этого реформатор отрицал существование института священничества, считая священниками всех верующих. Выдвинутое им положение о церкви как союзе всех истинно верующих во Христа и признание важности личной веры каждого подняли значение отдельной личности. Умение принять ответственность на себя, даже со ссылкой на «руку Бога», привело к выходу на историческую арену независимой личности со свободой нравственного самоопределения, автономной в своих суждениях и поступках [132, С.168; 170, С.480; 198, С.237]. Согласно доктрине Лютера о предопределении, указывает А.В. Разин,

некоторые люди исходно предопределены Богом к смерти, они не могут избежать уготовленной им дороги в ад. Другие избраны для вечной жизни. Однако, пребывая на земле, никто не знает, избран он или нет. Подтверждение этому можно найти в успехе земной активности, в реализации своего призвания. В соответствии с этим человеку не надо стремиться изменить свое социальное положение, так как подтвердить его избранность может успех любого труда [198, С.237].

Особое внимание М. Лютер уделил честному, профессиональному труду как делу богоугодному, которое требует сознательного и ответственного к нему отношения. Концепция труда как призвания, изложенная М. Лютером, подводила к формированию позитивного, отличного от православия и католичества, отношения к повседневному труду, собственности и прибыли [132, С.168-169]. Собственность выступала таким социальным элементом, который позволял индивиду проявить свои способности в хозяйственной сфере в полной мере. Чтобы не грешить, надо работать до седьмого пота. Правители и работодатели получили власть от Бога, поэтому повиновение, а не сопротивление работодателю, стремление избегать конфликтов было характерно для протестантской этики [64, С.6].

Лютеранство за пределами Германии быстро распространилось в Швеции. Проведению Реформации в немалой степени, по мнению Г.С. Якобсена, способствовал национальный характер шведов: «индивидуалистическому складу скандинава больше по душе трезвый, несколько холодный, но более способный к приспособлению протестантизм, нежели условный, проникнутый мистицизмом католицизм» [237, С.16]. «Евангелическо-лютеранское» учение получило официальное признание на соборах шведского духовенства (конец 1520-х-1530-е годы) и было закреплено решением риксдага в 1527 году. С этой целью усилиями, прежде всего лидеров шведской Реформации Олауса Петри и Лаврентиуса Андре была создана и опубликована богословская, богослужбная и религиозно-просветительская

литература на шведском языке. Основные идеи «евангелического» вероучения М. Лютера были переведены на шведский язык [282, С.6].

Одной из важных работ Олауса Петри стал трактат о «Браке» (1528). Брачный союз, по мысли О. Петри, почетен и заповедан Богом, приучает супругов к труду и самопожертвованию, способствует упражнению в христианской любви [282, С.123]. Самой первой и трудной обязанностью мужчины и женщины после заключения брака М. Лютер считал, воспитание детей, которые, по его мнению, являлись даром Господа Бога. Долг родителей – заботиться об их христианском воспитании и образовании [132, С.174]. Шведы считали, что рождение ребенка было созвучно желанию Бога, как сказано в Библии. Оно являлось большой радостью для родителей и всей семьи (родственников и близких), но шведские провинциальные законы тех лет показывали, что истинной радостью считалось появление здоровых, хорошо сложенных детей. Однако к появлению мальчика или девочки относились неодинаково. Большей радостью было рождение сына, нежели дочери. В шведской провинции Сконе было распространено выражение «Дети – божий дар, если это, конечно, не сплошные девочки» [202, С.425].

Сразу же после рождения ребенку необходимо было выбрать имя, поскольку в традиционной культуре считалось, что имя во многом определяет жизнь человека. Родители с большой тщательностью и осторожностью подходили к выбору имени для своего ребенка, ибо предполагалось, что имя определяло будущие взаимоотношения с окружающими людьми, в конечном счете – судьбу. Согласно данным церковных приходских метрических книг, которые исследовал шведский этнолог Дан Курн, наиболее распространенными были следующие мужские имена – Арвид, Монс, Гудмун, Йоста, Хокан, Торстен, Ларс; женские – Ингеборг, Карин, Гунла, Анника, Анне, Майя, Берта, Ингрид, Керстин. Считалось, что после наречения имени ребенок приобретал индивидуальность. Кроме того, принятие ребенком имени родственника подтверждало его принадлежность к семейному роду, своей культуре [352, С.205]. Имя ребенка впервые произносилось вслух в церкви при крещении, до

этого дня оно хранилось в тайне. Передавая ребенка матери, крестная должна была сказать следующие слова: «Se här får jag glädjen att i Jesu namn lämna Dig en kristen istället för en hedning!» - «Вот сейчас я имею огромную радость от имени Иисуса передать тебя христианином, а не язычником!» [302, С. 63].

Как указывает профессор этнологии Нильс-Арвид Брингёус, обряд крещения существовал в Швеции давно. В лютеранстве крещение рассматривалось как знак вступления человека в Церковь и приобщения его к единству верных во Христе, к «телу Христову». Обряд крещения являлся одним из самых важных, поскольку в лютеранстве соблюдались всего два таинства – крещение и причащение [302, С.22]. Согласно церковному закону 1686 года, крестить ребенка следовало в течение первых восьми дней со дня рождения. Церковные предписания соответствовали желанию родителей. Ребенок оставался абсолютно беззащитным перед силами зла, согласно народным верованиям, до тех пор, пока он был некрещеным. Ещё в начале XIX века, как писал Брингёус, крестьяне желали окрестить ребенка как можно раньше, например, спустя два дня после рождения. В *Diætanaturalis* 1733 года Карл Линней отметил: «только что родившихся младенцев крестьяне везут в церковь, где их обливают холодной водой ..., правильно ли это, решать пастору...» [302, С.63]. В церковь детей возили обычно крестные родители, матери не полагалось этого делать (в течение сорока дней после родов женщина исключалась из духовной жизни общины, так как считалось, что она должна пройти обряд очищения). Институту крестных придавалось большое значение. Как церковь, так и родители тщательно выбирали крестных родителей. Согласно церковным положениям, крестные должны были исповедовать евангелическо-лютеранское учение, быть грамотными, знать Малый Катехизис. Учитывалось их материальное положение, здоровье, предприимчивость. Крестьяне часто приглашали в крестные пастора или супругу звонаря, или состоятельных односельчан. Крестная мать должна быть здоровой и выносливой женщиной, так как ей предстояло нести ребенка в церковь. Широко распространенным было мнение, что крестные мать и отец ниспосланы

Богом. Принять приглашение и стать крестными считалось очень почетным [302, С.195-196].

Крестные дарили подарки своим крестникам. Это были серебряные и золотые изделия – именные ложки, столовые приборы, цепочки с сердечком, на котором было выгравировано имя или инициалы крестника (крестницы), а также брелоки или подсвечники. Цветы и предметы одежды крестники могли получить во время пиршества устроенного дома по случаю крещения [303, С.40].

В соответствии с евангелическо-лютеранской верой после 6-7 лет в воспитании главное внимание уделялось формированию устойчивых ценностей в мировоззрении ребёнка.

В философском словаре под ред. И.Т. Фролова (М., 1991) указывается, что мировоззрение – это система принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих как отношение к действительности, общее понимание мира, так и жизненные позиции, программы деятельности людей [256, С.263].

Т.С. Буторина, рассматривая традиции народного воспитания на Русском Севере, дает следующее определение мировоззрения: «Мировоззрение – система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также на обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы познания действительности, ценностные ориентации» [44, С.63].

Ценностные ориентации определялись основными постулатами религиозной протестантской этики, которые предусматривали формирование общинно направленного человека с высоким уровнем нравственности. Как указывает С.К. Бондырева, нравственность – более детальная и тонкая регуляция поведения, если сравнивать два понятия «мораль» и «нравственность». Мораль – это те нормы и требования, которые общество устанавливает для индивидов. Нравственность, по мнению автора, – это

совокупность этических требований, которые индивид должен предъявлять к себе [35, С.22].

По мнению А. Эйнштейна, нравственность является основой всех человеческих ценностей [284, С.12].

Высшей ценностью, законом жизни, ведущей чертой нравственности у шведского народа с древнейших времен выступали *любовь к родителям и почитание старших*. В одном из значительных историко-этнографических трудов, посвященных северным странам, написанном в первой половине XVI века шведским ученым Олаусом Магнусом под названием «История северных народов» выделяется целая глава «Om uppmärksamhet mot ålderstigna»-«О внимании к пожилым людям». О. Магнус упоминает, что с незапамятных времен у скандинавских народов существовал обычай при встрече с пожилым человеком, стариком, по дороге или дома, принято уступить ему дорогу, проявить уважение – остановиться на несколько минут и выслушать его мнение, помочь довести до места. Он пишет, что еще в древние времена, когда было необходимо переместить, перевезти престарелого, совершить путешествия пешком или в повозках, спускаться с крутой горы или подниматься на вершину холма, независимо от того, были ли это немощные родители или родственники, или другие, достигшие почтенного возраста, – все могли рассчитывать на помощь. С наступлением зимы стариков перевозили на специально выделанных медвежьих шкурах, переднюю часть которых загибали кверху, что обеспечивало безопасность и удобство при поездке. Далее, продолжает исследователь, издревле любовь к родителям почиталась священным долгом у скандинавских народов [381, С.56-57].

Библейская заповедь «Почитай отца твоего, мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исход 20:12), считалась самой важной. Почитать родителей означало: любить, быть внимательным к ним, не оскорблять их, не обижать их ни словами, ни поступками; помогать им в трудах, заботиться о них, когда они находятся в нужде, а особенно во время болезни и старости; молиться за них Богу как при

жизни, так и по смерти. Согласно народным поверьям нравственное падение человека начиналось с непослушания и неуважения к родителям, часто можно было услышать следующее мнение: «Он начал свою жизнь несчастливо, был злым и непочтительным со своей матерью, оттого плохо кончил» [405, С.86]. Авторитет родителей, отношение окружающих близких людей, установка на добродетельные поступки уже в раннем возрасте оставляли след во впечатлительных душах детей, начинавших отличать хорошее от плохого и оценивать поведение людей, проявлять любовь и уважение к старшим.

По мнению Д. Гаунта, культура северных народов всегда была амбивалентна в оценке старости, поэтому дать одностороннюю оценку очень сложно. В течение длительного периода в скандинавской истории старость рассматривалась как «порог» смерти. Для викинга считалось бесчестьем дожить до глубокой старости, но почетным, подобно Богам, было умереть молодым с мечом в бою, потому что сама жизнь казалось лишь испытательным этапом перед вечностью. Со временем отношение к смерти изменилось полностью. Жизнь стала ценностью сама по себе, и долголетие стало отличительной чертой скандинавских стран. В 1750 более 6% от всего населения были старше 65 лет. В деревнях и церковных приходах с населением в 1000 жителей 60 человек были старше 65, из них почти 30 старше 70, поэтому встретить старика в деревне было не редкостью. Появились высказывания типа: «50 år gör stillesstånd, 60 år för åldern till hand, 70 år gammal och grå, 80 år ligger i vrå, 90 år till barnaspott, längre leva är intet gott» - «50 лет означает время простоя, в 60 – тебе нужна помощь, в 70 – ты старый и седой, в 80 – лежишь в углу, в 90 – ходишь на горшок, а дольше жить уже нехорошо». В доиндустриальной Швеции относительно многие доживали до глубокой старости.

По мнению Д. Гаунта, в народе высоко ценился жизненный опыт и веками накопленная мудрость. Однако в крестьянском обществе, где физическая сила и здоровье рассматривались, как ценные свойства, существовала боязнь физической немощи и умственной деградации. Со времен Средневековья как положительные, так и отрицательные стороны старческого

бытия оставили след в пословицах и поговорках шведского народа. «Gammal mans död gör liten sorg»-«Смерть старика приносит мало горя»; «Ålderdom kommer objuden»-«Старость приходит незваной»; «Gammal är ändå bäst»-«Старый – все равно лучший»; «Gammal katta är inte god att dra strå för»-«Старого кота не обманешь», русский вариант «Старого воробья на мякине не проведешь»; «Den yngsta är alltid vackraste, den äldste visaste»-«Молодой всегда красивее, а старший всегда мудрей»; «De unga tror att de gamla är narrar, de gamla vet att de unga är det»- «Молодые предполагают, что старики глупцы, старики точно знают, что как раз наоборот»; «När gammal folk talar, skall ungarna tåga» – «Когда старики говорят, то молодые должны молчать» [328, С.155-156].

Как отмечает Д. Гаунт в исследовании под названием «Жизнь семьи в Скандинавии», в источниках раннего Средневековья можно почерпнуть представления том, что именно дети отвечали за заботу и уход в отношении родителей. Если сказать более конкретно, то ответственность ложилась на тех отпрысков, которые получали в наследство собственность, двор, хозяйство или другое имущество. Когда крестьяне-собственники были уже не в силах обрабатывать землю и следить за хозяйством, то они заявляли об этом на вече. Как только дети или другие ближайшие родственники объявляли о своем желании ухаживать за стариками, то они сразу должны были забрать их к себе в дом. Если наследников было несколько, то сначала родители останавливались у старшего, затем последовательно переезжали от старшего наследника к младшему и оставались жить там прямо пропорционально количеству разделенного имущества. В шведском языке существовало слово **flatföring** (от слова flat, golv, т.е. пол), обозначающее лицо, переезжающее из одного хозяйства в другого. Существенным моментом в средневековой организации ухода за престарелыми среди крестьян было то, что они сохраняли за собой право на собственность до самой смерти. Это давало им право контролировать непредвиденные ситуации [328, С.146-147]. Как указывает Питер Антман, чтобы не переезжать из хозяйства в хозяйство, крестьянское сословие выработало свои методы обеспечения будущей спокойной жизни, передав все

юридические полномочия старшему наследнику с 1734 года [291]. (По данным Р. Зидера, на южном побережье Швеции среднее время стариков на выделе составляло 26 лет [96, С.68]). Взрослые дети по закону должны были содержать своих престарелых родителей (Закон официально отменили в 1956 году) [343, С.43].

По мнению М. Лильеквист, после передачи управления хозяйством старики не исключались совсем из повседневной жизни семьи. Наоборот, они помогали по хозяйству насколько позволяли их физические силы, более того, они играли важную роль в деле воспитания подрастающего поколения. Как указывает М. Лильеквист, уважение к старшим в крестьянском обществе считалось идеальной нормой. Она отмечает, что конфликты и противоречия между поколениями возникали и в прошлые времена, но идеальная норма, тем не менее, оказывала большое влияние на формирование образа мыслей и совершение поступков. Дети, подчеркивает М. Лильеквист, постоянно слышали, что нужно проявлять терпение и уважение к старшим [353, С.34].

Осознавая, что их жизнь и обеспеченность в старости будут целиком зависеть от воспитания детей, родители стремились вырастить богобоязненных, добропорядочных и честных людей.

Честность выступала мерилom поступков и деяний, совершаемых в народе. Русские этнографы, путешественники, литераторы, дипломаты, посетившие Швецию в XIX и XX вв. [31, С.47; 129, 10; 150, С. 610; 155, С.45; 206, С.18; 247, С.8; 246, С.258; 275, С.106], единодушно выделяли *честность* как отличительную черту шведского народного характера.

Путешествуя по Финляндии и Швеции в 1838 году, Фаддей Булгарин записал следующие строки в своих дневниках относительно шведской честности: «Все путешественники согласны на счет шведской честности, добродушия и гостеприимства. О воровстве здесь вовсе не слышно. Этот гнусный порок омерзителен даже для черни» [41, С.85]. Положительные свойства шведского характера, к которым Ф. Булгарин, несомненно, относил и

честность, порядочность, он объяснял «истинным просвещением народа, основанном на религии» [41, С.85].

Об этом же писал русский путешественник Сергей Меч в XIX в.: «Высокий уровень честности зависит в значительной мере от влияния религии и школы... Религия тесно связана с бытом населения, до сих пор считается государственной и для всех обязательной... В скандинавском народе вера еще очень глубока» [155, С.47].

Согласно автобиографическим материалам, воровство считалось тяжким грехом. С детского возраста «вбивалось в голову», что брать чужое нельзя. Один из респондентов вспоминает, что «грехом считалось красть, лгать, упоминать имя Господа всуе, быть злым и непослушным» [301, С.20]. «Папа ненавидел ложь больше смерти, вспоминает, – Анна Сандлинг в биографических воспоминаниях. – Быть честным и говорить правду, какой бы горькой она ни была», – отец требовал всегда [401, С.87]. Родители стремились привить ребенку твердые критерии и нормы в поведении относительно честности, уважения к старшему поколению и взаимоотношений с окружающими людьми.

Следует отметить тот факт, что формирование вышеперечисленных ценностей покоилось на главной идее – **покорности** всякой власти, безропотному подчинению младшего старшему (в семейной, общественной, политической жизни). В связи с этим важно было научить ребенка **послушанию и смирению** [339, С.15; 364, С.26-35]. Для этой цели, по мнению Евы-Лис Бьюрман, «ett ris hängde i varje hem» - «в каждом доме висела хворостина (розга)», которую родители могли пустить в ход в случае непослушания ребенка [299, С.5]. Поскольку катехизис и постилла (сборник проповедей) были настольными книгами в домах крестьян, то они в точности следовали указаниям М. Лютера, который уверял, что «родители по отношению к детям должны быть терпимыми и чуткими, поскольку только любовью скорее и вернее можно достигнуть успеха, нежели побоями, путем рабского страха и принуждения. В то же самое время нельзя баловать детей и потакать им, иногда

следовало прибегнуть и к розге» [132, С.74]. Воспитание на основе протестантских принципов веры имело целью безусловное послушание и прилежание, начиная с того возраста, когда ребенок был способен воспринимать и прислушиваться к замечаниям и указаниям взрослых [298, С.57].

Шведские исследователи [301, С.15; 343, С.46; 411, С.207], трактуя противоречивые теологические вопросы о влиянии протестантской веры на мировоззрение шведов, указывают что в соответствии с учением Лютера, воспитывать следовало «till yttre underkastelse»-«внешней покорности», но «inre oberoende»-«внутренней независимости» от родителей и власти. Одна из заповедей в книге Псалмов от 1695 года гласила: Hwar och en ware Öfwerheten, som wåldeth af wer underdånig; Ty ther är ingen öfwehet utan Gudi. Warer underdånig all mennsklig ordning för Honom skul.

Смысль заповеди проста: «Нет власти выше, чем власть Господа Бога. Будь покорен и послушен власти». Для детей эта заповедь означала покорность и послушание родителям: «Бог любит, защищает и прощает всех детей при условии полного послушания родителям».

Основная цель в воспитании крестьянских детей, согласно учению Лютера, заключалась в формировании четырех качеств в характере: «Gudfruktighet, ärlighet, lydnad och arbetsamhet – Luthers uppfostringslära»-Благочестия, честности, послушания и трудолюбия» [343, С. 45-46].

По мнению шведских исследователей (Х. Брембек, Е.-Л. Бьюрман, Б. Лильевалль, М. Лильеквист, У. Лёфгрен, И. Сефвестад-Ерикссон, М. Сцабó, М. Хедлунд, М. Шёберг, П. Юханнессон и др.), в традиционном крестьянском обществе XIX века родителям не приходилось прибегать к методам физического воздействия в случае приучения детей к труду.

Матиас Сцабó полагает, что участие детей в трудовой жизни семьи с раннего возраста считалось само собой разумеющимся фактом. Дети сами, без принуждения стремились как можно скорее походить на взрослых, выполняя посильные для них обязанности по хозяйству. Они соприкасались со всеми

видами деятельности, характерными для домашнего крестьянского хозяйства, и приобретали разнообразный опыт, который пронизывал всю систему воспитания. Таким образом, привлечение детей к труду представляло особую цель в системе воспитательных традиций шведского народа, составляя органическую часть воспитательного педагогического опыта [418, С.19].

Усердие в труде как поставленная Богом задача было и остается центральным моментом в воспитании до вступления ребенка во взрослую жизнь. В шведском обществе лень всегда являлась смертным грехом. Ибо «вечный покой» ждет «святых» в потустороннем мире, в земной же жизни человеку для того, чтобы увериться в своем спасении, «должно делать дела посланного его, доколе есть день. Не бездействие и наслаждения, а лишь деятельность служит приумножению славы Господней согласно недвусмысленной, выраженной воле Его», указывал М. Вебер [49, С.112]. В соответствии с этим самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна. Трата драгоценного времени на развлечения, болтовню, роскошь, даже на превышающий необходимое время сон – морально недопустима [49, С.112].

Труд для шведов являлся важнейшей жизненной ценностью, священным долгом перед Богом, обществом, самим человеком. По мнению Макса Вебера, с «самого начала» для лютеранской веры представление о предопределении реализовывалось через идею успеха любого труда как подтверждение своей избранности, угодности Богу. Согласно Веберу: «Само слово «призвание» взято из лютеровского перевода Библии, а отношение к мирской профессиональной добродетели как единственно угодной Богу с самого начала характерно для лютеранства» [48, С.115]. Трудолюбие и честность в получении прибыли и достижении успеха, постоянное стремление к профессиональному росту, бережливость и трезвый расчет, ответственность и инициатива, святость и неприкосновенность частной собственности – таковы основные принципы протестантской трудовой этики. Выполнение долга в рамках мирской

профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека [48, С. 115].

По мнению Герлица Гиллиса, протестантская этика оставила отпечаток на отношении шведов к труду. В современном обществе работа занимает центральное место в жизни шведов. В отличие от многих других народов, которые говорят: «Мы работаем, чтобы жить», в Швеции правильнее было бы утверждать: «Мы живем, чтобы работать» [64, С.15].

Таким образом, в данном параграфе мы рассмотрели наиболее важные ценностные традиции духовно-нравственного воспитания на основе протестантской этики, направленные на формирование морального сознания, развитие нравственных чувств и выработку навыков и привычек нравственного поведения, существовавших в Швеции в XIX в. Первые нравственные представления и навыки поведения дети приобретали в семье. Под воздействием взрослых они постепенно начинали различать хорошее и плохое в своем поведении и поведении других. Нравственные понятия становились руководством к действию после того, как они были не просто заучены, но осмыслились и превращались в моральные убеждения, которыми человек руководствовался всю взрослую жизнь. Родительская любовь, их авторитет в семье, чувство ответственности по отношению к своему ребенку создавали особую атмосферу, которая способствовала формированию нравственных норм и приобщению ребенка к религиозному опыту взрослых. Назначение человека, смысл его жизни состоял в уподоблении образу Божьему, а процесс уподобления образу Божьему состоял в развитии добродетелей (благочестия, честности, послушания и трудолюбия) и преодолении греховного характера человеческой природы, а также в избавлении от соблазнов, покаянии, прощении обид.

Основные жизненные позиции шведского народа, его идеалы, ценностные ориентации в прошлом определялись протестантским учением Мартина Лютера, которое наложило отпечаток на отношение шведов к работе – чтобы не грешить, надо работать до седьмого пота. Малый Катехизис,

написанный Лютером в XVI в., стал настольной книгой в шведской семье вплоть до XX века, где человек с детства в ежедневном общении познавал культуру своего народа. Ценностные воспитательные традиции включали: *любовь к родителям и уважение к старшим; честность по отношению к людям и делу; умеренность во всем (до сих пор в шведском языке существует слово «lagom», означающее «умеренность»); повиновение перед вышестоящими людьми, получившими власть от Бога.*

Многовековые ценностные традиции, сформировавшие национальный шведский характер передавались в семье, где происходило становление мировоззрения личности и познание положений христианской религии.

2.2. Уклад жизни шведской крестьянской семьи XIX века как воспитательная среда

Целью данного параграфа является анализ образа жизни, условий быта, оказавших влияние на характер семейного воспитания, его направленность, содержание, методы, средства и результаты.

Исследование уклада жизни семьи означает выяснение всей совокупности конкретных видов семейной деятельности, соответствующих им отношений, а также взаимосвязи между ними (Т.С. Буторина, М.А. Калинина, Т.В. Касимова, Т.В. Лодкина, С.С. Щекина и др.). Такой подход предполагает анализ структуры семьи, условий ее жизни, а также традиций воспитания в контексте семейного быта, семейных обычаев и обрядов.

Поскольку от того, как родители определяют понятие «семьи», каков их уклад жизни, зависят направленность и характер семейного воспитания [143, С. 42], то важной составляющей для данного исследования являются два определения - «образ жизни семьи» и «уклад семьи», которые в данном исследовании используются взаимозаменяемо, несмотря на незначительные расхождения в их содержании.

В Российской социологической энциклопедии под общей редакцией Г.В. Осипова (1998) представлено определение образа жизни как категории,

охватывающей совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, которая берется в единстве с условиями, определяющими ее [205, С.327].

Т.В. Лодкина в научных исследованиях «Социальная педагогика. Защита семьи и детства» (2003;2007) и «Семья на Русском Севере: воспитание на традициях» (2008), обосновывая теоретические подходы к изучению семьи как социального института, подчеркивает, что понятие «семейный уклад» (или «уклад семьи») характеризует специфику повседневной жизни людей, ее духовно-нравственный климат и психологическую атмосферу, а также социальные установки и систему ценностей, взаимоотношения членов семьи друг с другом и с окружающими людьми, семейные традиции, личный пример родителей, умение организовывать жизнь и деятельность детей в семье в соответствии с их возрастом [143, С.40].

Изучению уклада жизни крестьянской семьи в Швеции в XIX в. посвящены работы нескольких исследователей: Е. Багер, Г.А. Некрасов, Ю. Фрукман, У. Лёфгрен, Б. Ханссен. Дополнительные наблюдения и замечания, характеризующие особенности общения, поведения и склада мышления в быту, типичные для жизни шведских крестьян, мы получили, изучив работы по истории крестьянства (Э.Н. Берендтс, Л. Лагерквист, Б. Лильевалль, М. Морелль, А.А. Сванидзе, А. Оберг, А.В. Фоменкова), исследований по этнографии, исторической демографии, культурологии, социальной истории (А.А. Киселев, П. Ласлетт, О. Магнус, В.Л. Носевич, Д. Рогерс, С.А. Токарев, З. Сиезиелски, К. Стадин, Д. Хаджнал, Т.А. Чеснокова, О. Даун), а также литературные и путевые заметки наших соотечественников (Т. Богданович, Ф. Булгарин, Е.Н. Водовозова, Я.К. Грот, В.А. Жуковский, Д.М. Краевский, С.А. Ковалевская, С. Меч, А. Михайловский, С. Орловский, Ф.Ф. Пуцыкович, А. Энгельмейер и др.).

По мнению Улофа Петерссона, исторический путь Швеции в некоторых отношениях уникален. Одной из причин его исключительного развития стало

формирование сословных обществ, значительную силу среди которых имело крестьянское сословие [183, С.9].

Начиная с 1560 г. шведские крестьяне постоянно имели свое представительство в риксдаге, где заседали представители всех сословных групп Швеции – дворянства, духовенства, бюргерства [20, С.465]. К крестьянскому сословию прибегали «как к источнику материальных и человеческих ресурсов в стране, безымянной, но грозной движущей силе», как к «объекту воздействия со стороны противоборствующих сил» в борьбе за власть, имеющей политическую силу [214, С.31].

В отличие от других западноевропейских государств, в шведском королевстве землей владели не только короли, рыцари и церковь, но лично независимые, всегда готовые постоять за свои права крестьяне - бонды [100, С.29]. Слово «бонд» образовано от старошведского «boa», что означало жить, имея собственное хозяйство. Понятие «бонд» имело два основных значения. Первое – это человек, профессионально занимающийся сельским хозяйством, незнатный, свободный, владеющий собственностью. Второе – это домохозяин или хозяин вообще, хозяин дома, двора, глава семейства. Бонд стоял во главе хозяйства и семьи, обычно владел переданной ему по наследству собственностью и был членом рода. Начиная со времен кодификации свода шведских законов (XIII в.), по мнению А.В. Фоменковой, главным действующим лицом Старшей редакции Вестгёталага (Свод законов 1281 года) является бонд. Бонды составляли категорию свободного и полноправного населения страны. Не случайно Швецию часто называли «страной бондов», то есть крестьянской страной [258, С.50]. Бонды представляли собой категорию лично-свободного, не знавшего крепостного права, податного крестьянства, которое было обязано платить налог государству [217, С.162].

«Крестьянин-собственник был всегда основой и жизненной силой шведского государственного строя, он стоял за себя, был собственником своей земли, ответственным представителем своих домочадцев перед законом, признававшим только те обязанности и повинности, на возложение которых он

сам согласился... Он родился на свободе, на своей земле, которая являлась целью его жизни» [20, С.10]. Законное владение землей, возможность ее обрабатывать, передавать по наследству и др. способствовали, по мнению Ларса Лагерквиста, тому, что шведские крестьяне обладали самостоятельностью и независимым самосознанием, удивлявшим иностранцев, посещавших Швецию [133, С.56]. Описывая быт и условия жизни наших северных соседей, русские авторы отмечали, что благодаря трудолюбию, настойчивости и старательности шведские крестьяне добились замечательных результатов в обработке земли, что, в свою очередь, обеспечило им безбедное существование. С. Орловский в воспоминаниях о Швеции, отдавая дань трудолюбию шведов, подчеркивая зажиточную жизнь шведского крестьянства, писал: «Кто видел труд пахоты в Швеции, тот навсегда исполнится уважением к шведскому народу, сумевшему создать на такой почве-мачехе культурную и не знающую голодовок жизнь» [176, С.14].

События, теснейшим образом связанные с продолжением рода, преемственностью поколений, с различными сторонами общественного семейного и общественного быта, – это рождение ребенка и его социализация. Социализация предполагает адаптацию индивида к социальной среде, усвоение им норм, ценностей, моделей поведения, свойственных обществу, в котором он живет. В отличие от социализации инкультурация – это обучение человека традициям, нормам и ценностям, моделям стереотипного поведения, принятым в данной культуре. Первичная стадия инкультурации охватывает периоды детства и юности, вторичная подразумевает период зрелости [30, С.43-44].

По мнению Б.М. Бим-Бада, первичная семейная социализация и инкультурация способствует сохранению и воспроизводству социокультурной традиции, поскольку этот процесс заключается в воспроизведении наличных социокультурных образцов. Именно этот этап обычно происходит в рамках семьи и представляется наиболее важным для адаптации человека к окружающему миру [30, С.47].

Уклад жизни шведской крестьянской семьи был тем образовательным и воспитательным пространством, в котором из поколения в поколение формировались, передавались, сохранялись и развивались шведские традиции и обычаи. Именно в крестьянской семье, утверждает Э. Берендтс, можно было познакомиться с истинно шведскими традициями и нравами: «...в селе, на одиноком дворе, живет большинство шведов, в них оплот шведского обычая, шведских нравов, шведских предрассудков, шведских пороков и добродетелей» [20, С.332]. Особая сила влияния этих традиций и норм состояла в том, что ребенок с самого раннего детства осваивал их незаметно для самого себя, естественно и просто, намного раньше, чем начинал понимать их содержание и смысл. С детства ребенок находился в тесной связи с внешним миром, природой, где он жил, с обществом, в котором он действовал и реализовывал себя как личность, и той духовной средой, которая его вдохновляла и которую, он в свою очередь, творил. Таким образом, с детства ребенок приобщался к традициям своего народа, его духовным и материальным ценностям.

Особенности формирования материальной культуры Швеции, прежде всего таких ее элементов, как жилище, одежда, пища, структура и производственная функция семьи, связаны с тем, что вплоть до начала XX в., «страна» оставалась преимущественно крестьянской: 4/5 ее населения проживало в сельской местности, и каждый второй житель был занят в сельском или лесном хозяйстве [234, С. 161].

Мнение о том, что в доиндустриальном обществе в Швеции была распространена большая патриархальная семья восточного типа, где взрослые дети со своими семьями жили под руководством и властью отца-хозяина, ошибочно, считают Ларс-Арне Нурборг и Бёрье Ханссен. Л.-А. Нурборг указывает в монографии «170 лет Швеции: Развитие шведского общества 1809-1979», что более типичной была так называемая «*stam familj*» - «корневая семья», где старший сын наследовал хозяйство, по-шведски «*gård*» (горд), причем родители оставались жить под покровительством сына и его семьи, младшие сыновья отправлялись на заработки [388, С.13]. Р.Н. Ахметишина

отмечает, что двор, хозяйство (горд), а не семья оставались первичной ячейкой крестьянского общества в Швеции вплоть до XIX века [11, С.78]. Доктор философии Стокгольмского университета, занимавшийся исследованием семьи и хозяйства шведских крестьян в Юго-восточной области Сконе в 1690-1950 годах, Б. Ханссен называет семьи большими домашними группами или корневой семьей. Домашние группы состояли из мужа и жены, их маленьких и взрослых детей, работников и служанок, часто сюда же причисляли семью жильца, других проживавших в доме, которые не были связаны родственными узами ни с крестьянином, ни с его женой. Число взрослых детей, которые жили со своими родителями, было небольшим. Наоборот, число служанок и работников было относительно большим. В домашнем хозяйстве не существовало различия ни в формальном статусе детей крестьян-собственников и жильцов, ни в фактическом обращении с ними: между нанятыми работниками и взрослыми сыновьями крестьянина-собственника. Эти две категории в разговорном языке смешивались под одним общим названием «парней» (dräng), служанок и взрослых дочерей – «девушек» (piga). Они означали холостых мужчин и незамужних женщин. Следует подчеркнуть, чем больше детей появлялось в семье, тем больше прислуги нанимали в домашнее хозяйство для помощи и присмотра за малолетними.

По мнению Б. Ханссена, между вышеназванными группами людей существовали различные виды отношений: между родителями и детьми, между взрослыми, между подростками, между взрослыми и подростками и т.д. Муж и жена были связаны экономическими отношениями в форме установленного постоянного разделения труда и общей собственностью на землю и личное имущество. Социальные отношения между родителями и детьми включали экономические, подопечные (защитные) и товарищеские отношения. Родственные отношения не играли ведущей роли, а были лишь одним из ряда различных связующих элементов в домашней группе, однако, несмотря на это, они были сложнее и качественно отличались от сексуальных и от товарищеских отношений. Б. Ханссен подчеркивает, что родственные отношения в аграрном

обществе придавали престиж личности, они представляли собой такой же символ, как фамильное наименование семьи или как ожидание определенного положения в обществе [261, С.56-59]. Вступление в брак считалось экономически выгодным сотрудничеством мужчины и женщины. Брак обеспечивал хозяйство рабочими руками, гарантировал достаток в крестьянском доме. Социальный статус неженатого или вдовца был невысок. Неженатый человек был в шведской крестьянской среде объектом насмешек и жалости, его не выбирали на ответственные должности, с ним мало считались при решении важных дел в общине, позже – в приходе. Поэтому, если у крестьянина умирала жена, он стремился поскорей вступить в новый брак [202, С.424].

Что касается порядка и условий, а также возрастных границ при заключении брака в Швеции XIX в., то для нас несомненный интерес представляют исследовательские работы У. Лёфгрена, В.Л. Носевича, Д. Рогерса, Д. Хаджнала. Д. Хаджнал и Д. Рогерс установили, что для Швеции был характерен «европейский тип брачности», как и для большинства стран Европы, в том виде, в каком он просуществовал два столетия вплоть до 1940 г., исследователи определяют, как уникальный. Одной из отличительных особенностей «европейского типа брачности» являлось позднее вступление в брак. Доля не состоящих в браке в возрастных группах 20-24 и 25-29 лет для мужчин и для женщин в процентах к общей численности населения соответствовала 92 – 61% и 80 – 52% и представляла собой показатель возраста вступления в брак. Д. Хаджнал указывает, что в возрасте 20-24 года в Швеции (как и многих других европейских странах) около $\frac{3}{4}$ женского населения были еще не замужем, тогда как в восточно-европейских странах в этой возрастной группе $\frac{3}{4}$ женщин уже состояли в браке [38, С.14-15]. Исследователь убежден в том, что при «европейском типе брачности» индивидуума со времени наступления зрелости и до момента вступления в брак отделял период продолжительностью в несколько лет; для женщин этот период, по сравнению с женщинами других стран мира, был особенно велик. В этот период мужчины и

женщины могли работать с максимальной отдачей, не будучи обремененными заботами о детях. Они легко делали сбережения, создавая предварительные условия, необходимые для установления экономической основы жизни супружеской пары и их детей. Иными словами, люди вступали в брак поздно, поскольку они хотели достичь некоторого благополучного уровня жизни (конкретно определяемого социальным положением индивидуума). Если в других обществах было принято, что молодая супружеская чета обычно включалась в состав более крупной экономической хозяйственной единицы (патриархальной семьи, крупного домашнего хозяйства), то в Швеции (как и во многих других европейских странах) для мужчины считалось необходимым откладывать брак, пока он не мог обеспечить средства к существованию семьи (фермер – пока не получит землю, подмастерье – пока не станет мастером и т.д.) и созданию своего собственного хозяйства [38, С.62-63].

В исследовании «Еще раз о Востоке и Западе: структуры семьи и домохозяйства в истории Европы» В.Л. Носевич, обобщая исследования Джона Хаджнала, Питера Ласлетта и других, отмечает, что за специфическими способами брачного поведения стояла более глубокая разница в культурных и поведенческих стереотипах между «западным и восточным типом брачности». Помимо объективных различий в способах организации семьи и хозяйства, по мнению В.Л. Носевича, очевидны психологические различия, вытекающие из этих моделей. На Востоке, пишет автор, требовались такие психологические черты, как умение ладить с многочисленными родственниками и подчиняться авторитету старшего, а затем – умение навязывать свою волю младшим ради поддержания порядка в семье и хозяйстве. С этим же была связана привычка рассчитывать на своеобразный минимум, причитающийся каждому уже по праву рождения. На Западе, подчеркивает автор, сыновья вынуждены были полагаться на свои силы, что содействовало развитию индивидуализма и предприимчивости. По мнению В.Л. Носевича, на Востоке вновь образующаяся семья рассчитывала на помощь родителей в отличие от «западного типа», когда

семья гораздо больше была ориентирована на экономическую независимость от родителей [174].

В области брачно-семейных отношений у шведского крестьянства господствовало обычное право. Между мужем и женой устанавливались имущественные и личные отношения. Имущественные отношения можно характеризовать следующим образом: муж являлся главой и домохозяином, распорядителем над всем семейным имуществом; без согласия мужа жена не имела права ничем распорядиться, за исключением лично ей принадлежащей части приданного [202, С.424].

Поскольку взаимоотношения мужа и жены, их роль в хозяйстве и семье также в значительной мере определялись их отношением к собственности на землю и недвижимое имущество, то мы считаем целесообразным обратиться к тексту Старшей Редакции Вестгёталага (один из первых шведских областных законов 1281 года) как источнику, устанавливающему порядок наследования, рассмотренному в работе А.В. Фоменковой. По мнению ученой, наследование было наиболее распространенным и обычным способом приобретения недвижимого (arv), так и движимого (lösöre) имущества. В «Главе о наследовании» Старшей редакции Вестгёталага в Ä 1 сказано: «Сын – наследник отца. Если нет сына, тогда это дочь». По мнению А. В. Фоменковой, начальные слова в «Главе о наследовании» содержат два важных правила: 1) Если после умершего оставались и сын, и дочь, то сын получал весь арв, а дочь – ничего; 2) Если после умершего оставались сын и сын умершего сына, то оставшийся в живых сын получал весь арв, а сын умершего сына – ничего. Сын сына стоял значительно дальше на линии наследования. А.В. Фоменкова делает вывод, согласно шведским законам – стремление поставить мужчину выше женщины на иерархической лестнице наследников является выражением стремления сохранить собственность для рода мужчины, родственников по линии мужа, так как муж и жена принадлежали к разным родам [258, С.58].

По мнению шведской исследовательницы Осы Б. Карлссон, практика наследования в шведском государстве во многом зависела от структуры семьи,

земельного надела, денежных средств, возможности дополнительно зарабатывать на различных промыслах [349, С.539].

Несмотря на то, что земля представляла главную ценность для крестьянского хозяйства, различные промыслы оказывали влияние на стратегию обеспечения средств существования, ведение домашнего хозяйства и внутренний уклад крестьянской семьи. Промыслы – охота на морского и пушного зверя, лесной, горнорудный, рыбная ловля – имеют древние традиции [218, С.43]. На протяжении многовековой истории Швеции – страны приморской и береговой линии, занимающей в Европе второе место по количеству внутренних вод – рыболовство и охота на морского зверя имели в жизни ее населения важное значение. В Балтийском, Северном и Белом морях, в Ботническом заливе и Северном Ледовитом океане, в многочисленных озерах и реках шведы ловили треску, макрель, салаку, пикшу, сельдь, сига, язя, щуку, лосося, камбалу и другую рыбу, били тюленей и китов, добывали раков, устриц и др. живность [215; 218, С.132]. В течение столетий Балтийская сельдь, она же салака, в больших количествах обитающая у восточного побережья Швеции, занимала прочные позиции в рационе питания шведов: ее кости были обнаружены при раскопках неолитических стоянок. В далеком прошлом это делало селедку деликатесом, доступным круглый год. Эта жирная рыба, чрезвычайно богатая питательными веществами и жирными кислотами, была одним из самых здоровых компонентов национальной шведской кухни. Интересно заметить, что для некоторых народов например, поляков, именно с селедкой в прошлом был связан стереотип восприятия шведа. По мнению академика польской академии наук Януша Тазбира, среди народных представлений поляков о шведах можно встретить следующие: «Швед пропах селедкой и водой морскою, или попросту смердел», «если бы селедка не уродилась, все шведы давно бы сгинули», «Если бы шведа бросили в одну прорубь, он бы выплыл в другой, да еще при этом сжимал в зубах живую селедку» [241, С.118, 121].

В пословицах шведского народа, связанных с бытовой жизнью и особенностями питания, по мнению Т. А. Чесноковой, часто упоминается рыба, чаще всего «бессмертная» селедка как выражение скудости, тогда как ее антипод – лосось. *Sillen är också fisk* – Селёдка тоже рыба; *Arbete och möda, sill och bröd till föda* – Труд да работа, а в пищу – хлеб да сельдь; *Bättre en salt sill på bordet än en höna på grannens* – Лучше селедка на своем столе, чем курица на соседском; *Hemma smakar sill som lax* – Дома и селедка имеет вкус лосося; *På vintern är sillen lax för bonden* – Зимой крестьянину и селедка покажется лососем [276, С.112-123].

Как показал анализ научной литературы [20, С.226-227; 218, С.132; 77, С.144-146; 192, С.13], рыбный промысел имел большое культурно-историческое значение для стран скандинавского севера, в том числе и Швеции. По мнению А.А. Сванидзе, возможно даже говорить об особой «культуре поморского Севера» (*Nordsjökultur*), связанной с мореплавателями и рыбаками [218, С.133].

Морские промыслы обрекали шведских крестьян с малых лет на тяжелую, опасную жизнь, развивая в них необычайную предприимчивость, отвагу, рачительность, умение обходиться самым необходимым. «Благодаря упорной и неутомимой борьбе с природой, суровому труду, в шведском крестьянине развивались те черты характера, которыми он отличается и теперь, – писала о свойствах шведского характера Т. Богданович, – мужественности, стойкости и самостоятельности» [31, С.47].

Отважные мореходы, предприимчивые скандинавы запомнились русской путешественнице Елизавете Грот в XIX веке своим внешним видом – высоким, стройным станом, белизной кожи, светлыми или русыми волосами и голубыми глазами. Леонид Жуховицкий уже в наше время определил своеобразие шведской внешности вот так: «Поначалу шведы мне показались некрасивыми – грубые лица, жесткие волосы, тяжелые тела. Теперь в тех же людях вижу иное – спокойствие, основательность и крепкое здоровье, так необходимое в северной стране...» [91, С.176]. Физическую силу, энергию, выносливость, спокойствие в характере шведов отмечал русский путешественник Н.З.

Новинский [171, С.5]. Хладнокровие и выдержка шведов вошли в поговорки и даже стали предметом насмешек [17, С.277]. Спокойствие, медлительность, суровость нрава многие иностранцы оценивали как недостатки, отрицательные черты в национальном характере шведов наряду с такими достоинствами, как честность, стойкость, самостоятельность, трудолюбие [129, С.9].

Внутренний уклад шведской крестьянской семьи характеризовался рациональностью и практичностью. Семейная жизнь в основном проходила внутри домов, являвшихся традиционным жилищем шведского крестьянства. Постройка дома была важным этапом в жизни крестьянина, непременным атрибутом статуса домохозяина.

По мнению М.М. Сомовой, народная традиция постройки шведских домов, носителем которых являлись свободные крестьяне-бонды, сложились в Средние века, испытывая влияние извне, подвергаясь значительным изменениям и просуществовала до конца XIX века. Рациональный характер шведов, бережное отношение к своей культуре и истории позволили скандинавам сохранить самобытность и собственный оригинальный стиль в интерьере жилых крестьянских домов [230, С.80-82]. В разных уголках страны сохранились постройки и целые усадьбы, позволяющие познакомиться с обликом сельской Швеции прошлых веков [234, С.161].

Анализ материалов и исследований по этнографии традиционных домов в Швеции [160, С.72-73; 164, С.103-107; 230, С.82; 234, С.161-164] показывают, что усадьбы (хутора) в XIX в. были расположены на значительном расстоянии друг от друга. Каждая крестьянская усадьба представляла своего рода крепость, особый мир. В усадьбе было все упорядочено, имело свое место, подчинено строгому рационализму и не терпело случайности. Традиционная шведская усадьба состояла из нескольких сооружений, каждое из которых характеризовалось своей определенной функцией.

Жилые дома, как и русские избы, были сложены из бревен и выкрашены в красный цвет. Красный цвет с белыми каймами окон и дверей являлись отличительной особенностью шведского жилища. Е.Н. Водовозова в своих

воспоминаниях тонко подметила, что «пока краска свежа, шведские домики резко бросаются в глаза, но, когда они выцветут от дождя, солнца и сырости, они получают рыжеватый или темно-коричневый оттенок... Многие шведские дома кокетливо выглядывают с вершины горы, а если они стоят подле голубого озера, то необыкновенно оживляют ландшафт. Даже там, где нет поблизости озера и местность довольно однообразная, эти красные дома, точно цветы мака среди серых скал и темной зелени леса, придают ландшафту своеобразный характер» [56, С.138 -139].

В домах, жилом помещении была сосредоточена хозяйственная жизнь, здесь проводили часы досуга [160, С.77]. Семья обычно собиралась в гостиной, которую старались устроить как можно лучше, в то время как обычные жилые комнаты были обставлены просто. «Внутри дома чистота, опрятно, хорошая постель со множеством перин и подушек, простая, но удобная мебель, по стенам картины, на столе лежит непременно Библия, нередко газета и различные книги по хозяйству», – описывала крестьянский хозяйский быт Е. Н. Водовозова в XIX в. [56, С.133].

За организацию домашнего пространства отвечала женщина-крестьянка. Ее старанием, трудолюбием и умением в доме царил чистота, создавался уют и тепло. Е.Н. Водовозова писала: «В каждом доме и вокруг него необыкновенная чистота... Хозяин и хозяйка спят на высокой кровати за занавесками. Над постелью висит толстая веревка, за которую при вставании хватаются лежащие. Неизбежное украшение комнат – громко бьющие часы и полка с книгами...» [56, С. 140].

По мнению Т.А. Чесноковой, понятие дома, именно дома как жилища, с конкретными, зримыми предметами крестьянского быта, нашло свое отражение в шведских пословицах и поговорках. Причем, в отличие от русских пословиц, в которых большое значение уделяется Родине, родной стороне, земле в оппозиции на чужбине – «Своя земля и в горести мила», «На родной стороне и камешек знаком», «Своя сторонushка и собаке мила» и др. в шведских

пословицах «Дом» фигурирует в связи с ролью хозяина, с гостеприимством:
 Hemma är korna större än oxarna – Дома и коровы больше быков
 Bäst bo under sitt eget tak - Лучше всего жить под своей крышей;
 Vår rök är bättre än grannens eld - Наш дым лучше соседского огня [276, С. 112 -113].

Пословицы – это энциклопедия народных мыслей, чувств и переживаний, это непосредственная эмоциональная и умственная реакция народа на определенные жизненные события и факты. Употребленные в живой разговорной речи, пословицы выполняют важные функции: они выражают народные заключения по поводу конкретных явлений. Суждение, высказанное пословицей, – закон, к которому должны прислушиваться все [134, С.8,16]. Пословицы и поговорки народа отражают обычаи, привычки, связанные с бытовой жизнью, и особенностями питания.

Как показал анализ литературы [31, С.53; 56, С.141;129, С.11; 391, С.82-83], шведские крестьяне ели очень хорошо, много и сытно: молоко, сыр, масло, говядину или баранину, в основном соленую. В обед подавали мясное: ветчину, колбасы, солонину или рыбу. Режим питания менее зажиточных крестьян был не таким разнообразным: рыба, простокваша, овощи, картофель.

Крестьяне ели ржаной кислый или кисло-сладкий хлеб в виде больших караваев круглой или овальной формы. На севере хлеб пекли плоскими тонкими лепешками из ячменной муки и называли «тонким» (tunnbröd), потому что климат местности не позволял выращивать другие сорта зерновых, а тесто из ячменной муки нельзя было замешать на дрожжах. К югу от этого края расположена область, в которой популярен классический вариант шведского «хрустящего» хлеба (knäckebröd). Зерно там мололи только весной и осенью, когда было достаточно воды в мельничных ручьях. Мука не могла храниться в течение полугода, и поэтому из нее нужно было сразу испечь хлеб, который долго бы не изменял своих вкусовых качеств. Тонкие высушенные пластинки «хрустящего» хлеба как нельзя лучше отвечали этим требованиям [263, С.12]. Часто крестьяне просто закусывали бутербродами. Кулинарный стол с

закусками и напитками под названием smörgåsbord (от шведск. smörg–масло, bord – стол – «бутербродный стол»), по мнению Н. Вуколова, Ю.А. Ефимовой сегодня без преувеличения завоевал планету. Не случайно, «шведский стол» возник в Швеции. Он, по мнению Н. Вуколова, тесно связан с общей культурой поведения жителей этой страны, включая культуру приема пищи [60, С.34; 87, С.5]. Одной из характерных черт шведского крестьянского быта было неукоснительное соблюдение строгого порядка во всем: в чередовании труда и отдыха, в ритуале приема пищи. Порядок приема пищи представлял часть хорошо отлаженного ритма рабочего дня, при котором было недопустимым схватить краюшку хлеба, когда заблагорассудится. Слова благодарственной молитвы за то, что Бог послал хлеб, пищу, за судьбу, произносившиеся в начале и конце еды изо дня в день, закреплялись и становились нравственной нормой.

Ю. Фрукман и У. Лёфгрэн полагают, что приступы голода утолялись хлебом и картошкой, так как эти основные продукты питания имелись в крестьянском хозяйстве в достаточном количестве, в то же время каждый член семьи получал тщательно отмеренное количество «засоленных, пикантных явств» [322, С.70]. Простые и знакомые вещи за обеденным столом диктовали субординацию: никто не прикасался к пище прежде, чем старший подаст к этому знак, лучшие куски предназначались главе семьи и старшим сыновьям, а также самым младшим в семье, остальные без зависти и протестов должны были довольствоваться тем, что подано [322, С.70]. Нельзя было оставлять ничего на тарелке, даже если еда не нравилась. Родители вспоминали голодные военные годы или время неурожаев, когда люди радовались любому куску хлеба и учили бережно относиться ко всему, что послано свыше. Ели всегда в полной тишине. В шведском языке, как и в русском, существовали пословицы типа «Покуда ем, так глух и нем» - «Maten tyglar mun», «Maten tystar mun» [301, С.17-18].

По мнению Ю. Фрукмана и У. Лёфгрена, при воспитании детей и обучении их хорошим манерам за столом в крестьянских семьях внимание в первую очередь обращалось не на регламент приема пищи, а скорее на

моральное отношение к Божьим «дарам». Зажиточные крестьяне, обвиняя бедняков в плохом ведении хозяйства, учили детей, что голод и нужда поражали тех, кто неразумно распорядился Божьими «дарамии» и не хотел добросовестно работать [322, С.79].

«Ребенок входит в социум и усваивает свойственную ему культуру путем получения необходимого для этого массива знаний, норм, ценностей, образцов и навыков поведения. На выходе процессов социализации и инкультурации как локальное сообщество, так и общество в целом получает человека, адаптированного к существующим в них условиям жизни» [30, С.42]. В связи с этим целесообразно рассмотреть *ценностные традиции женского воспитания* в контексте шведских национальных особенностей семейного быта, семейных обычаев и обрядов XIX века.

Одной из ведущих ценностных традиций воспитания в Швеции в XIX в. являлась идея о ценности семьи. Семья считалась основой жизни, в ней усваивались и передавались из поколения в поколение ценностные традиции. В XIX в. в Швеции семейное воспитание основывалось на важнейших принципах, присущих большинству шведских семей: ее самобытности, прочности, родственной любви, общности духовных интересов. Семья выступала хранительницей общечеловеческих, культурных и нравственных ценностей, а семейное воспитание было направлено на формирование характера человека. К. Д. Ушинский был первым, кто высказал мысль о том, что у каждого народа есть своя идея воспитания. Великий русский педагог так высказывал свою мысль: «В основании *особенной идеи воспитания* у каждого народа лежит, конечно, *особенная идея о человеке*, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития. Каждый человек имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Идеал этот у каждого народа соответствует его характеру, определяется его общественной жизнью, развивается вместе с его развитием...» [253, С. 228]. Подобную идею высказывал П.Ф. Каптерев, рассуждая о личном и народном идеале. Он

утверждал, что у каждого народа бывают свои идеалы, сознаваемые с большей или меньшей ясностью. Народные идеалы о правде и кривде, о хитрости и уме, о мужестве, дружбе, самопожертвовании и о других человеческих идеальных свойствах берутся не с ветра, а возникают и развиваются из народной истории, народного языка и религии, народного быта, народного общественно-политического устройства, т.е. из таких глубоких основ народной жизни, которые неизбежно составляют элементы сознания и развития как целого народа, так и каждой личности, принадлежащей к данному народу [111, С. 180-181].

Показательно в этом отношении, что русские авторы в разное время – иногда с разрывом почти в полтора столетия – выделяют схожие черты (в прошлом и настоящем) национального характера шведов и их быта. Причем речь идет не об отдельных людях или слоях населения, а о характере, традициях, социальной психологии народа, как указывает О.В. Чернышова. Это, по мнению автора, уважение к закону, безупречная честность, аккуратность, добросовестность в любом деле. Русские отмечали практичность шведов, уважение традиций, чувство справедливости, внутреннее достоинство и благородство, склонность к техническим усовершенствованиям, облегчающим труд, любовь к природе и своей стране. Среди общих черт характера – сдержанность чувств, любовь к домашнему уюту. В общественной жизни – демократизм, социальная активность, взаимоуважение и терпимость, в том числе и к людям другой национальности, религии, высокая степень равноправия женщин в семье обществе [274, С.166]. На воспитание этих качеств мы хотели бы обратить особое внимание.

В семье с раннего возраста дети подчинялись авторитету отца. Авторитет отца был непререкаемым, что определялось канонами религиозной протестантской этики как хозяина, кормильца и главы семьи. «Глава дома председательствует на святках за общим столом, и ему как представителю кровной связи между всеми членами родни, рабочих, общины оказываются должные знаки почтения» [165, С. 638].

Как показывают исследования К. Стадина «Сословия и гендер в Великодержавной Швеции», серьезность, суровость, строгость связывались у детей с образом отца как характерными мужскими качествами, однако такие свойства характера никогда не упоминаются в источниках относительно идеала хорошей, доброй матери. Если, по мнению К. Стадина, родительская любовь объединяла такие понятия, как забота, попечение и присмотр, то выражение «материнское сердце» употреблялось только при описании «ласки и беспредельной любви матери» [411, С.78]. Таким образом, семья в Швеции держалась властью не только одного отца, известная доля родительской власти и родительских прав принадлежала также и матери. Если педагогическая роль отца заключалась в его авторитете, который представлялся как фактор моральный (защищал, требовал) и материальный (содержал семью), то родительская власть матери сводилась к ее нравственному авторитету как родительницы и воспитательницы, т.е. заключалась в праве требовать от детей послушания и уважения. Власть матери и отца над детьми была безграничной, а их авторитет беспрекословным. Без родительского благословения не принималось ни одного важного решения. Положение матери в воспитании подрастающего поколения, ее первенствующая роль была исключительной, поэтому идея о ценности женщины, предназначении в формировании нравственности семьи и общества являлась одной из ценностных традиций в Швеции XIX в.

Роль женщины в ритуализации была очень велика: она являлась основной хранительницей народных традиций, что подтверждается исследованиями Бритт Лильевалль «Автобиографические воспоминания: изучения мемуаров народной жизни». Этот труд появился при поддержке аграрного университета сельскохозяйственных наук в г. Уппсала. К участию в проекте были привлечены более 1800 человек, которые родились до 1900 года и провели всю свою жизни на селе. Автор проанализировал и обобщил воспоминания относительно жизненных установок и ценностей респондентов, обращая внимание, на отношения между мужчиной и женщиной, воспитание и обучение

подрастающего поколения, а также на кардинальные изменения по модернизации деревни, происходившие в индустриальной и современной Швеции. Описание женщины как посредника знаний доминирует в автобиографических воспоминаниях. Б. Лильевалль выделяет мать как главное лицо, ответственное за обучение детей в семье. Она утверждает, что навыки чтения формировались в семье и прививались не родителями, а именно матерью. По мнению автора, отсюда следует, что крестьянская женщина в XIX веке была не менее грамотна, чем мужчина, что подтверждается количественными данными опросов.

Идея о ценности знаний была одной из основополагающих образовательных традиций в Швеции. В.О. Чернышова отмечает, на рубеже XIX-XX вв. шведское население было грамотным почти поголовно 98% [274, С.141].

Грамотность, согласно Большому энциклопедическому словарю, представляя определенную степень владения навыками чтения, письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка, является одним из базовых показателей социально-культурного развития народа [33].

Первые исследования о распространении грамотности среди шведов, проведенные в университете Умео в 1970х годах связаны с именем Е. Юханссона. Он проанализировал количественные данные перечней проверки священником знаний основ христианства, так называемые *folkmängder* и показал, что грамотность крестьянского населения в сравнении с международным уровнем сложилась рано, была высокой и всеобщей [346, С.90]. В одном из официальных отчетов 1833 года Карл фон Форсел утверждал: «В большинстве иностранных работ по географии и статистике, например Штейна, Хассела, Крома и др., высказывается мнение о том, что представители низших классов в Швеции не умеют писать и читать. Что касается первого высказывания, это полная неправда, так как невозможно найти хотя бы одного крестьянина из тысячи, который не умел бы читать» [346, С.2-3]. Причиной всеобщей грамотности является, по мнению Карла фон Форселла, директива (от

1686г.) короля Карла XI (1655-1697), отказывающая в прохождении конфирмации молодежи, плохо знающей библейское слово, и, как следствие этого, запрет на приобщение Святых Таинств и венчание в церкви. Чтобы пройти обряд конфирмации, каждый должен был доказать, что владеет не только умением читать, но и способен писать и считать. «Можно засвидетельствовать, – продолжает Форселл, что даже наибеднейшие ремесленники и крестьяне дома обязательно имеют Библию, книгу Псалмов и другую необходимую духовную литературу. Английский Лорд Канцлер, Броугхам, выступая в Парламенте 1 мая 1816 года, сказал, что в предыдущие шесть лет среди пар, обвенчанных в Манчестере, ни один из венчавшихся не умел писать или читать» [346, С. 2-3; также 370, С. 40].

Умение шведов читать не представляло собой конечную цель. Е. Юханссон указывает, что все в шведской традиции было сконцентрировано на понимании, сравнении и применении идей, выраженных словом, на практике и в повседневной жизни. Умение читать не было самоцелью, скорее это был вопрос изучения окружающей среды и общества [346, С.77]. Псалмы, Катехизис читались шведскими крестьянами в кругу семьи. Е. Водовозова в этнографическом эссе «Как люди на белом свете живут», описывая образ жизни шведов, сообщала, что у крестьян в Швеции «сильно развита любовь к чтению: чуть поселок побольше, в нем уже найдешь книжный магазин или библиотеку, а иногда и то и другое. Очень многие крестьяне выписывают ту или другую газету, а читают почти все. Большинство богатых крестьян имеет собственную библиотеку, состоящую из произведений писателей своей родины. Зимой, в праздничные дни, после окончания церковной службы или обеда они сидят за чтением книг и газет: очень часто кто-нибудь из членов семьи читает вслух, а остальные слушают» [56, С.147].

Т. Богданович утверждает, что первая шведская газета вышла в 1645 году. Она называлась «Почтовые и внутренние известия». В 1898 году выходил 391 журнал и 323 газеты. Газеты в Швеции пользовались особой популярностью, т.к. отличались «большой дешевизной». «Теперь нельзя найти

никакой самой глухой деревушки, где бы не получалась газета», – продолжает автор [31, С. 95-96]. По словам литературного критика И. Новицкой, дешевые издания газет и книг, стоимостью в 1-2 шиллинга (шиллинг до введения ёре был в Швеции самой мелкой медной монетой, равноценной русской копейке) появились в XVI веке, а народные книги, или народная литература как часть массовой литературы шведского народа возникла в XVII в. Такая литература занимала промежуточное положение между устным народным творчеством и книжной литературой. Дешевые или лубочные издания отличались большим разнообразием. В основном это были религиозные издания – Псалтырь, Катехизис, церковные проповеди, а также дешевые учебные пособия для народных школ. Особой популярностью, отмечает И. Новицкая, пользовались лубки с изображением зверей и птиц, в том числе и мифических существ, как, например, единорог. Лубочные книги носили эстетическо-познавательный и развлекательный характер. Развлекательный характер, занимательный сюжет с минимумом описаний и минимумом действия, известные герои, определяемые самим действием книги, способствовали распространению такого рода литературы как любимому чтению не только среди взрослых, но и детей [172, С. 3,8, 55].

Распространение литературы и тяга к чтению стимулировалась, по мнению доцента кафедры сравнительного литературоведения Стокгольмского университета Вестин Буэль, введением всеобщего шестилетнего образования в 1842 году и, как следствие, выходом в свет первой хрестоматии для чтения в 1868 году, расширением воскресных школ и зарождением религиозных движений. Как указывает Вестин Буэль в обзорной брошюре, посвященной детской книге «литература для детей всегда отличалась своей педагогической и воспитательной направленностью» [54, С.5]. Во второй половине XIX века основной задачей детской книги считалось привитие детям высоких нравственных правил, хороших манер и религиозности. После того как знаменитая писательница, педагог, оратор, Эллен Кей (1849-1926) издала свою знаменитую программу с названием «Век ребенка», в которой указала на

значение эстетической стороны воспитания, в оценке детских книг начали приниматься прежде всего их художественные и литературные достоинства. В этом процессе особую роль сыграли школьные учителя. Школа взяла на себя важную функцию распространителя литературы. Выпускались также рождественские альманахи журналы [54, С.15], в которых печатали серию специальных рассказов для детей, таких как события шведской истории, географические открытия, описание мира птиц и животных.

Другими словами, во второй половине XIX века происходило увеличение выпуска специальной детской литературы, которая была доступна всем слоям населения. Шведский литературный язык быстро развивался и усовершенствовался в соответствии с его различными задачами, а «литература приобрела такое значение для народа, какого никогда ранее не имела», – считал шведский лингвист Э. Вессен [54, С.126]. Распространение грамотности среди крестьянского населения стало одним из факторов, способствовавших высокой образованности, развитию национальной культуры.

Я.А. Коменский был уверен в том, что «народ, в котором много хороших школ и учреждений для молодежи, хороших книг и добрых традиций воспитания молодежи» является счастливым народом [119, С. 186].

По мнению О.В. Чернышовой, многие русские наблюдатели, как путешественники, так и лица, жившие в Швеции в XIX-XX вв., рассматривали положительные черты шведского характера как результат всеобщей грамотности [272, С.141]. Л.Л. Толстой, выражая восхищение шведской культурой, писал, что «одним из главных орудий поднятия нравственности народной служит образование» [247, С.65]. Шведское народное образование, по его мнению, началось с введения в Швеции лютеранства, которое требовало разумного и свободного понимания Библии. С XVII века государство, в целях, главным образом религиозных, взялось за просвещение и обучение народа [247, С. 65]. В понимании Л.Л. Толстого «просвещать» означало «сделать человека светлее, лучше, честнее, нравственнее, добрее» [247, С.124 – 125].

В Швеции особую роль в формировании человека, его образовании играли нравственные качества личности. Наряду с нравственно-воспитательными идеями о ценности труда, честности, уважения и любви к родителям и старшим, рассмотренным нами в главе 2.1, мы хотим обратить внимание на ряд не менее ценных нравственных характеристик шведского крестьянства, таких как любовь к Родине и природе, верность традициям (о том, что «шведы умеют дорожить истоической памятью своего народа», писал Я.К.Грот, [73,С. 546]), чувство собственного достоинства, уважение друг к другу, гостеприимство и щедрость.

Еще в одиннадцатом веке немецкий монах Адам Бременский в книге о скандинавах писал: «Особо следует отметить гостеприимство шведов. Ибо для них отказать страннику в приеме – самый большой позор, они даже соревнуются между собой в том, кто более достоин принять у себя гостей...». Девять веков прошло с той поры, как написаны эти строки, но, несмотря на это, шведы, как и во времена Адама Бременского, «словно соревнуются в гостеприимстве», - такое мнение сложилась у Геннадия Фиша о характере шведов [257, С. 247].

В Швеции традиционно с детства воспитывали гостеприимство и щедрость по отношению к совершенно чужим людям. Ф. Булгарин, путешествуя летом 1838 года по Швеции, отмечал: «инострнца особенно поражает необыкновенная вежливость и услужливость во всех сословиях, даже между простым народом. Это какая-то сердечная вежливость, услужливость благородная, которая невольно возбуждает благородность за милейшую услугу. Все путешественники согласны на счет Шведской (выделено – Ф. Булгарин) честности, добродушия и гостеприимства...» Он также не смог не высказать восхищения по поводу шведского гостеприимства после того, как его пригласил «откушать с ним хлеба-соли и выпить по рюмке вина» хозяин одного двора: «Нельзя было отказать, особенно когда стали наливать прелестные спутницы. На счет гостеприимства и угощения Шведы, точно Русские! Последняя копейка ребром, и что в печи, все на стол мечи!» [41, С. 82–83]. В.А.

Абаза вспоминал: «Гостеприимство и хлебосольство развиты между всеми классами шведской нации» [1, С.327]. Интересный пример относительно шведского гостеприимства и честности приводит в своей работе Т. Богданович: «По отношению к путешественникам там (в Швеции) население чрезвычайно внимательно. Во многих местах на Крайнем Севере можно встретить на дороге небольшие бревенчатые хижины, с запасом дров в очаге, где путешественник может развести огонь и переночевать. Путник смело может оставить там свои мелкие вещи, на обратном пути он найдет все на том же месте, где положил, ни один прохожий никогда не прикоснется к ним. Американский путешественник дю-Шалью потерял раз на лугу одну ценную вещицу. На следующий год она была возвращена ему в Америке через шведское посольство; оказалось, что она была найдена во время покоса и передавалась из рук в руки, пока не дошла до своего хозяина таким круглым путем» [31, С.47-48]. «Шведы, живущие в сельской местности, ничего не запирают и даже, уезжая далеко, оставляют дом не запертым, на случай приезда знакомых или даже посторонних путешественников, что свидетельствует об их широком гостеприимстве», - писала Е.Я. Кулакова-Грот [129, С.10].

Наряду с гостеприимством у шведов ценилась такая нравственная черта, как бескорыстная помощь ближнему. Вплоть до начала XIX века в Швеции традиционно сохранялись общинные отношения, существовавшие более тысячелетия и представлявшие тесное сотрудничество крестьянских хозяйств, в которых традиция взаимопомощи определяла многие стороны общественного быта и духовной культуры. С древних времен шведский крестьянин жил в сельской общине согласно традиционным обычаям и укладу. Навыки работы, религиозные представления, народные поверья переходили от одного поколения к другому. Условия крестьянских общин породили свою собственную мораль, опирающуюся на принципы коллективной взаимопомощи, ориентированной, прежде всего, на целесообразное выполнение производственных функций. Собрать урожай, обработать поле – задачи, которые невозможно было выполнить одним двором. Взаимопомощь

проявлялась при пожарах и при необходимости возведения нового дома, при потере трудоспособности и внезапной болезни – человек всегда мог обратиться к соседям в беде. С другой стороны, народные гулянья – Вальпургиеву ночь, ночь Ивана Купалы, праздник урожая в Михайлов день, Рождество, Масленицу и Пасху – праздновали также сообща. Община была единым целым, а сходка – ее правящим органом. Предписания общинного уклада были законом. Правила, устанавливаемые общиной, решали не только хозяйственные проблемы, но регулировали нравственные вопросы: общинные собрания имели право призывать к порядку и объявлять выговор за «ругательства и проклятия, буйство и драку, за громкую брань, крики, пьянство и т.д.» [51, С.4-5;162, С.21, 53-54].

Общинный уклад и коллективные традиции сохранялись в Швеции долго. Это способствовало «широкому участию народа в управлении своими общественными делами» [31, С.38], а также развитию институтов самоуправления, ставшего краеугольным камнем демократического устройства общества.

П.Ф. Каптерев определял общественные интересы как истинно жизненные и глубоко важные для людей интересы и связи [111, С.95]. Отечественный педагог определял подготовку ребенка к жизни в социуме как одну из важнейших проблем воспитания. Он отмечал, что «без живого интереса семьи к общественным вопросам семье трудно воспитать деятельного гражданина» [111, С.100]. Родители должны обращать внимание на социальное воспитание ребенка с самого его рождения, причем «общественно-нравственное развитие» является одной из приоритетных задач [111, С.163]. Общественные интересы взрослых, любовь к труду, доброе отношение к людям – залог того, что ребенок уже в раннем возрасте начнет приобщаться к идеалам, принципам общества и следовать нормам поведения, правилам взаимоотношений, которые он усваивает от взрослых. Когда ребенка постепенно приобщают к существующим традициям и создают условия для

соучастия, сопереживания в них, то воспитательная сила традиций значительно возрастает [111, С.196-197].

Демократические традиции скандинавов общеизвестны, они характерны для отношений в семье, школе, коллективе, в обществе в целом [219, С.465]. Уважение к ценности личности другого, чувство собственного достоинства, уважение друг друга, по мнению К. Иванова, А. Смирнова, сложились в результате многовековых традиций народа. В современном мире, указывают авторы, исторически высокое самоощущение шведов находит отражение в так называемом интегритете, праве каждого человека на неприкосновенность его внешнего и внутреннего мира. Неудивительно поэтому, что сто лет назад Л.Л. Толстой отмечал «внутреннюю и внешнюю порядочность, свойственную шведу, даже мужику» – «полному достоинства и спокойствия» [247, С.76-77]. По мнению А.Г. Мысливченко, национальное сознание шведского народа пронизано уважением к принципу личной автономии человека и таким вытекающим из него свойствам, как сдержанность в беседах, уважение к чужим взглядам, нежелание вторгаться в частную жизнь [162, С. 53].

Такие особенности национального самосознания привели к тому, что у шведского народа сложился определенный *набор этикетных правил*, т.е. определенных правил поведения, которые человек должен был соблюдать и которыми в идеале должен обладать истинный швед. На основе анализа литературы по теме диссертационного исследования [285, С.223; 292, С. 59-60; 297, С. 23-44; 301, С.16; 391, С.52] можно выделить следующие основные правила: 1. В общении требовалось тщательно подбирать нужные слова, чтобы ненароком не обидеть человека. Этикет предписывал щадить самолюбие другого человека, не создавать собеседнику неудобств, избегать бестактных разговоров.

2. Хорошим тоном считалось приветствие соседей, а также незнакомых людей. Мужчины обычно снимали головной убор, а женщины делали «книксен» - слегка приседали. Для некоторых русских путешественников «книксены

прелестных шведок» – «кивок с подгибанием коленок» – представлялись «чрезвычайно комичными, даже смехотворными» [285, С.223].

3. Следовало соблюдать правила вежливости. Для соседа или незнакомого посетителя неприлично было пройти в дом без приглашения хозяина. Он должен был стоять в дверях до тех пор, пока хозяин или хозяйка не предложат сесть. Затем поблагодарить за приглашение, выпить чашку кофе.

4. Случись незнакомцу зайти в дом во время обеда, ему следовало поприветствовать хозяев. Для этой цели существовали специальные фразы «Благослови Бог еду и людей за столом», «Приятного аппетита», «Удачи в работе и приготовлении вкусной еды» и др. При организации деревенских праздников каждый должен был внести свой вклад, т.е. принести угощение, поблагодарить за компанию, пожать руку.

5. Особое внимание и уважение дети должны были оказывать всем взрослым, близким родственникам и незнакомым пожилым людям. Ко всем людям следовало обращаться на ВЫ. Когда взрослые заходили в дом, детям не разрешалось шуметь или вмешиваться в разговор взрослых. Им следовало, по выражению Хелены Брембек, быть «невидимыми», тихими и спокойными. Только когда взрослые обращались с вопросом, дети должны были отвечать учтиво и почтительно [301].

Таким образом, основными условиями поддержания этикета в шведской семье и общине был принцип половозрастной дифференциации при выборе форм и средств общения и высокий авторитет традиций, обычаев и обрядов.

В данном параграфе мы хотим отметить, что безусловной воспитательной ценностью в шведских педагогических традициях была идея о ценности природы. Анализ как отечественных [56, С.133-134; 100, С.144-151; 115, С. 397-410; 162, С.56; 275, С.128], так и шведских [24, С.31-32; 64, С.30-31; 310, С.232; 333, С.5-18; 412, С.34-35] научных работ по теме диссертационного исследования показал, что важным источником воспитательных ценностей для шведов являлась Природа. Как указывают в своей работе К. Иванов и А. Смирнов, бережное отношение шведов к природе стало «притчей во языцех»

[100, С.144]. По мнению самих шведов, их общество и шведский образ мысли совершенно невозможно было бы представить, не затронув отношения шведов к природе. Шведы – самые большие в мире любители природы. Г. Герлиц утверждает, что, с одной стороны шведов можно назвать «романтиками природы». [64, С.42]. С другой стороны, на отношение шведов к природе распространяется пристрастие к точным знаниям: «А что это за птица сейчас пела?» «Это нивяник или это особый сорт ромашки?». Разнообразие видов флоры и фауны завораживает душу шведа [64, С.42].

Так называемое *allemansrätt*, которое переводится на русский язык как «общее право на равный доступ к природе», было зафиксировано еще в средневековых законах. Это право гарантирует всем и каждому свободу передвижения по полям, лугам и лесам, горам и долинам вне зависимости от того, находятся они в чьей-либо собственности или нет. В соответствии с этим правом шведы могут где угодно собирать грибы, ягоды, цветы, плескаться во всех без исключения водоемах. Главное – это сохранять везде порядок и чистоту [100, С.144-145; 333].

По мнению А.Г. Мысливченко, тот факт, что ботаник Карл Линней (1707-1778) появился именно в Швеции, не был случайностью. Это отразило одну из национальных черт шведского народа – любовь к природе. Шведский писатель Г. Сундберг отмечал, что любовь к природе глубоко укоренилась в шведском народе. Стараниями Линнея она стала предметом сильного поклонения... Линней на столетия определил направление интересов шведского народа. Но сама по себе эта жажда природы еще древнее, она испокон века присуща характеру шведского народа. До Линнея это чувство было проще, наивнее, но едва ли менее сильно [162, С.56].

В связи с этим важно отметить, что известный американский этнолог Маргарет Мид определяла национальный характер как особый способ распределения и регулирования внутри культуры ценностей или моделей поведения, детерминированных принятыми в ней способами детского воспитания [276, С.3].

Как указывают Ю. Фрукман и У. Лёфгрэн, знакомство детей с природой в шведском крестьянском обществе, было связано с приобщением ребенка к красоте природы уже в раннем возрасте.

В XIX веке крестьянская семья характеризовалась единством производства и потребления. Натуральное хозяйство поддерживалось многопромысловыми занятиями крестьян, которые вынуждены были обеспечивать себя всем необходимым, так как средств от обработки земли не всегда было достаточно. Для того чтобы справляться с производственным ландшафтом, следовало иметь обширные знания. Крестьянин должен был владеть приобретенными навыками толкования, классификации и переработки экосистемы, которую предлагала существующая в его районе окружающая среда. Авторы подчёркивают, что крестьянин не просто ходил в лес, он различал «näverskog, fågelskog, älgskog, eller timmerskog» – т.е. «берестяной лес, лес, где водилась птица, лось, или лес, где можно было раздобыть бревна» [324, С. 46-47]. Как указывает У. Лёфгрэн, для того чтобы «кормиться дарами леса», нужно было уметь осуществить отбор, «видеть и читать» ландшафт. Многообразие и богатство «даров природы» отражалось в шведском языке. Не случайно, по мнению авторов, крестьянин с западного побережья Швеции в 1880-х годах мог назвать 75 разных видов почвы, рыбак из Финляндии в тот же временной отрезок знал более 25 терминов, обозначающих виды сельди, а саамы из Йокмокка умели различать 40 вариантов слова «снег» [324, С. 46-47].

Для того чтобы приобрести необходимые знания, требовалось достаточно долгое время и активное участие взрослого в социализации ребенка. Подрастающее поколение с желанием знакомилось с опытом родителей, и научалось с помощью малых технических средств справляться с природой. Способность распознавать, толковать, овладевать и трансформировать ландшафт постепенно расширялась, причем ценность экологической традиции состояла в том, что научение не носило характер формального обучения, запоминание происходило в процессе совместной деятельности родителей и детей. Поэтому дети проводили много времени вместе со взрослыми в лесу,

собирая ягоды и грибы, подыскивая место для выпаса коз и коров, искали хворост для растопки. Для того чтобы облегчить, ускорить запоминание «знаков о природе», крестьяне придумывали стихи, считалки или песенки. Например, существовали рифмованные строки насчет того, какие листья пригодны для того, чтобы соорудить подстилку для скота. Рифма из области Смоланд гласила: «Bryt björkelöv, bryt rönnelöv, men inte lönnelöv. Det är brett för öga men tunt för hand» – «Отломи ветку березы, отломи ветку рябины, но оставь ветку клена..» или «Sälge löv göder mig, aspe löv föder mig, rönnelöv svälter mig ardelöv välter mig» - «Вербный листок удобряет, осиновый лист кормит, рябиновый лист заморит голодом и т.д.» [324, С.50]. Как указывает Ю. Фрукман и У. Лёфгрэн, педагогическая функция небольших стихов заключалась в том, что они выполняли роль «полезной шпаргалки» для запоминания нужных правил относительно законов природы [324, С.50]. В крестьянском обществе дети учились не только правильно пользоваться «дарами природы», они осознавали, что это право влекло за собой обязательства: не сорить, не разрушать, не ломать – этот закон существовал в Швеции испокон веков. Природа давала чувство свободы, учила ценить красоту окружающего мира и жить в гармонии с ним.

Проведенный нами анализ уклада жизни шведской крестьянской семьи XIX века как воспитательной среды позволил выделить ряд своеобразных особенностей, которые заключались в следующем:

1. Ценностные воспитательные традиции Швеции складывались и сохранялись в семье, поддерживались коллективным общественным мнением. Ведущим условием воспитания нравственности являлась особая атмосфера в семье, которая складывалась в результате взаимоотношений между мужем и женой, родителями и детьми. Между родителями и детьми господствовал дух святости патриархальных отношений. Почтение к родителям определялось религиозной протестантской этикой и считалось залогом здоровой, долгой и счастливой жизни.

2. Семья в Швеции XIX века представляла собой единство производства и потребления. Для поддержания натурального хозяйства требовались обширные практические знания, которые передавались из поколения в поколение в семье в процессе совместной деятельности родителей и детей. Национальный быт шведской крестьянской семьи характеризовался простотой, практичностью и бережливостью. Суровая природа, тяжелый труд на сельскохозяйственных и рыболовных промыслах обусловили задачу воспитания, прежде всего, выносливого и здорового человека.

3. Брак рассматривался крестьянами как экономически выгодное сотрудничество мужчины и женщины. Позднее вступление в брак, характерное для Швеции, типичное для «западной модели брачности», предполагало определенный уровень благосостояния, способствовавшего экономической независимости от родителей, укреплению и сохранению малой семьи. Брак предусматривал не только личные, но и юридически зафиксированные имущественные отношения. Мужчина являлся распорядителем имущества и организатором хозяйственной деятельности. Жена и дети в имущественном отношении находились в подчиненном положении к мужу, что не отражалось на авторитете матери как родительницы и воспитательницы в семье.

4. Культурным фактором, который в рассматриваемый период имел наибольшее значение для формирования ценностных ориентаций детей и молодежи в обществе, являлся высокий уровень грамотности населения. Распространение грамотности имело давнюю историю, восходящую к XVII веку, когда под влиянием церкви распространение грамотности стало носить всеобщий характер и приобрело большую устойчивость, передаваясь из поколения в поколение внутри семьи. Главная роль в ритуализации традиций принадлежала именно женщине. Мать отвечала за развитие познавательных способностей ребенка, передачу и восприятие навыков чтения и письма, прививала любовь к чтению с раннего возраста.

5. Уклад жизни семьи и поведение ее членов представляли ценностную воспитательную среду как необходимое условие для нравственного бытия

человека, преемственности поколений и построения общества. Высшей ценностью, отраженной в Малом Катехизисе Лютера, считалась вера в Бога, которая являлась источником нравственных качеств человека и определяла воспитание поведения в быту: за столом, на промыслах, в помощи родным и незнакомым людям, а также в освоении природы.

6. Во внутреннем укладе жизни шведской крестьянской семьи происходило формирование стереотипов сознания и поведения, существовавших в форме идеалов, моделей совершенства, или нормы, к которой следовало стремиться. Достижению этой цели способствовали воспитательные традиции семьи, основополагающими идеями которых являлись идеи о ценности знаний, труда, семьи и уважении к женщине, нравственные ценности (любовь и уважение к родителям, почитание старших, честность, порядочность, гостеприимство и щедрость, помощь ближнему), идея о бережном отношении к природе.

2.3. Характеристика ценностных традиций женского воспитания в общественном и семейном положении крестьянской женщины

Целью данного параграфа является характеристика общественного и семейного положения крестьянской женщины в Швеции XIX в. Семья в аграрном обществе Швеции XIX в. являлась той сферой, где женщина играла свои главные социальные роли, которые, как показывают исследования шведских и русских ученых, были значительны и многообразны. В данном параграфе положение женщины рассматривается в системе традиционного хозяйственно-бытового уклада, особое внимание обращается на взаимоотношения обоих полов как духовного единства, определяемого концепцией христианского взгляда, их эмоциональной близости и партнерства в рамках брачного союза, и определяется главное предназначение шведской крестьянской женщины – материнство.

В числе работ, посвященных теме общественного и семейного положения крестьянской женщины в Швеции XIX в. наибольший интерес для нашего исследования представляют труды Г. Бьерён, Д. Гаунта, В. А. Жуковского, Г.

Карлседт, Л. Левандер, Б. Лилльевалль, К. Нисканен, У. Лёфгрена, И. Лёвкруны, Б. Лосман, А. Лютткенс, О. Магнуса, И. Нурдстрёма, Т.А. Салычевой, К.-Х. Тилльхагена, А.-С. Уландер, К. Стадина, У.-Б. Стрёмберга, А. Стриннгольма, Дж. Фредлунда, Б. Ханссена, Л. В. Черной, М. Т. Шёберг, Л. Юханссон, П. Юханнессон и др.

Как показали исследования учёных (А. Стриннгольма, Л.В. Чёрной), женщина наполняла собой жизнь Севера: она занимала главное место в его сагах, она присутствовала на пирах, народных собраниях, при всяких торжествах. Ради красоты скандинавских женщин мужчины готовы были совершать подвиги и приносить жертвы. Похвала и любовь красавицы были сильным побуждением к подвигам. Ее благосклонность как награда храбрости составляла главную черту северных богатырских песен [236, С. 550 -551; 271].

В скандинавском обществе ценились не только физическая красота женщины, но и ее ум, гордость, иногда даже заносчивость, решительность, практическая сметка и умения. Все эти качества были социально значимы в шведском обществе с древности.

По мнению Л.В. Чёрной, ни в одной эпической традиции, кроме скандинавской, нет такого количества героинь, которые действовали бы по собственной воле, выстраивая свою собственную судьбу. Это эддические образы Брюнхильд, Гудрун, Сигню, Свава, Сигрун, Сигрива, Гримхильд и др. Жены, матери, дочери, сёстры оказывали большое влияние на судьбу страны.

Честные правила и красота женщины имели для северных жителей двойную ценность, если соединялись со здравым умом, чувством собственного достоинства и твердым духом. Верили, что эти качества переходили от нее к детям. Скандинавы-мужчины говорили: «Я выбрал для своих сыновей такую мать, которая передала им бесстрашное сердце» [236, С.550 -551]. Матери в поэтических образах играли большую роль в воспитании мальчиков, не меньше, чем отцы, потому что прививали сыновьям идеалы мужества, воинской доблести. Как указывают авторы, женщины у норманнов плакали очень редко и делали это непублично. В характере скандинавских женщин

исследователи отмечают «мужские свойства» [236; 271]. Когда Сигурд Дигре, ярл Оркадских островов, вызван был на поединок шотландским ярлом, Финнлейком, он очень боялся превосходящих сил соперника, потому что против каждых семи воинов мог поставить только одного. Он посоветовался с матерью, Авдурой, очень умной и рассудительной женщиной, которая ответила, что если бы она знала о его страхе за свою жизнь, то уморила бы его в «своих недрах». «Знай, что судьба располагает жизнью, и лучше умереть со славой, нежели жить в позоре» [236, С. 571]. По мнению А. Стриннгольма, скандинавские женщины имели спартанский образ мыслей, которым он объясняет реальное сражение – подвиг женщин Верендского херада в Смоланде. Когда датчане в отсутствие шведского короля и его войска вторглись в Смоланд, женщины Верендского херада, под начальством героини Бланды, удачной хитростью усыпили неприятелей и потом всех избили, так что немногие воротились в Данию с вестью о постыдном поражении. Подвиг женщин был увековечен в Смоланде разными преимуществами в пользу женщин: в этой области они долгое время носили пышные пояса из красного сукна или шелковой ткани, с золотыми бахромами, и невесты провожались под венец со всеми воинскими почестями. С тех времен женщины в этой области пользовались равными правами на наследство вместе с мужчинами [236, С. 571-572].

Андерс Стриннгольм подчеркивает, что северная женщина не знала принуждения, ограничивавшего ее свободу как у других народов; участь ее во многих отношениях была счастливее. На Севере она была украшением мужских обществ; скандинавы наслаждались общением с женщиной, которая имела сильное влияние на мужчин.

В домах отцов дочери пользовались свободой, дозволяемой приличием. Отцы заботились о чести дочерей столько же, сколько о своей собственной. Честность и целомудрие не только считались лучшим украшением девушки, но и составляли одно из условий, без которых она теряла всякое право на уважение и не могла ожидать себе приличного жениха [236, С. 553].

Среди таких женских качеств, как честность, чистота сердца и мыслей, которыми должна была обладать добропорядочная жена, целомудрие считалось главным. По мнению К. Стадина, понятие *добродетель* со времен Великодержавия в Швеции было ключевым для мужчины и для женщины. Основными добродетелями женщины в свете христианской идеологии Лютера, считались Набожность, Вера, Надежда, Усердие, Щедрость, а также самая важная и наиболее ценная добродетель – Верность супругу [411, С.30-32].

По мнению М.Т. Шёберг, со времен лютеровской Реформации брак рассматривался церковью как божественное таинство, создание полезной и желательной социальной ячейки общества. Брак представлялся бастионом и средством против греха – беспорядочных сексуальных связей. Холостые молодые люди находились в зоне риска и могли с легкостью впасть в грех. Поэтому согласно церковному взгляду на сексуальную жизнь следовало не допускать случаев, чтобы взрослые люди оставались в положении холостяков. Церковь была заинтересована в том, чтобы молодые люди вступали в законный брак, совершая обряд венчания.

Лютеранский взгляд относительно супружества основывался на двойственном мировоззрении. С одной стороны, Бог повелевал на небесах, а Дьявол – на земле. Те, которые называли себя христианами, никогда не должны были разводиться. Бог связывал христиан любовью, и в семье всегда царила гармония. С другой стороны, брак был связан с грехопадением, и человек имел право выбора, поэтому в очень редких случаях церковь допускала развод и возможность повторного замужества или женитьбы. Церковный указ 1572 года предписывал, что если один из супругов совершил грех прелюбодеяния и «вторая его половинка» не собирается прощать, то это дает повод требовать прекращения отношений через суд. Обвинение в неверности было со времен средневековья очень серьезным и могло повлечь за собой смертную казнь, если дело решалось в мирском суде (с 1734 года). Распутство, неверность в супружеской жизни с 1734 года в соответствии со шведским законодательством причислялись к криминальному действию. Параграфы 55-56 закона 1734 года

предусматривали суровые наказания за преступления такого рода. Если женатый мужчина совершил прелюбодеяние с замужней женщиной, то оба лишались жизни. С 1864 года такое суровое наказание отменили. За «двойное прелюбодеяние» предполагался теперь тюремный срок, предусматривавший наказание от шести месяцев до двух лет. Приговор был менее суровый, если один из партнеров был неженат (незамужем). Виновный (ая) должен был заплатить восемьдесят далеров штрафа. На незамужнюю партнёршу (партнера) налагался штраф в сорок далеров.

Несмотря на то, что законом предписывались одинаковые наказания относительно супружеской неверности, ответственность женщины за соблюдение нравственных принципов в семье была намного больше, отмечает М. Шёберг. Женщина, нарушившая святость семейных уз, подвергалась общественному позору. Она должна была признать свой грех перед «всем миром», раскаяться и обещать исправить поведение. В церквях существовали специальные скамьи, на которых «падшие женщины» сидели и молились отдельно от прихожан. Только после отпущения грехов духовным отцом женщина получала возможность снова присоединиться к остальным членам прихода [407, С.42-47].

Однако М.Т. Шёберг считает, что судьба женщины в Швеции была совсем не бесправной в сравнении с участью женщин в Европе. Если в Швеции женщина, получив развод, имела реальный шанс найти нового спутника жизни, так как согласно шведскому законодательству развод все-таки допускался в случае неверности мужа, а также в случаях, если муж покинул семью и не обеспечивал средствами к существованию, в случае тяжелой болезни и при некоторых других обстоятельствах, то в национальных объединениях, границы которых сегодня совпадают с такими европейскими странами, как Италия, Испания (до 1875), Франция (до 1792г.), развод был категорически недопустим [407, С. 65-66].

Итак, правовое положение женщины в Швеции по сравнению со многими другими европейскими странами не было бесправным, о чем свидетельствует шведское законодательство начиная со времен средневековья.

Следует отметить, что женщины в Швеции наравне с мужчинами иногда обращались за разводом, если в семье наступал разлад. Однако такая причина, как разногласие в семье между супругами, не считалась веским основанием для развода. Напротив, церковный и мирской суд стремились всеми силами сохранить брак. Как отмечает М.Т. Шёберг в монографии «Помолвка, брак и развод в Норрланде 1800 годах» начиная с церковного указа 1572 года, духовенство было обязано призывать «расставшихся» супругов вернуться к совместной жизни. В различных областных законодательствах существовали предписания, к каким методам следовало прибегать для того, чтобы внушить мужу и жене благоразумие. В качестве примера, М.Т. Шёберг приводит решение епархиального синода в Уппсале от 1665 года. Сначала местный священник должен был убедить супругов относительно примирения. Если уговоры священника не имели надлежащего воздействия, то «дело» передавалось на рассмотрение церковно-приходского собрания, которое должно было выявить и наказать «виновного». Если разбирательство не заканчивалось примирением сторон, то муж и жена вызывались в суд для тщательного изучения вопроса и наказания. Следующим пунктом в примирении был Высший суд в стране в кафедральной капитуле, где также пару уговаривали прийти к согласию с уплатой штрафа. Если и конечная инстанция не могла добиться желаемого, то с церковной кафедры супругов предавали анафеме. Естественно, каждое обращение в суд решалось индивидуально. В епархии Або (Финляндия более 500 лет входила в состав Швеции до 1809 г.) для того чтобы призвать супругов к миру священники прибегали к авторитету и добрым отношениям между соседями [407, С.45]. Священнослужители строго следили за соблюдением нравственных норм в своем церковном приходе, при этом большую роль в сохранении и поддержке семьи играло собрание церковного прихода, обладавшее достаточными

полномочиями. Поэтому для женщины особенно важно было соблюдать правила нравственного поведения, иметь репутацию добродетельной женщины. Если это ценнейшее качество подвергали сомнению, то женщина могла потерять репутацию, без которой ее жизнь в приходе становилась тяжелой.

Как показал анализ литературы [328, С.79-85; 372, С. 65-79; 394, С. 71-72; 410, С.47], в положении позора и осуждения, как правило, оказывались незамужние женщины с ребенком на руках. Поскольку судьба ребенка и матери были связаны, то мать обрекала на горькую участь не только себя, но и свое чадо, которое в отличие от законнорожденных детей лишалось наследства, а по закону имело право лишь на «nödtorftig föda och uppfostran» – «скудное жизненно необходимое пропитание и воспитание» [394, С.75].

По мнению Беаты Лосман, исследовавшей нескольких церковных приходов в исторической провинции Верmland, существует достаточно доказательств того, что женщина с незаконнорожденным ребенком не представляла угрозы и не подвергалась гонению среди крестьян, если приход был «в курсе» близких отношений мужчины и женщины, то есть знал отца ребенка, по каким-то причинам, не признававшим отцовство. Незамужняя женщина, связанная с криминалитетом, отличавшаяся распущенным поведением, либо избавившаяся от ребенка, считалась аморальной, незаслуживающей прощения, к ней относились с опаской. Вернуть доверие для таких особ не представлялось возможным, и как следствие, они подвергались экономическим и социальным «санкциям» вплоть до изгнания с места жительства.

В исследовании «Женское своеобразие и нравственность в доиндустриальной Швеции» Б. Лосман отмечает, что в крестьянском обществе понятие «нравственность» в поведении женщин не имело сильной коннотации с сексуальностью, которое оно приобрело позднее. Скорее это слово отражало объективные для того времени формы общественного поведения: работоспособность и прилежание, добрые отношения в семье и с соседями, воцерковленность, трезвость, активное участие и помощь в делах прихода,

мирское и церковное послушание [372, С.75]. Другое мнение выражает Ингер Лёвкруна в исследовании «Иерархия и власть: Гендерная перспектива и власть в шведском хозяйстве в раннее новое время». Она считает, что соблюдение морали для женской половины в крестьянском обществе, особенно для замужних женщин, было гораздо важнее других качеств в характере «слабого пола». И. Лёвкруна отмечает, что законная супруга несла ответственность за нравственную составляющую поведения дочерей и прислуги внутри дома. Супруг представлял семью в приходе – «перед внешним миром» [354, С.40].

Основой отношений между супругами в семье являлся приоритет мужа в принятии решений. Несмотря на то, что в шведском крестьянском обществе такие «типично мужские» качества, как ум и сообразительность не считались предосудительными, заслуживающими порицания, их поддерживали и восхваляли до тех пор, пока женщина проявляла их в помощи мужу, например в подсчете совместных доходов. Эти качества в женском характере рассматривались как замечательные и похвальные до тех пор, пока жена не претендовала на первенство в семье и оставалась послушной мужу. Согласно церковным предписаниям, именно от добродетельных взаимоотношений мужа и жены зависел порядок, единство взглядов и спокойствие в семье. Независимая, непокорная, строптивая жена бросала вызов, прежде всего, церковным заповедям, нарушая единодушие, мир и согласие в доме. Женщинам следовало подчиняться мужу и подстраиваться под характер, настроение мужа ради спокойствия в семье. Кекке Стадин отмечает, что в соответствии со всеми перечисленными аргументами ответственность за духовное единство, эмоциональную близость в семье лежала целиком и полностью на женщине [410, С.64 -65].

Стоит отметить, что в отличие от немецких теологов, интерпретирующих однозначно слово Божье относительно женщин, которых следовало было держать «в узде», шведские епископы не придерживались одностороннего толкования Писания. Шведский епископ Петрус Йонаеэ обращался к главному достоинству в характере мужчины – пониманию. По мнению епископа, им

следовало мотивировать превосходство над женщинами. Ссылаясь на постиллы Лютера, Петрус Йонаеэ разъяснял, что мужчина, будучи более благоразумным, чем женщина, должен ей уступать, смотреть на некоторые поступки сквозь пальцы, даже воздавать ей почет. Он допускал, что иногда мужчине лучше бы подчиниться женщине. Если бы Пилат послушал свою жену, он бы поступил гораздо умнее. Шведский епископ Йеспер Сведберг разделял точку зрения Петруса Йонаеэ на отношения между мужчиной и женщиной. Он соглашался с тем, что муж – господин в своем доме и жена должна ему подчиняться, но допускал, что бывают такие обстоятельства в жизни, когда жена должна поступать по своему усмотрению. Епископ рассуждал так: если в состоянии сильного гнева, или опьянения, или задиристости, муж терял разум, самообладание, то в таких случаях жена могла приводить свои аргументы против неподобающего поведения мужа, брать власть в свои руки и решительно воспротивиться мужской воле [410,С.62 -63].

Итак, обозначив причины заинтересованности государства и церкви в создании и сохранении института семьи, мы выделили особую роль женщины в ней. Необходимо подчеркнуть, что положение женщин в Швеции в XIX веке определяли значительные региональные особенности, которые вытекали из различий в характере влияния крестьянской экономики и рынка, действия норм наследственного и семейного права, а также из региональной специфики культурных традиций. Именно самостоятельное введение хозяйства обеспечивало влияние женщины в доме.

Анализ научной литературы (Т.А. Березина, Д. Гаунт, И. Лёвкруна, У. Лёфгрэн, Б. Лосман, Л. Рюд, И. Сефвестад – Ерикссон, Л. Сомместад, К. Стадин, А-С. Уландер и У.-Б. Стрёмберг, Б. Ханссен, П. Юханнессон) показал, что центральную позицию женщина занимала в домашнем хозяйстве. Искусно управляя делами, хозяйка могла заслужить авторитет в семье, уважение среди соседей и добрую репутацию в приходе, поэтому главное внимание в воспитании девочек уделяли практике «ведения хозяйства».

Вклад женщин в крестьянское хозяйство был незаменим. По мнению Пиа Гётебу Юханнессон, со времен Средневековья вплоть до середины XIX в. компетенция женщины в производственной сфере семьи была обширной, причем выполнение различных работ имело неодинаковую ценность в обществе. Существовало строгое разделение труда между мужчиной и женщиной. Мужчинам предназначались те виды деятельности, которые требовали пребывания вдали от дома, более высокого риска и большой физической силы. Сферой внимания и работ крестьянина были пашня, луг, лес и упряжные животные. Женщина традиционно занималась делами внутри дома.

Искусство приготовления разнообразной и вкусной пищи, выпечка хлеба с древнейших времен ценились как главное женское умение. Недаром одна из старейших шведских пословиц гласит «*Inte för alla smör i Småland!*» - «Не для всех масло в Смоланде!». В современном шведском языке это идиоматическое выражение означает «не любой ценой», «не на любых условиях». Если проследить этимологию этого слова, то нужно обратиться к Средневековью, когда масло и сыр были самыми главными и дорогими продуктами экспорта, в изготовлении которого принимали участие только женщины. Олаус Магнус в работе «История северных народов» сообщает: «К приготовлению сыра мужчины никогда не допускались. Женщины из деревенских общин, расположенных по соседству, собирались вместе. Обильные запасы молока варились в котлах, куда добавляли сычужный фермент, а затем содержимое укладывали в специальные деревянные прессы четырехугольной формы. Тщетно было для кого-либо из мужчин проскользнуть и проследить за процессом. Эти сильные и энергичные женщины сами решали, как лучше управиться с домашними делами, и мужчины никогда не вмешивались в их работу» [381, С.103].

Как указывает П.Г. Юханнессон, самостоятельное изготовление хлеба для экономики натурального хозяйства имело большое значение. Самой престижной работой для шведских крестьянок считалась выпечка хлеба. Дома

пекли ржаной, ячменный хлеб различной формы с добавлением тмина, аниса и других приправ. Традиционное шведское выражение - «плоха та хозяйка, которой понадобилась печка до рождества» было распространено в начале XIX в. Приготовление к выпеканию хлеба к рождественским праздникам начиналось заранее, так как количества хлеба должно было хватить на два последующих месяца. По мнению П.Г. Юханнессон, важным считалось также изготовление разного вида фигурных пряников, печенья, коврижек, кренделей, пудингов, тортов. Оценка и уважение женщины как хозяйки другими были непосредственно связаны с компетентностью испечь аппетитное печенье, подать или принести его как угощение на праздник вместе с другими соседками [348, С.64 -65].

Как отмечают русские [16, С.288; 242, С.126] и шведские исследователи [261, С.66; 380, С.39; 395, С.122], «умелая управительница» со связкой ключей от дома, амбара с зерном, кладовой с припасами и заготовками – традиционный атрибут женщины-хозяйки – символизировала «власть» женщины в условиях натурального хозяйства. Формула брака в старом Уппландском законе XIII свидетельствует о прочных позициях хозяйки. Отец невесты должен был сказать: «Я даю тебе мою дочь для почтения и супружества, разделять ложе, запираеть замки, владеть третьей частью всего, чем ты можешь обладать в движимом имуществе, за исключением золота и домашних рабов, и всеми правами, которые пожалованы Упланду королем Эриком Святым. Во имя отца и сына и святого духа, аминь» [261, С.67]. Эта традиция сохранялась в Швеции вплоть до начала XIX в.

Способная хозяйка играла решающую роль в том, чтобы «удержать голод за дверью» в тяжелые военные годы или во время неурожаев. От ее находчивости и умения планировать и правильно распределить рацион зависело, хватит ли продуктов до следующего урожая и забоя скота. Осенью «умелая управительница» заботилась о заготовке припасов: мясо солила или коптила, сушила хлеб, перемалывала муку. Зимой женщины пекли хлеб и варили пиво. Коровы, куры, козы, овцы, гуси требовали ухода круглогодично.

Помимо этого, в женские обязанности входило прясть, вязать, ткать, латать старую одежду и выполнять другую работу по дому. Искусство шить и вышивать было частью экономической составляющей семейного бюджета, как сказали бы сегодня. Разнообразные текстильные изделия из льна и вадмаля представляли символический капитал: вышитые простыни, подушки, текстиль являлись видимым доказательством благополучного материального положения и искусности хозяйки [395, С.40-42]. Сбор ягод считался в крестьянском обществе XIX века занятием, пригодным для женщин и детей, которые любили полакомиться традиционными десертами и вареньем из черники и брусники [348, С.66].

Анн-Софи Уландер и Улла-Бритт Стрёмберг отмечают, что существующее мнение о том, что крестьянская женщина посвящала себя исключительно работе внутри дома, не совсем правильно. Шведской крестьянке приходилось заниматься работой вне дома наряду с мужчинами. Она заботилась о доме и ферме, когда муж уходил в лес за дровами и строительным материалом или когда он уводил волов на продажу в далекий город [348, С.40-42].

Как указывает Б. Ханссен, шведки были совершенно самостоятельны в экономических делах: они брали деньги и отдавали их взаймы, покупали и продавали без вмешательства со стороны супругов, что часто противоречило букве закона. Это было вызвано повседневной необходимостью, так как мужское население проводило большую часть своего времени и в долгих поездках на ярмарки, в занятиях ремеслами и рыбной ловлей [261, С.66].

По нашему мнению, яркий пример трудового вклада женщин в экономическое состояние семьи, их личной свободы и независимости можно проследить в исследовании Пауля Томпсона о положении крестьянок в рыбацких семьях в настоящем и прошлом. Женщины в рыболовецких семьях, по мнению П. Томпсона, выполняли основные социальные роли: жены – хозяйки – матери, как и вся остальная женская часть шведского общества, хотя роли эти имели ряд своеобразных отличий. В первую очередь, это

непосредственный труд в прибрежных районах Балтийского моря, где жены-морячки не только разделявали рыбу и чинили сети, но и выходили с мужьями в море, проявляя чудеса мужества и храбрости наравне с мужчинами. Иногда крестьянки принимали участие в опасных походах далеко от берега, выполняя работу и оставаясь на ночь в открытом море на маленьких судёнышках. Поскольку разделение труда в этом районе было основано на сочетании двух видов хозяйств – рыбной ловле и фермерстве, со времен Средневековья до XX века, то женщины подобно мужчинам с детства привыкали выполнять различные действия с ловушками, крючками, сетями для ловли разнообразных видов рыбы, с одной стороны. С другой, они умело управляли фермой в отсутствие мужей. Во-вторых, они выполняли роль, которая присуща женщинам во всех человеческих обществах, т.е. говоря словами П. Томпсона, они создавали следующее поколение в физическом и нравственном смысле – вынашивали и воспитывали детей. Одним из значимых достижений жен рыбаков, по мнению Пауля Томпсона, было не просто рождение и забота о ребенке в период младенчества, но формирование базовых ценностей, содействие в становлении характера и определение своего места в обществе. В таких семьях разделение труда, по мнению исследователя, характеризовалось гибкостью и адаптируемостью мужчины и женщины к существующим условиям, что стало жизненно важным как для экономического успеха семьи, так и для сложившегося способа воспитания, когда матери находились рядом с детьми, обращаясь с подрастающим поколением мягко, без физических наказаний, развивая ответственность и самостоятельность с раннего возраста [420, С.3- 32].

По мнению Лены Сомместад, жизнь крестьянской женщины в аграрном обществе была пронизана любовью, заботой и работой. Из этих трёх составляющих работа была главной и придавала жизни смысл. Основу крестьянской культуры составлял трудовой менталитет. Статус женщины был напрямую связан с ее работоспособностью. В шведских мемуарах, интервью (Б.Лилльевалль) [367, 368], описаниях жизни шведских крестьян

(К.А.В.Муберг) [384] приобщение девочек к неумолимому труду – повторяющаяся тема. Л. Сомместад приводит примеры – высказывания крестьянок, подтверждающие, каким образом трудовой императив закрепился как норма и образец поведения. В лесных работах, во время удобрения почвы, в выкорчевывании камней, на уборке сена, во время прополки корнеплодов и сбора картошки юноши и девушки работали бок о бок. Юные крестьянки не допускали мысли о том, чтобы уступить парням на трудовом поприще, потому что вера в свои силы, желание справиться с заданием и достичь успешных результатов не подвергалась сомнению. Не только в совместной работе, но и при выполнении типично женских обязанностей требовалась физическая сила и выносливость. Для ручного доения или во время большой стирки женщине приходилось поднимать тяжелые емкости с молоком или бельем. Во время стирки белье отмачивали, кипятили, выщелачивали, полоскали и вывешивали в течение нескольких недель, а то и месяцев. Хотя работа была изнурительной, она приносила удовлетворение. В совместном труде всегда присутствовал соревновательный момент, который приносил радость от проделанной работы [409, С.508-535]. В работе, осуществляемой вместе, проявлялось чувство коллективизма, женской общности, основанной на осознании собственного достоинства, знаний, умений и опыта. Сфера трудовой деятельности имела большое значение для самореализации как супруги и хозяйки. «Укрепить роль женщины, придать ей самостоятельность и способность перешагнуть рамки, установленные для ее пола», мог «именно труд», отмечает М.Л. Крунберг [267, С.207].

Идеал добросовестной хозяйки был тесно связан с понятием хорошей жены, потому что объем понятия «жена» включал в себя «супругу» и «хозяйку», что отразилось в пословицах шведского языка-«Hushåll utan hustru är lykta utan ljus» - «Хозяйство без жены, что фонарь без света», «Spatserande matmor gör elakt hushåll»-«Прогуливающаяся жена разваливает хозяйство» [354, С.39]. По мнению М.Л. Крунберг, именно труд мог укрепить положение женщины в крестьянском обществе.

В исследовании «Разделение труда и социальные роли в крестьянском обществе – изменения и преемственность» Урвар Лёфгрен подчеркивает, что в некоторых районах Швеции XIX века существовало строгое разделение труда на «мужскую» и «женскую» сферы. Все, кто считался «взрослыми», должны были владеть работами, соответствующими их полу. Социальный контроль за соблюдением традиций осуществлялся строго. Против нарушивших общепринятые нормы предпринимались «санкции» – они подвергались общественному осуждению, осмеянию. Женщину, проводившую много времени с лошадьми, называли «Häst-Marja», «Häst-Kerstin»-«Лошадь-Марья», «Лошадь-Черстин». Мальчишкам, постоянно находившимся с матерью на кухне, присваивали кличку «Spislo» (шведск. Spis-плита). Иногда неодобрение выражалось в иронической форме. Женщины из области Даларна уверяли, у мальчиков, которые участвуют в выпечке хлеба, мыши откусят «самый драгоценный орган» [376, С.270].

В долине Торнио в самой северной части Швеции, Торнедален, еще в начале XX века дифференцированное разделение труда предполагало соблюдение давних традиций воспитания. Подраставших мальчиков учили придерживаться символической субординации. В языке существовало название «Knappsu», что означало «психический гермафродит», то есть мужчина с женскими интересами и поведением. У. Лёфгрен пишет, что «по сравнению с таким прозвищем получить титул «убийца, мошенник или вор» считалось почётнее и менее оскорбительным» [376, С.20]. По мнению автора исследования, эти примеры свидетельствуют о том, что в организации крестьянского труда женская сфера была обширнее, предполагала большую гибкость в освоении девушками многих мужских занятий. Женщина могла управляться с лошадью, ходить за плугом, косить кормовые травы, заготавливать сено и выполнять другие сезонные работы. При этом она не теряла женственности и не подвергалась высмеиванию в обществе. Для мужчины не представлялось возможным заходить в коровник, доить или печь хлеб [376, С.21]. Итак, крестьянин в Швеции не мог обойтись без помощи

жены в хозяйстве, на фермах женщины всегда трудились вместе с мужчинами. Поскольку воспитание трудолюбия было важнейшей заповедью крестьянского воспитания, то детей привлекали к труду сознательно, четко обозначая мужскую и женскую сферы производственной деятельности.

Л. Сомместад отмечает, что приучение к постоянному труду было более серьезным у девушек, чем у юношей. В то время как мужская часть населения имела право на недолгий отдых и даже сон после обеда, крестьянкам приходилось накрывать на стол, убирать после обеда или ужина, чистить молочные ёмкости и выполнять другие обязанности. Показать свою усталость перед родителями или постараться избежать трудной работы, было непозволительно [409, С.508-535]. Достижения в работе во многом определяли домашний статус. Семья, семейные традиции с древнейших времён составляли ядро шведской жизни. Дружная, прочная семья, дети представляли счастье для шведских крестьян. Рождение и воспитание детей считалось главным назначением супружества. Карл-Херман Тилльхаген в научном исследовании «Дети в народных поверьях. Возникновение, рождение и воспитание» представляет много свидетельств из народных воспоминаний о том, насколько сильным было желание супругов иметь детей. Незавидной была судьба тех, кто не познал родительского счастья. Вся ответственность за бездетность возлагалась на женщину: «Не имевшая детей жена, казалось, отличалась от всех остальных» (Фроствикен); «Все должны были иметь детей. Семья без детей считалась неполноценной» (Западный Вингокер); «Речь идет даже не о бездетном браке. Женщина воспринимала бездетность как позор» (Альнё, Медельпад); «Позор и стыд ожидал семью без продолжателей рода. Полагали, что этот брак без благословения» (Буген, Вермланд); «Не иметь детей было тяжело для мужчины, который постоянно слышал «колкости» в свой адрес о том, что он слишком слаб и не может воспроизвести потомство» (Геддстад, Вестергётланд) [423, С.108-109]. Бесплодие рассматривалось церковью как реальная причина для развода, поэтому каждая крестьянская женщина

понимала как свое главное предназначение в жизни – стать матерью [354, С. 40].

Основные материнские функции крестьянской женщины заключались в рождении здорового ребенка и воспитании из него нравственного человека. Поскольку процент детской смертности в XIX в. оставался высоким, то родители стремились обеспечить правильный уход за ребенком особенно в раннем детстве. Первому году жизни ребенка в народной культуре придавалось большое значение, потому что он завершал переход ребенка в качественно иное состояние (окончание младенчества – начало первого периода детства). Считалось, что в это время ребенок как никогда подвержен опасности негативных воздействий. Поэтому жизнь малыша и его матери была строго ритуализирована (обряд обрезания пуповины, первое пеленание, первое кормление, первый вынос ребенка к гостям, укладывание в колыбель и др.) [266, С. 57].

Среди крестьян было не принято укладывать некрещеного младенца в колыбель. Для этой цели плели специальные корзины, которые обычно ставили на стол или в голове родительской кровати. Колыбель считалась первым домом ребенка, она должна была обеспечить его безопасность. Только после крещения для маленького приготавливали колыбель, подвесную кроватку (люльку), которую предварительно освобождали от «злых духов», которые, согласно народным представлениям того времени, могли навредить ребенку. Для защиты от «зла» на дно кроватки укладывали либо псалтырь, либо сгоревшую головешку, либо серебро (украшение, монетку), чеснок, ножницы. Крест прикрепляли прямо над кроваткой. Любовь, забота о будущем «своего чада», о его благополучии вдохновляла мать следовать всем предписанным традицией правилам, чтобы защитить дитя от предполагаемых опасностей и с помощью магических средств обеспечить малышу счастливую судьбу [423, С.326-327]. Для реализации этих целей с первых дней жизни ребенка мать пела колыбельную песню, при исполнении которой она входила в эмоциональный контакт с ребенком. Этому способствовало и ритмичное покачивание малыша.

Покачивание было необходимо для успокоения, расслабления, появления чувства безопасности и комфорта. Песни были важнейшим коммуникативным актом не только между матерью и малышом, но и с сакральными силами. По мнению О.В. Хухлаевой, колыбельную песню можно сравнить с заговором. Исследователь полагает, что и заговор, и колыбельная песня являлись средством воздействия на ребенка. Различие между ними в том, что заговор воздействовал прямо, он был призван изменить негативную ситуацию, а колыбельная песня – опосредованно, поскольку она стимулировала развитие позитивного начала. У нее не было четких правил исполнения в отличие от заговора, она была более вариативна. По сути, она представляла собой оберег и была предназначена для защиты самого ребенка и его сна, который так важен для здоровья в младенческом возрасте [266, С.99].

Мать, прежде всего, заботилась о ребёнке, удовлетворяя его физиологические и социальные потребности. Помимо взаимодействия с ребенком она была вынуждена выполнять различные хозяйственные функции, заботиться о других членах семьи. Но, несмотря на это, пока ребёнок был в младенческом возрасте, мать достаточно много времени находилась либо рядом с ним, либо в досягаемости его взгляда, поэтому ребёнок имел возможность получить достаточно много внимания от матери [266, С.93].

С годами помимо заботы о здоровье и питании основной функцией матери становилось обучение детей. Главным содержанием обучения было усвоение практических навыков, развитие физических и умственных способностей, необходимых в последующей трудовой и социальной деятельности. Воспитание в крестьянском обществе осуществлялось в контексте жизни ребенка, то есть было связано с реальными жизненными событиями. По мнению Ларса Левандера, на протяжении всей жизни не прекращалось беспокойство матери о детях [365, С.144]. По мнению Л.Л. Толстого, внутренняя связь матери и ребёнка служила главным и самым сильным «орудием первоначального воспитания детей» в Швеции и имела большое влияние на всю шведскую жизнь. Благодаря внимательной заботе,

духовной связи матери с детьми из детей «вырабатываются честные, здоровые люди, сильные и открытые характеры» [247, С.185].

Как показал анализ научной литературы, освещающей положение женщин в доиндустриальной Швеции (Т.А. Березина, Д. Гаунт, Б. Лосман, Я. Мелин, Б. Лилльеваль и др.), существуют две противоположных точки зрения относительно женской фертильности и количества детей среди крестьян. По мнению Беаты Лосман, замужние женщины – крестьянки рожали детей с интервалом 2-3 года между детьми, и за всю жизнь они успевали выносить и родить 10-11 детей, благополучно дожив до преклонного возраста [372, С.65]. Давид Гаунт, Ян Мелин и др. считали, что в Швеции, начиная с XVIIIв., века женщины умели планировать рождение детей, количество которых не было большим, не более одного или двух детей в семье. Д. Гаунт в качестве примера приводит приход Альскуг, расположенный на юго-востоке острова Готланд. Обработанные Д. Гаунтом данные о рождаемости в приходе свидетельствуют, что в конце 1800-х гг., шведские крестьяне контролировали рождаемость. Священник из этого прихода высказывал такое мнение: «Народный обычай или склонность к сокращению численности детей в семьях зажиточных крестьян, уходит корнями в далёкое прошлое ушедших веков. Готландские крестьяне с наследованием по нисходящей линии со времён Средневековья имеют сильное чувство экономической независимости и поэтому стремятся сохранить, «законсервировать эту самостоятельность» внутри семьи. Крестьянские сыновья не хотят жениться до появления «подходящей», равной по происхождению крестьянской девушки из зажиточной семьи. После того как происходит объединение двух родов, тогда все с нетерпением ждут появления одного или двух ребятишек, едва ли больше, чтобы не ставить под угрозу раздел большого имущества и тем самым не подвергать детей обнищанию» [328, С.251-251]. Д. Гаунт сделал еще одно значительное замечание: женщины, рано вышедшие замуж, не торопились с воспроизведением потомства. Своего последнего ребенка они, как правило, рожали в 36 лет. Напротив, вышедшие замуж после 25 лет в среднем имели больше детей и последнего вынашивали,

примерно, в 38-летнем возрасте. Д. Гаунт также указывал, что было много женщин-рожениц, обзаводившихся потомством после 40 лет [328, С. 251 -251].

У известного шведского писателя Августа Стринберга положительный образ жизни крестьянской семьи ассоциировался с ролью женщины в семье, где она – «прежде всего мать» [279, С.301]. В своих дневниках великий русский поэт В.А. Жуковский писал: «Шведки – отличные супруги и матери, хорошие хозяйки и строго придерживаются правил нравственности. Образованное сословие и даже низший класс чтит женскую добродетель, и женщины заслуживают это своим поведением!» [90, С.92]. Л.Л. Толстой, отдавая дань домашнему воспитанию, от которого «зависит вся будущая жизнь [человека], к чему его приучили, от чего отучили, в чем научили видеть доброе..., что [человек] привык любить и что ненавидеть», отзывался о шведских женщинах так: «Мать и хозяйка дома, верная и преданная жена, воспитательница детей до школьного возраста – вот призвание и полное жизненное назначение шведской женщины. Если она исполняет его радостно, она делает то высшее, что ей дано, и пользуется всеобщим почётом» [247, С.184].

Умелое сочетание шведской крестьянкой работы по дому и воспитания детей позволило Л. Сомместад выдвинуть гипотезу, подчёркивающую закономерность и непрерывность шведских традиций в развитии страны. Суть гипотезы состоит в том, что шведская модель благосостояния, как обычно называют Швецию в научной литературе [Т.В. Тиайнен, О. Петерссон, И. Хирдман и др.], возникла не в результате достижений рабочего класса, а как закономерное развитие шведского крестьянского общества, в котором высокий статус женщины определялся ее производственной и репродуктивной функцией. Автор называет шведское государство «a two-bread-winner state» – обеспечение благосостояния при поддержке двух кормильцев в семье, мужа и жены. Л. Сомместад предполагает, что аграрные традиции оказались более влиятельными в Швеции, чем в других западных странах, в силу участия женщин не только в многопромысловом домашнем хозяйстве и трудоёмких земледельческих работах, но и в воспитании детей [409, С.526-527].

Таким образом, рассмотрев некоторые аспекты общественного и семейного положения шведской крестьянки в XIX в., мы пришли к следующим выводам:

1. Супружеский союз являлся важным этапом в жизни крестьян, посредством которого достигалась полноценность крестьянского бытия и обретение статуса полноправного члена общины, прихода. Государство и церковь поддерживали институт брака, законодательно закрепляя за женщиной подчинённое по отношению к мужчине положение, которое в реальной жизни не всегда соответствовало букве закона.

2. В реальности шведская крестьянка выступала как правомочный член общества, обладала повышенным уровнем правоспособности, независимости и самостоятельности, что подтверждается, во первых, законодательными актами, предусматривающими право женщины наравне с мужчинами требовать развода, представлять экономические просьбы и ходатайства в суд; во вторых, возможностью управлять хозяйством как глава семьи в отсутствии мужа; в третьих, более широкой компетенцией женщины в производственной сфере, когда женщина, в силу сложившейся традиции, справлялась как с женскими, так и с мужскими обязанностями в хозяйстве.

3. Шведская крестьянка выполняла в семье свои основные социальные роли: жены – хозяйки – матери. Как от жены от неё ожидали верности, любви и уважения к супругу. Она отвечала за спокойствие в семье и гармонию в семейных отношениях между мужем и женой. Роль хозяйки ассоциировалась с хранительницей домашнего очага, которая умело распоряжалась домашними ресурсами и осуществляла значительный вклад в бюджет семьи. Функция женщины как матери включала в себя рождение и заботу о детях, обучение их практическим навыкам, развитие физических и умственных способностей, необходимых в последующей трудовой и социальной деятельности.

2.4. Реализация ценностных традиций шведского народа в практике женского воспитания крестьянской семьи

Целью данного параграфа является анализ традиционного механизма усвоения человеком норм, эталонов поведения, стереотипов, которые были характерны для шведской семьи в XIX в., а также анализ детской, молодежной среды как процесса установления оптимальных связей между индивидуумом и коллективом.

Для того чтобы понять, как происходит формирование у девочек системы ценностей, принятых в обществе, необходимо обратиться к раскрытию принципа народности в воспитании. В нашей стране одним из первых о значимости народного воспитания заявил М.В. Ломоносов, затем К.Д. Ушинский. Позднее их идеи получили дальнейшее развитие в исследованиях (А.Х. Байрамкулова, Т.А. Бернштам, А.Г. Бесаева, Е. Борисова, Т.А. Брюзова, Т.С. Буторина, З.П. Васильцова, Г.Н. Волков, Н.В. Голикова, С.М. Елкин, М.А. Калинина, С.С. Щекина и др.) Исследования ученых показывают, что каждая нация накопила исторически обобщенный опыт обучения и воспитания подрастающих поколений, который отражает особенности материальных, культурных условий жизни, философии, религии, самоидентификации. К.Д. Ушинский утверждал, что история народа, его характер определяют направленность воспитания. Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях. Народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории...Народ без народности – тело без души, которому остается подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность [253, С. 253-254].

Мысль К.Д. Ушинского том, что основу общественного народного воспитания составляет семейное воспитание, является актуальной для нашего исследования. Испокон веков семья, основанная на идеалах христианского брака, представлялась интересным и важным предметом для подробного и глубокого философского анализа таких богословов, как святитель Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, св. Амвросий Медиоланский, св. Филарет

Московский, митр. А. Сурожский и др. Проблемы семейного воспитания освещены в педагогической отечественной литературе (Н.К. Крупская, П.Ф. Каптерев, В.А. Сухомлинский, Л.Н. Толстой и др.), в шведской педагогике эти проблемы были актуальны для изучения (Ф. Бремер, Э.Г. Гейер, Э. Кей, А. Сандстрём, Ф. Стеёнхоф и др.). Наибольший интерес в рамках данного исследования имеют работы (Х. Брембек, Т.С. Буторина, Е.Л. Бьюрман, М.А. Калинина, М. Лильеквист, Б. Лённквист, Ю. Линдстрём, М. Миттерауер, Д. Фредлунд, С.С. Щекина, Б. Хаммар, М. Хедлунд, К. Хейвуд, М. Якобсен и др.).

Под семейным воспитанием (или воспитанием в семье) мы понимаем органическое сочетание целенаправленного влияния взрослых членов семьи на ребенка, желающих сформировать его по определенной модели, и повседневного, непреднамеренного влияния на детей и подростков образа жизни, примера старших, их социального опыта [107, С. 16].

Как указывает Т.С. Буторина, многие традиции и своеобразные черты семейного воспитания могут быть поняты только с учетом той роли, которую сыграл в их выработке принцип половозрастной дифференциации [44, С.23]. По мнению ученого, рассмотрение периодизации жизненного пути в семейной педагогике предполагает выделение ряда качественно своеобразных возрастных стадий. Ребенок становится подростком, подросток – взрослым, и каждая смена возрастных этапов меняет субординационное положение семьи в системе «воспитатель – воспитуемый», а значит, и его социально - нравственный статус. Под социальным возрастом понимается набор нормативно-ролевых характеристик, производных от возрастного разделения труда и места и роли ребенка в семейном коллективе, от его пола, от степени подверженности личности ребенка семейному воспитанию, т. е. целенаправленному воздействию со стороны членов семьи и стихийному влиянию ее образа жизни [44, С.24].

В шведском крестьянском обществе XIX в. преобладало представление о трех основных фазах жизненного цикла: начале, середине и конце. Им соответствовали три возрастные категории – дети, взрослые, старики. Детский

возраст делился на три возрастных периода: раннего детства, подростковый и молодежный.

По мнению Б. Хаммар, занимавшейся исследованиями истории одежды как определения места и роли ребенка в семейном коллективе, следует, что до 4-5 лет девочки и мальчики росли вместе. Дети до этого возраста в шведском крестьянском обществе носили одежду под названием «kolt»-кольт. Кольт представлял собой тип платья, застегивающегося сзади. Фасон кольта для девочек немного отличался, так как был скроен не из цельного полотна, а отрезным по талии. Как мальчики, так и девочки поверх кольта носили фартучки. Кольт был типичной одеждой для детей раннего возраста [426, С.43]. Как указывает Х. Брембек, в это время воспитание заключалось в том, чтобы научить ребенка держаться подальше от опасных предметов (плиты, колодца, ножниц) во избежание несчастных случаев, а также вовремя сообщить о необходимости справить свои естественные потребности. Взрослые объясняли правила, требовали выполнения действий и предостерегали от возможных ошибок, часто прибегая к помощи сверхъестественных существ, которые в случае непослушания родителям могут причинить вред [380, С.14]. Многие матери пугали шведских ребятишек «именем русских» [1, С.323]. Одной из популярных «страшилок» в Швеции того времени было упоминание о «rysska björnen»- «русском медведе», который в случае плохого поведения обязательно придет и заест малыша [101, С. 445]. Как отмечает М. Хедлунд, в возрасте 7-8 лет дети вступали в подростковую садию, о чем свидетельствует такое широко употребляемое название в шведском языке, как «halvväxting» «полурослик», «человек, выросший на половину». Изменялась одежда – в этом возрасте мальчики носили брюки и красную шапку, а девочки получали платье без рукавов и косынку. В это время дети уже активно привлекались к участию в трудовой деятельности семьи. Методика выработки у детей интереса, привычки и любви к труду была разнообразной. Она отражала все стороны жизни и хозяйственной деятельности взрослых [339, С. 77]. Целью семейного

воспитания девочек являлась социально-психологическая подготовка к трудовой деятельности.

С младенчества и до совершеннолетия главным педагогом девочки была мать, которая обучала ее всем тонкостям ведения хозяйства – от приготовления пищи и шитья одежды до искусства поведения в отношениях с другими членами семьи, работниками, соседями. Мать собственным примером показывала, как надлежит себя вести в различных житейских ситуациях, а так как она в семье являлась для дочери наивысшим авторитетом, – ее образ мыслей, мировоззрение, система ценностей передавались «как бы по наследству». Подражая примеру матери, маленькая шведка сначала непроизвольно, а затем с течением времени сознательно привыкала трудиться, и в дальнейшем труд становился ее первой жизненной необходимостью, приносил моральное и эмоциональное удовлетворение.

Уже в 9-10 лет девочка помогала матери сматывать нитки, кормить кур, пасти коз, овец, ходить вместе со старшими за хворостом. Для девочки двенадцати лет было большим позором не уметь шить хотя бы наряды для своей куклы, не плести изделий из ивового прута или сбивать масло [406, С.116]. В мемуарах о своей детской жизни в 1880-х гг., Анна-Маделене Гелотт вспоминает: «Зимой, когда отец и старшие братья работали в лесу, мы, оставшиеся дома, должны были чесать шерсть и прясть. Нам приходилось использовать не только новую шерсть. Мы распускали старую одежду, скручивали нити в пряжу. Прялку ставили у окна, где было больше света. Примерно с семилетнего возраста я умела прясть. Мы сами изготавливали необходимые ткани и пряжу. Мама и дедушка летом красили нити, ткани мхом и березовой корой, иногда покупали готовую пряжу. Дома от руки мы шили простыни, полотенца, одежду. Крючком нам приходилось вязать шапки, варежки, носки, рубахи. Узоры на одежде были разнообразными и никогда не повторялись» [329, С.12].

Важным является то, что приобщение девочек к традиционным видам труда происходило в шведской крестьянской семье с учетом степени тяжести

физической работы. В исследовании М. Миттерауера «Социальная история молодежи» приводятся данные 1913 года о физической силе обоих полов, измеренных в килопондах в европейской системе Германии, Австрии, Швеции.

Таблица 1. Измерение килограмм-силы для мальчиков и девочек в России, соответствующее измерению килопондов в Швеции. Данные М. Миттерауера, 1913г.

	Девочки	Мальчики
13 лет	55	80
14	60	90
15	65	105
16	68	112
17	70	115
18	70	122
19	70	135

Как следует из таблицы, девочки, по сравнению с мальчиками, были менее крепкими физически и выносливыми, поэтому получали работу, требующую меньшего напряжения физических сил. С годами разница в мужской и женской физической силе удваивалась. Чем больше было хозяйство, тем дифференцированнее становилось половое и возрастное разделение труда [383, С.147].

Обычным видом труда для девушки 14-15 лет являлся присмотр за младшими братьями и сестрами. Ее работа в качестве няни создавала благоприятные условия для ознакомления с правилами ухода за детьми. Девушка имела возможность практиковать пеленание, укачивание малыша, могла придумывать игры и рассказы, то есть молодая шведская крестьянка приобретала в семье необходимые для будущей семейной жизни навыки. К четырнадцати-пятнадцати годам она умела доить корову, замешивать тесто, стирать, носить воду, вязать, шить. Пройдя большую трудовую школу, шведки становились самостоятельными, могли с уверенностью

выполнять любую работу по хозяйству и присмотру за детьми [379, С. 194-199; 406, С.150 – 153].

Как показал анализ литературы по теме диссертационного исследования [419, С. 66-67; 345, С. 137; 353, С.15; 383, С. 72], уважительное отношение к традициям духовно-нравственных ценностей проявлялось впервые в возрасте 14-15 лет. В этот период шведские подростки в первый раз проходили конфирмацию – обряд сознательного исповедания веры в протестантизме, которая состояла в нравоучительной речи пастора и служила актом окончательного введения в лютеранскую церковь перед первым принятием святого причастия. Для того что быть допущенным к этой процедуре, девушки должны были пройти подготовку – изучить Библию, Катехизис и Пастилы Лютера с пастырем прихода, уметь правильно ответить на вопросы священника. Исследования Егила Юханссена (на примере церковного прихода Бугдео, к северу от Умео) показали, что подготовка к конфирмации и занятия с пастором относительно «Luther's explications»-«толкование заповедей Лютера» начиналась уже в возрасте 9–10 лет [347, С.32]. Конфирмация считалась большим событием для жителей деревни. Родители не жалели ни денег, ни сил, чтобы дочь или сын достойно выглядели в день конфирмации. Выбирали подходящие ткани, сами шили праздничную одежду, приглашали гостей. Шведские исследователи рассматривают конфирмацию как отграничение от периода детства, то есть первый шаг на пути во взрослую жизнь [345, С.104].

Исследования М. Миттерауера показали, что пора половой зрелости для девушек в Швеции наступала в среднем в возрасте 16 лет (данные 1844 года). С достижением этого возраста связывалось начало совершеннолетия. К этому времени было готово ее приданное, а девушка подготовлена к вступлению во взрослую жизнь. Приближалась пора замужества. [383, С.13]. Однако в Швеции, как и во многих других европейских странах, поощрялось не стремление поскорее выйти замуж, а возможность обрести финансовую независимость от родителей. По мнению М. Миттерауера, приобретение трудового опыта на заработках в «чужом хозяйстве» означало полный переход

от зависимого положения к автономному [383, С.53]. Менялось отношение к девушке в семье и приходе. Она получала больше свободы от родителей и могла участвовать в различных формах молодёжного досуга.

Как показал анализ литературы [96, С.44-45; 383, С.201-210], именно с наступлением возраста полового созревания молодые крестьяне присоединялись к местным молодежным объединениям. Организованные компании неженатых парней были распространённым явлением шведской деревни в XIX веке. В своей внутренней жизни компания строилась на принципах иерархии, структурированной, прежде всего, по возрасту. Сообщества холостых парней с их обрядами посвящения и пивными обычаями, а также выраженной иерархией (выборами вожака) составляли неотъемлемую часть деревенской жизни. Доступ в такие компании был прерогативой молодых мужчин. Девушки из этой части общественной жизни были исключены. Типичной организованной формой женского общения были встречи типа «spinnstugurna» (от швед. spinna-вязать, stuga-избушка)-«посиделок за прялкой» [423, С.28]. Такие посиделки имели огромное значение для молодежи.

К. Х. Тилльхаген отмечает, что в «посиделках» обычно участвовали не только родные сестры, но и соседские девушки, а также парни, которые могли оставаться в женском обществе всю ночь напролёт, чтобы «помочь». Юноши знали, что в «избушках» их ждёт не только приятное девичье общество, но и «вкусная еда для живота». Ценностным моментом в общении была не только традиция взаимопомощи при выполнении определенного вида труда, но и традиция гостеприимства, а также настроение, которое обычно сопровождало «женское общение». Встречи подобно «посиделкам за прялкой» отличались атмосферой веселья и радости, когда после тяжелого трудового дня можно было расслабиться в компании сверстников. Помимо «spinnstugur» существовали другие виды пирушек под названием «brytöl», т.е. после уборки льна, «skäkt kalas»-«празднество по случаю забоя скота», «karda gillen»-«кутёж после вычёсывания шерсти», «rive gille» или «pärnares gille»-«пирушка после работы измельчения картошки в муку» [423, С.27- 28].

Летними вечерами молодежь деревни собиралась на воздухе. Сборным пунктом, к которому устремлялись молодые люди с разных дворов и хуторов, часто были просто дорожная развилка, каменная плита или луг. Когда наступали холодные осенние вечера, приходили в деревню, к тому, кто предоставлял свою кухню или комнату для так называемой «lekstuga»-лекстюги-«комнаты игр». Здесь проходили танцевальные вечера [137, С.71; 423, С.38 -39].

Танцы играли значительную роль не только как форма занимательного и привлекательного досуга, но и как сложившаяся практика добрачной обрядности. Если юноша начинал ходить на танцы, то считалось, что его «кандидатура одобрена и принята» как равного среди других. Для девушки – это был знак достижения ею статуса взросления. Когда юноша в первый раз приглашал ее в «лекстюгу», она должна была спросить разрешения родителей. После этого девушки часто сами организовывали вечеринки на Рождество, Пасху, Троицу и другие церковные праздники. Для этого устраивались так называемые «tiggat vandringar»-«обход деревни с целью попросить деньги или продукты» [383, С.200]. Поход в деревню совершали девушки, заслужившие доверие среди молодежи, отличающиеся честностью, порядочностью и обладающие особыми организаторскими способностями.

За две недели до рождества начинался период «рождественских изб». Молодежь объединялась в компании. «Рождественские избы» продолжались каждый праздничный день со дня Кнута. В день Светоча (2 февраля) наступал новый период танцев, завершавшийся большой пирушкой на Масленицу в воскресенье [137, С.72]. Во время праздников молодежь получала позитивный эмоциональный настрой. В песнях, плясках, играх парень и девушка могли проявить свою творческую индивидуальность, присмотреть себе пару [323, С. 115].

Как показали исследования Я. Линга, на протяжении XIX века молодые шведы танцевали песенные игры. В некоторых песенных играх пытались найти реминисценции древних культовых танцев, где мимические изображения охоты

и сева должны были служить магическими заклинаниями успеха. Многие из шведских игр в различной форме повествовали о сватовстве. Танец предоставлял возможность молодежи разного пола установить контакт друг с другом. Такое «сватовство понарошку» охотно практиковали как «репетицию» предстоящего сватовства всерьез. Например, согласно записям XIX в. «Симона из Сэлле», которые, по мнению Я. Линга, не отличались значительно от записей других сватовских игр, девушки и юноши становились в два ряда лицом друг к другу. Женихи выходили вперед и призывали девушек на танец: *Härkommer Simon i Sälle! Här komma hederliga herrar! Här komma Södermänner alla! Så sorgelig, så sorgelig, så dansar Simon Sälle! Så sorgelig, så sorgelig, så dansar hederliga herrar!* (Вот идет Симон из Сэлле! Вот идут порядочные господа! Вот идут все Сёдерманландцы! Так печально, так печально, так танцует Симон из Сэлле! Так печально, так печально, так танцуют все порядочные господа!) [137, С. 72]. Ожидание развлечений облегчало трудоемкую, утомительную работу, которую приходилось выполнять в течение дня, поэтому различные формы досуга были любимы молодыми.

Каждая шведская девушка стремилась поскорее вступить в пору совершеннолетия. По мнению Матса Якобсона, официальный возраст совершеннолетия согласно закону 1884 наступал в 21 год, как у юношей, так и девушек [345, С.113].

Достижение совершеннолетия было событием, имевшим важное значение: появлялся новый взрослый член трудового коллектива и продолжатель рода. Поэтому этот период отличался вниманием к нему семьи, строго следившей за соблюдением необходимых изменений, сопровождавших переход в совершеннолетие. Радикальные изменения происходили, прежде всего, в одежде и во внешнем облике. Девушек, достигших возраста 17–19 лет, называли «*Storflickor*»-«взрослая девушка». Если девушка не выходила замуж, то этот эпитет сопровождал ее всю жизнь. С этого возраста девушки начинали одеваться как взрослые замужние женщины – носили нижнюю юбку или сорочку, юбки, блузы, кофты, колготки и ботинки. Взрослые девушки имели

право красиво укладывать, заплетать или распускать волосы в отличие от замужних крестьянок, волосы которых должен был скрывать чепец на голове. По замечанию Е. Водовозовой, «деревенские молодые девушки имеют гораздо более оживленный и веселый вид, чем их братья; они страстно любят танцы и наряды и, если нанимаются в услужение в город, тратят на наряды большую часть своего заработка» [56, С.135]. Время после конфирмации было подготовкой к будущей замужней жизни. Девушки пополняли запас приданого, собирая комплекты праздничной одежды и текстиля [321, С.22,172]. Переступив пору совершеннолетия, молодые шведки получала право самостоятельно регулировать свое поведение, ориентируясь на те религиозно-нравственные предписания, которые были заложены в детстве и приняты в окружении. Не останавливаясь подробно на традициях духовно – нравственного воспитания (т.к. подробно рассмотрены в главе 2.1.), отметим, что родители стремились приучить девочек не столько к самостоятельности, трудолюбию, гостеприимству, сколько воспитать более важные добродетели, присущие женщине того времени, – благочестие, терпение, честность, вежливость, дружелюбие, которыми отличались добропорядочные шведки.

Мы обратили внимание на то, что одну из ценностей, характерных для скандинавского общества, составляла свобода крестьянского сословия, его широта взглядов и независимость суждений. Рассматривая традиции женского воспитания, следует подчеркнуть, что девушкам в крестьянских семьях XIX века стремились привить те же самые ценные качества. По свидетельству Т. Богданович, Е. Водовозовой, Е.Я. Кулаковой-Грот, С. Меч, во многих шведских семьях девушка пользовалась такой же независимостью и свободой, как и ее братья. С ранних лет девочки вместе с мальчиками посещали народные школы, участвовали на равных в играх и гимнастических упражнениях, катались на лыжах и на коньках, предпринимали далекие пешеходные прогулки. Девочкам считалось необходимым развивать силу, ловкость и предприимчивость. По мнению Т. Богданович, благодаря такому воспитанию в девушках с раннего возраста развивается самостоятельность и умение пробивать себе собственную

дорогу. С юношами, с которыми они привыкают еще в детстве вместе учиться и вместе работать, у них складываются товарищеские отношения [31, С.93].

Наравне с юношами девушкам в свободное от работы время разрешалось ходить в гости, проводить время в кругу своих подруг, путешествовать по стране. «Взрослая девушка одна, без провожатых, идет на прогулку, с визитом, на вечер, катается на велосипеде, на коньках, на лыжах или в лодке... Это – независимость молодой англичанки, но более широкая в духовном отношении. Здесь умственное развитие шире, свободы читать больше... у нее редкая широта воззрений, редкая смелость в суждениях» [155, С.61].

Следует отметить, что традиционное женское воспитание ориентировавшее шведских девушек на проявление таких качеств как свободолобие, ответственность и самостоятельность в поступках, трудолюбие, практичность было характерно не только для Швеции XIX в. Несомненное сходство в традициях женского воспитания и типичные черты в формировании характера реализуются в социокультурном наследии Русского Севера и Норвегии, что подтверждается исследованиями Т.С. Буториной (1994, 2000, 2001, 2007), М.А. Калининой (2007). Авторы делают акцент на исключительном положении матери в воспитании подрастающего поколения, ее авторитетного влияния в принятии жизненно важных семейных решений и передаче ценного нравственного опыта, усвоенного от своих предков [45, С.42-45]; М.А. Калинина [107].

Таким образом, проанализировав опыт традиционных форм женского воспитания у шведского народа и выделив возрастные ступени и стадии физического развития, с которыми были связаны особенные формы деятельности; а также определив четкую дифференциацию роли матери, ее обязанности и преемственность поведения между поколениями, мы пришли к следующим выводам:

1. Одной из главных практических целей воспитания девочек в крестьянской семье было формирование у них навыков ведения домашнего хозяйства и навыков ухода за детьми. В возрасте шести-семи лет в семье начиналась

психологическая подготовка девочек к трудовой деятельности как одной из высших нравственных ценностей, признаваемых шведским народом. Трудовое воспитание, опираясь на знания народной педагогики, начиналось с того момента, когда девочка сама выражала желание помочь родителям. В последующем подготовка к самостоятельному взрослому труду носила комплексный характер и осуществлялось с учетом особенностей возраста, посильности и постепенности, непрерывности и системности. Все знания, необходимые в будущем для умелого ведения хозяйства, девочка получала от матери, в процессе вовлечения ее в домашние дела. Овладев основными необходимыми для жизни навыками к 16 годам, освоив в детском и подростковом возрасте нормы поведения, молодая девушка начинала активно участвовать в жизни молодежи и общества.

2. Особенность досуга молодых людей состояла в том, что чаще всего гулянья молодежи не были бессмысленным времяпровождением, они были тесно связаны с трудом. В процессе различных форм проведения досуга шла передача от поколения к поколению представлений об окружающем мире, опыта, навыков труда и повседневной жизни, происходило освоение нравственных норм и традиций. В основе как коллективных, так и индивидуальных норм поведения, касающихся взаимоотношений девушки и юноши, находилась ориентация на семью как на центр сообщества, связей, привязанностей. Поэтому именно семья следила за соблюдением необходимых изменений, сопровождавших переход в совершеннолетие. По достижении совершеннолетия девушка была на особом положении – она была свободна в выборе одежды, причесок и др., ей разрешалось много времени проводить с подругами, весело проводить время. Все это делалось с целью найти жениха, так как ориентация на создание семьи являлись одной из ценностных традиций женского воспитания в Швеции XIX в.

2.4.1. Вступление в брак и создание семьи как сущностная составляющая ценностных традиций женского воспитания

Целью данного параграфа является исследование традиционной установки на семью и вступление в брак, анализ и интерпретация образа жизни шведской девушки до вступления в брак: ее стремление к созданию семьи, традиционные нормы поведения, принятые в шведском крестьянском обществе XIX в., предсвадебный период, свадебные обычаи и обряды, а также семейные обычаи, касающиеся порядка и условий заключения брака.

Наибольший интерес в рамках данного исследования вызвали работы Л. Бондесон, Н.-А. Брингеус, Е. Водовозовой, Я. Кулаковой-Грот, А.С. Кэльвермарк, У. Лёфгрэн, С. Лундваль, А. Лутткенс, Х. Медлиус, С. Свэрдстрёма, Л. Хагберг, А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд.

Анализ литературы показал (Т. Березина, У. Лёфгрэн, Б. Лосман и др.), что положение молодой девушки в кругу семьи в своей половозрастной группе и в приходе определяли нормы семейно-свадебной обрядности. Свадьба как переходный период девушки во взрослую жизнь была самым торжественным, затейливым и поэтическим из всех семейных обрядов. Она обладала большим педагогическим потенциалом, служила сохранению самобытности национальной культуры и воспитания. Как переходный период в жизни девушки во взрослую жизнь, свадьба считалась его счастливым концом. Значительная часть жизни будущей невесты являлась подготовкой к семейной жизни, которая заключалась в формировании у молодой девушки хозяйственно-бытовых умений и навыков, потребности в рождении и воспитании детей и соблюдении морально-этических норм поведения.

В научной литературе существует две противоположные точки зрения на проблему выбора партнера и вступление в брак в доиндустриальной Швеции [202, С. 424; 378, С. 240-242]. Некоторые ученые считают, что для большинства вступающих в брак шведских крестьян основным мотивом был экономический фактор. У.Лёфгрэн приводит следующие аргументы: идеи романтической любви и эмоциональной близости были чужды крестьянской культуре. Это не означает, что не существовало близости между мужчиной и женщиной; но в основе ее лежал тот факт, что женатая пара была тесно спаянной семейно-

хозяйственной единицей производства. Для крестьян вступление в брак было необходимым условием, чтобы стать владельцем крестьянского двора или унаследовать от родителей хозяйство. Необходимость вместе с супругом вести крестьянское хозяйство определяла поведение в отношении потенциального супруга. Такое представление о семье как совместной общности внушалось с детства, часто в форме стереотипных повторений. Матери обычно повторяли: «Любовь должна прийти позже». Отцы давали совет сыновьям: «Never look at the lassies in the church door, but when they' re (working) in the dunghill»- «Никогда не смотри на девчонок в церкви, но смотри, когда они работают в навозной куче» [297, С.238]. Крестьянское хозяйство основывалось также в значительной степени на разделении труда в соответствии с полом и возрастом. Эти факторы способствовали тому, что брак рассматривался крестьянами не только как новая семейно-хозяйственная ячейка, но как новая единица управления земельными ресурсами, скотом и сельскохозяйственными орудиями труда. Эти предпосылки делают очевидным тот факт, что в выборе брачного партнера приоритет отдавался экономическим соображениям относительно эмоциональных предпочтений [377, С.30].

В исследованиях Б. Лиллеваль, Г. Карлссон высказывается противоположная точка зрения насчет того, что в традиционном крестьянском обществе при выборе партнера физическая привлекательность или личное обаяние партнера играли важную роль. Б. Лиллеваль, комментируя данные первоисточников, основной корпус которых составили автобиографические воспоминания, сообщает, что главным мотивом для вступления в брак и планирования свадьбы для мужчин были «чувства», которые, однако, по-разному, понимались респондентами. Для некоторых из них был брак невозможен без «пылающей любви» к девушке, «колдовской любви», «сердечной болезни» по отношению к выбранной подруге; другие называли «доверие», «понимание», «уважение», «симпатию» как чувства, на которых выстраивались взаимоотношения. Многие авторы, которые оставили личные воспоминания о юности и прожитой жизни, изученной в научной работе Б.

Лилльеваль, отождествляли «den lyckliga äktenskapet med den lyckade avkomman»-«счастливый брак со счастливыми детьми. Среди женских достоинств, оцененных ими в выборе будущей супруги, назывались (среди внутренних и внешних свойств) красота, добродетельность, простота, миловидность, сообразительность, целомудренность, трудолюбие, целеустремленность, религиозность, трезвенность и др. [368, С.267-269].

Как указывает Гуннель Карлссон, сила любви иногда преодолевала все другие обстоятельства. По мнению автора, мир счастливой или несчастной любви изображался на протяжении веков в шведской литературе: в стихах, балладах, мифах и сагах. В этом мире женщины, по сравнению с мужчинами, всегда были более искусны, могущественны и сильны. По мнению исследовательницы, распространение христианства способствовало тому, что мнение женщины, ее согласие на брак стали иметь значение. Брак стал долговременным союзом. Однако, отмечает Г. Карлссон, существующие общественные и юридические нормы также являлись причиной, вынуждавшей девушку давать согласие на брак [336, С.38-39].

Одной из нормативных установок в выборе брачного партнера в крестьянском обществе в Швеции XIX в. был контроль родителей, которые ограничивали, а иногда и диктовали кандидатуру будущего мужа. Как показал анализ литературы [323, С. 115-117; 386, С.154; 392, С. 103-106], в южных областях Швеции существовал строгий надзор за выбором жениха, и связанный с этим родительский надзор за добрачными сексуальными контактами. Ухаживания носили формальный характер, а свадьба становилась результатом долгого и ответственного планирования. Роль будущего партнера при такой тщательной организации имела тенденцию быть пассивной. Родители сами оценивали, изучали и выбирали подходящую кандидатуру по соседству, и в первоначальном обсуждении предстоящей свадьбы предусматривалось участие родителей и детей. Учитывались интересы обеих сторон, оговаривался размер приданого. Если одобрение происходило с двух сторон, то предстояла формальная церемония обручения и через определённый промежуток времени

следовала свадьба.

Совершенно другая стратегия и модель добрачного ухаживания была характерна для средней части (области Dalarna) и в северных районах (Norrland) Швеции в XIX в., где родительское вмешательство, контроль добрачного поведения были значительно менее заметнее. Для этих областей Швеции было характерно так называемое «night courting»-«ночное ухаживание». Д. Фредлунд описывает «ночное ухаживание» следующим образом: «Пару раз в неделю группа молодых парней собирались вместе для того, чтобы навестить девушек, которые оставались одни ночевать на сеновалах во время уборки урожая или далеко от селений в летних домиках, куда они отправлялись пасти скот. Когда пара оставалась одна, то юноша и девушка долго обсуждали события, произошедшие в деревне за последние дни. Парень угощал девушку карамелью, иногда предлагал глоток вина. Иногда девушка, ожидавшая появления приятеля, заранее готовила кофе» [323, С.115-117]. Д. Фредлунд отмечает, что парень, как правило, никогда не задавал прямого вопроса об отношении к нему девушки. Обычно он оставлял карманные часы в качестве залога. Если часы висели в голове кровати во время следующего его посещения, то парень мог рассчитывать на благосклонность возлюбленной. Случись часам лежать в углу комнаты, надежды на взаимность можно было не ждать. По мнению Д. Фредлунд, традиция «ночного ухаживания» давала молодежи лучше узнать друг друга, так как день был наполнен работой. В то время, когда парень оставался на ночь у девушки, он мог расположиться с нею на постели. Но, в соответствии с принятыми в обществе традициями, он мог раздеть только сапоги и пиджак. Добрачные половые связи допускались только тем, кто уже договорился о помолвке [323, С.115-117].

Как показал анализ литературы [392, С.103-104; 348, С.53-54; 380, С.198], молодежь сама подвергала остракизму тех, кто нарушал «неписанные законы» добрачного поведения. Как указывает Ингер Лёвкруна, девушка, которая «проспала свою честь», уже не принимала ночные ухаживания парней. Парень, который не хотел жениться по каким-либо причинам на забеременевшей

девушке, исключался из компании, с ним переставали дружить.

Как указывает Анн-Софие Кэлвемарк в научной работе «Добрачные связи и модели брака в 1800-х годах в Швеции», добрачное, как и внебрачное сексуальное сожителство было преследуемо и наказуемо в соответствии со шведским законодательством. Законами 1686, 1734 гг. за это предусматривался штраф и церковное покаяние. При рождении ребенка до свадьбы родители обязаны были платить налог в пользу церкви [359, С.182]. Церковь принимала помолвку как церемонию, гарантирующую свадьбу в будущем [359, С.182].

Как показал анализ литературы [359, С.136, 180-199; 371, С.192-213; 375, С.104-110], свадьба в доиндустриальной Швеции представляла собой торжественный обряд, заполненный песнями, танцами, приговорами и причитаниями, занимавший несколько дней, а то и недель. Перед свадьбой жених и невеста совершали обряд обручения, на который приглашали родных и друзей. В присутствии собравшихся, обменивались кольцами в знак их взаимного обязательства в скором времени стать женихом и невестой. Обручение происходило обязательно со священником, что придавало законную форму событию. После завершения обряда жених обычно дарил невесте молитвенник с вытесненным на переплете золотым сердцем или изречениями из Библии, подобранными к данному случаю.

Брак, в большинстве случаев, совершался спустя несколько месяцев, а то и года. В церкви происходил обряд венчания, к которому готовились за несколько месяцев. Свадебные пиршества продолжались несколько дней и были сопряжены с большими издержками для семьи. Как со стороны жениха, так и со стороны невесты родители не скупились, готовясь к свадьбе. Необходимо было приготовить запас напитков, напечь много свадебных караваев, замариновать мясо, и всего этого недостаточно было для предусмотренного огромного количества родственников и гостей. Поэтому принято было на свадьбу приносить свои съестные припасы.

В обязанности невесты до свадьбы входила забота о свадебном наряде. Prestижным считалось в качестве подарка получить семейный сундук, в

котором от поколения к поколению хранился и передавался свадебный наряд: инициалы и даты на сундуке говорили о том, кому он принадлежал. Невеста готовила также наряд для жениха: она должна была сшить и вышить его свадебную рубашу. В назначенный для свадьбы день к невесте приходила ее замужняя сестра и помогала ей одеться. Женщины и девушки-родственницы невесты – тоже могли участвовать в этой церемонии, которая происходила в доме жениха, в самой большой комнате перед зеркалом, куда вносился старый сундук с семейными украшениями для невесты: ремешок для короны, кружевной воротник, брошь, кольца.

Наряд невесты варьировался в зависимости от местности, где жила девушка. Во многих районах было принято просить родовое свадебное платье и серебряный свадебный венец у богатой соседки, для которой считалось почетным делом одеть невесту. В зависимости от местности на невесте можно было увидеть красный корсаж с широкими полотняными рукавами, вышитый золотом. В других местностях свадебный наряд состоял из черного шелкового платья, украшенного пестрыми лентами, серебряными украшениями и искусственными цветами, на голове невесты, независимо от местности, красовалась корона – тяжелый серебряный церковный венец.

По мнению А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд, «шведская невеста разодета пышно – безвкуснейшим образом. Если вошли в поговорку слова : «разодета, как крестьянская невеста», то они, видно, произошли из Швеции или вообще из северной Скандинавии. Чтобы как следует нарядить девушку необходимо, бывает обобрать все семьи в общине, и все это навешивается на голову, шею, руки и пальцы, а в особенности на шелковый корсаж. Талию невесты обвивает обыкновенно пояс, разукрашенный серебрянными погрумушками, а в один из ее башмков кладут серебрянное кольцо, с тем чтобы супруги жили богато в своем будущем хозяйстве» [280, С.565].

Свадьбы в Швеции совершались обыкновенно по воскресеньям: жених и невеста приезжали к началу службы. К концу богослужения брачная чета приближалась к алтарю, где преклоняла колена. Священник исполнял над нею

обряд венчания, давая благословение на долгую и счастливую жизнь.

После венчания все отправлялись на праздничный обед, который заканчивался обычно за полночь. Кульминационным моментом на свадебном пиру было угощение так называемой невестиной кашей, сваренной из пшеничных зерен на сливках. Она подавалась на стол после того, как невеста снимала свой пышный наряд и переодевалась в костюм замужней женщины.

Таким образом, проанализировав традиции семейной обрядности в Швеции в XIX веке, мы пришли к выводу:

1. Свадьба являлась для крестьянской девушки ключевым моментом в жизни. Это было торжественное событие, которому предшествовала тщательная подготовка, как со стороны родни жениха, так и невесты. Воспитание девушки было ориентировано, главным образом, на подготовку к заключению брака.
2. Несмотря на социально-экономическую необходимость вступления крестьян в брак, считать хозяйственный расчет и имущественную стабильность единственной целью для супружества абсолютно поверхностно. Как показал анализ литературы по теме диссертационного исследования, в традиционном крестьянском обществе физическая привлекательность или личное обаяние партнера играли важную роль. Выбор супруга у шведских крестьян был, как правило, «не личным делом», касавшимся будущего жениха и невесты. Он затрагивал судьбу домашнего сообщества, преданность которому зависела от воспитания в семье, где с детства происходило формирование нравственного идеала семьянина и выработка нравственных представлений и понятий, необходимых в семейной жизни, таких как любовь, дружба, женское достоинство, заботливое отношение к членам семьи, ответственность в воспитании детей.

2.5. Ценностные традиции женского воспитания в Баренцевом Евро-Арктическом регионе: общее и особенное

Целью данного параграфа является обобщение научных исследований о ценностных традициях женского воспитания в Баренцев Евро-Арктическом регионе.

Научный интерес к изучению данной проблемы подтверждается наличием цикла защищенных диссертационных работ («Поморская семья в XVIII – XIX вв.», С.С. Щекина, 1996; «Идея добродетельной матери в педагогике Германии второй половины XVIII века», Т.В. Касимова, 2002; «Женское воспитание в норвежской крестьянской семье XIX века», М.А. Калинина, 2003; «Развитие женского образования на Архангельском Севере во второй половине XIX- начале XX века», С.В. Заозерская, 2004; «Ценностные основания воспитания детей в крестьянской семье : на примере Олонецкой губернии второй половины XIX - начала XX века : Олонецкая губерния», Н.В. Голикова, 2007; «Женское образование во Франции XVII в.», А.Е. Демидовская, 2009), которые выполнены под руководством доктора педагогических наук, профессора Т.С. Буториной, и посвящены анализу историко-педагогического опыта воспитания с позиций взаимовлияния этнопедагогических культур.

Близость географического расположения территорий Северо-Запада России (Архангельская, Мурманская область, Республика Карелия), Швеции (Норрботтен и Вестерботтен), Норвегии (Норланд и Тромс), Финляндии (Лапландия, округа Кайнуу и Северная Остроботния в губернии Оулу), схожесть их природно-климатических условий, экономические и культурные связи, существовавшие на протяжении десятилетий, определили особую форму сотрудничества (центральный и региональный уровень) между Северными странами и Россией. Официальное подписание 11 января 1993 г. Киркенесской декларации предусматривало не только реализацию проектов по улучшению окружающей среды, инфраструктуры, туризма и др., но и такую важную для регионального сотрудничества задачу, как создание «общей идентичности, опирающейся на богатое культурно-историческое наследие» (Торвалд Столтенберг – министр иностранных дел Норвегии).

В этой связи исследования Т.С. Буториной «Поморская семья – основа народной педагогики» (1999), «Педагогическая регионология» (2004); М.А. Калининой «Женское воспитание в норвежской крестьянской семье» (2003), С. С. Щекиной «Воспитание в поморской семье XVIII-XIX веков» (1995) представляют значительный научный интерес для сравнения традиций воспитания в России, Норвегии и Швеции.

Основанием для сопоставления воспитательных традиций послужили следующие критерии: влияние экономических, политических факторов и социокультурной среды на этнопсихологический характер народа; уклад жизни крестьянской семьи, определяющий ценностные традиции женского воспитания; духовно-нравственное и трудовое воспитание девочек; роль матери в формировании ценностных ориентаций и практике женского воспитания; образовательно-воспитательные традиции в крестьянской среде.

Для выявления общего и особенного в воспитательных системах Швеции, Норвегии и России нужно обратить внимание на то, что в их историческом развитии, географическом положении, в языке и культуре выделяются типические черты. Прежде всего, это характерно для таких европейских государств, как Норвегия, Швеция, Дания. Эти страны объединены понятием «Norden»-«Северная Европа», чьи народы – потомки северогерманских племен «эпохи викингов», оставили яркий след в письменной истории европейских народов своими дальними и дерзкими походами. Шведский, норвежский и датский языки входят в северную, или скандинавскую, подгруппу германской группы индоевропейской языковой семьи. Они имеют большое фонетическое, лексическое и грамматическое сходство. Если швед и норвежец беседуют между собой каждый на своем языке, то понимают друг друга как, например, русский и белорус [234, С. 86 - 87].

С 1814 по 1905 год между Швецией и Норвегией существовал своеобразный союз: страны проводили общую внешнюю политику и связали себя определенными обязательствами в области обороны. Главным «связующим звеном» между странами был общий король. Этот период

отличался стабильным миром, что не имело, по мнению Я. Мелина, исторических аналогов [153, С.218]. «В Европе нет другого такого региона, где культура, традиции, язык, этническое происхождение, политическая структура и религия – все «фоновые» идентифицирующие элементы – настолько же близки, как в северном регионе», – указано в научном исследовании И. Нойманн «Использование «Другого»: Образы Востока в формировании Европейских идентичностей» [173].

Первоначальные стадии специализации хозяйства были связаны с использованием наиболее значительных благоприятных предпосылок – природных богатств и географического положения: характерная общая черта Швеции и Норвегии – их приморское положение. Море всегда играло и продолжает играть важную роль в формировании хозяйства этих регионов. [234, С. 89, 93]. Сходные черты экономики, элементов материальной культуры, таких как типы поселений, хозяйственные постройки, культура и «культ жилища», во многом определили характер семейного быта и способы жизнедеятельности, которые способствовали сближению традиций этих народов. Длительные политические и экономические связи между странами Северной Европы способствовали взаимному обогащению их не только материальной, но и духовной культуры [235].

Духовно-нравственные традиции, составляющие богатство шведского и норвежского народов в XIX веке, имеет смысл проследить на примере народных календарных обычаев и обрядов, потому что многие из них были элементами крестьянского образа жизни, а некоторые, значительно изменившись, сохранились до наших дней. В основе народных календарных обычаев, обрядов и поверий лежала трудовая жизнь земледельцев. «Народный календарь», отражающий соотношение древней, чисто народной основы, и более поздних, церковно-христианских наслоений, имел абсолютное сходство в содержании многих обрядов и праздников у шведов и норвежцев. Единообразными были весенние, летне-осенние и зимние праздники, сходство между которыми отразилось в языке: Масленица (шв. Smörgveckan, норв.

Fastelav); Пасха (шв. Påsk, норв. Påske); Иванов день (24 июня – шв. Midsommardagen, норв. Midtsommer dag); день св. Мартина (11 ноября); день св. Николая (6 декабря – St. Nikolas); день св. Люсии (13 декабря – шв., норв. St. Lucia); Рождество (шв., норв. – Jul, 25 декабря) и др. По мнению М.А. Калининой, календарные праздники «являли собой образцы поведения, нормы человеческих взаимоотношений, правила общения» и составляли значимую часть в нравственном воспитании девушек [107, С.138]. Праздники отражали религиозную направленность, закрепляли нормы поведения, служили ценностными ориентирами этносов.

Как указывает Я.-Э. Сван, в прежние времена единообразие народных традиций в значительной степени способствовала церковь. Многие унаследованные народом обычаи опирались на религиозные верования, некоторые из них уходили своими корнями в средневековый католицизм, который в остальном был полностью уничтожен Реформацией [213, С.5].

Для нашего исследования важным является то, что принятие лютеранства имело большое значение: во-первых, для развития правопорядка, которое было связано с ролью духовенства, оказывавшего значительное влияние в области семейного права. Помимо своих проповеднических обязанностей, заботы о моральном воспитании населения, оно знакомило население с законодательством страны. Важнейшие законы и указы должны были зачитываться на паперти в церкви либо вывешиваться на специальных досках. Поскольку каждый несовершеннолетний, прошедший конфирмацию, был обязан посещать воскресную службу под страхом наказания, то государственная власть полагалась на то, что указы, распоряжения, запреты станут известны населению. Как указывает Аннерс, «такое положение дел было общим для Европы, но только в протестантских странах оно приобрело особый характер благодаря тому значению, которое ему придавали государственная власть и слово Евангелия» [5, С.269]. Вместе с развитием правоведения, высоким уровнем юридической грамотности при составлении юридических документов «Северные страны превратились в настоящие правовые

государства европейского уровня» [5, С.274]. Во-вторых, центральное место в лютеранстве отводилось семье как основной ценности в жизни человека. Весь комплекс взаимоотношений между мужчиной и женщиной в учении Лютера претерпел изменения от плотского сожителства до гармоничного духовного и телесного союза, предназначенного для рождения и воспитания добродетельного потомства. В-третьих, лютеранское вероучение отражало в себе установку на углубление образования верующих. Направленность протестантской этики на сознательное усвоение христианами истин веры и активное участие прихожан в богослужении требовали от членов евангелическо-лютеранских общин элементарной грамотности. Обряд конфирмации стал обязательным для юношей и девушек в лютеранской церкви и ставил непременным условием получение ими определенных знаний о христианстве [5, С.269;132, С.189].

Таким образом, в силу экономического, политического, исторического развития, религиозных, культурных, языковых особенностей этнические группы норвежцев и шведов имели значительное хозяйственное, культурное и национально-психологическое сходство. Характер этноса, указывает Е.В. Мельникова, – это не сумма характеров отдельных его представителей, а фиксация типических черт, которые присутствуют в разной степени и сочетаниях значительного числа индивидов [154, С.7]. Уникальны не черты и не их сумма, а структура, специфика их проявления. Сложные природно-климатические условия территории Швеции, Норвегии, диктовавшие необходимость значительных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, обусловили во многом схожий образ жизни и важнейшие черты в национальном характере шведов и норвежцев, такие как трудолюбие, терпение, выносливость. Как и у их предков-норманнов первым признаком красоты (для мужчины и для женщины) считался светлый цвет кожи и волос, – указывают М.А. Калинина, Е.В. Мельникова. Они сильны, стройны, мужественны, смелы. Их лица отмечены «печатью дикой энергии и патриархальности, им присуща бескорыстная готовность помочь ближнему во всяком несчастье» [107, С.30;

154, С.112]. Типической характеристикой, как шведа, так и норвежца, является честность, о которой складывались поговорки. Борьба за независимость (в Норвегии), отсутствие крепостного права и участие крестьянского сословия в политической жизни страны (в Швеции) заложили основы демократических и правовых принципов общества, способствовали становлению своеобразия народных воспитательных традиций.

В этой связи необходимо отметить, что именно на Русском Севере, как и у шведского, норвежского народов были сильны демократические традиции, уходящие своими корнями в прошлое. «Веками вплоть до XIX столетия, в среде поморского черносошно-государственного крестьянства община (как поземельное сообщество), волость (как административно-территориальное сообщество) и православный приход (как духовно-литургическое сообщество) в большинстве случаев совпадали, соединяясь в универсальную крестьянскую триаду – «мир» – как наиболее жизнеспособный общественный институт. В силу неразвитости поместно-вотчинного землевладения, т.е. отсутствия сословия дворян, правительство для проведения реформ было вынуждено обращаться к волостному крестьянству и посадам, к выработанным в Поморье формам самоуправления» [40, С. 47- 48].

Важным фактором, во многом определившим типические черты сходства северорусского крестьянина с психологическим складом шведа и норвежца (смелость, ловкость, природную сметливость), является и то, что с XVI века Русский Север носил название Поморье, т.е. земли, примыкавшие к Белому морю и Северному Ледовитому океану. Пойменные долины северных рек с большими площадями сенокосных угодий способствовали развитию животноводства. Обилие пушного зверя, пернатой дичи в лесах, деликатесной рыбы в морях, реках и озерах служили притягательной силой для людей на протяжении многих столетий. Огромные запасы соленосных вод на территории многих поморских уездов, месторождение меди, серебра, нефти, слюды, строительного камня и лесов, продуктов смолокурения – все это определяло специфику занятий северного крестьянства, соотношение промысло-

ремесленной и земледельческой деятельности и непосредственно влияло на уклад жизни [40, С.17-18] и формирование поморского характера [44, С.41]. Поморы слыли людьми энергичными, настойчивыми, жизнеспособными, привыкшими к постоянной борьбе за существование.

Т.А. Берсенева, рассматривая «уклад жизни как объект педагогического исследования», выделяет его основу – мировоззрение и этнокультурный компонент. Ядром первой составляющей, по мнению исследователя, является религия, а этнокультура позволяет учесть неповторимость путей развития регионов, стран, народов. Вместе эти две составляющие порождают систему духовно-нравственных ценностей, идеалов, смыслов и определяют виды деятельности [19, С.13].

Как показал анализ научной литературы (Т.А. Бернштам, Т.С. Буторина, В.Н. Булатов, А.С. Котова и И.Н. Котова, С.С. Щекина и др.), религия североорусского массива представляла собой переплетение христианских идей с внехристианскими верованиями и представлениями славянского и неславянского населения. Христианство распространялось неравномерно, удаленность от церковной метрополии создавала определенную консервативность и независимость в религиозных взглядах. В народном сознании уживались христианские праздники и более древние языческие приметы и обряды, существовавшие на Руси до введения христианства. Деревенские календарные праздники были разнообразны и многочисленны. Они, также как у шведов и норвежцев, были подчинены календарному циклу сельскохозяйственных работ. Общеизвестны празднования, приуроченные к церковным датам. Среди наиболее значительных можно назвать – Рождество Христово (7 января), Бабы каши (8 января – связывался с образом Богородицы, родившей Христа), Крещение (19 января), Сретение (15 февраля), Благовещенье (7 апреля), Никола Вешний (22 мая), Акулина Гречишница (26 июня), Иван - Купала (7 июля), Первый Спас (14 августа) и др. [44, С.45; 124, С. 182-223]. Как и у скандинавов, на Русском Севере праздники были красочными и яркими. Они символизировали для крестьянина отдых от тяжелого

каждодневного труда и повседневных забот.

Главной отличительной особенностью поморского субэтноса была большая патриархальная семья, которая состояла из нескольких поколений. Понятие «дом» на Русском Севере обозначало единое хозяйственное, социальное и психологическое целое, члены которого находились в отношениях господства – подчинения, и в тоже время были необходимы для нормальной жизни «домашнего организма». Господствующее положение в доме занимал хозяин дома – отец. Жена имела обязанности по содержанию дома и воспитанию детей и слуг. Т.С. Буторина отмечает, что женщина-поморка обладала бóльшей долей самостоятельности, чем крестьянки Центральной полосы России. Они помогали мужьям в подготовке к опасному труду на море. В периоды длительных отлучек мужчин на промыслы – на Мурманскую страду, на Кедовский путь, для плавания в Норвегию, – им подолгу приходилось оставаться правительницами всего хозяйства и следить за организацией семейного быта. Несмотря на то, что глава семьи нес ответственность за хозяйство и семью перед миром, в повседневных семейных делах он полагался на хозяйку. Девушки-невесты с малолетства усваивали: «Без хозяйки дом сирота», а подрастая, убеждались: «Без семьи у мужика не жизнь, а одно баловство» [45, С.28 - 29].

Подобно Малому Катехизису Лютера в Швеции и Норвегии, предусматривающему строгую иерархию в семье и подчинение обоим родителям, феномен авторитета как ограничения свободы действий индивида путем введения для него определенных границ, рамок поведения или указания конкретных действий в той или иной ситуации, в поморской крестьянской семье персонифицировался с матерью и отцом. Дети уважительно относились ко всем старшим родичам, особенно слушались и почитали мать и отца. Мальчики с детства видели, что женщина справляется с обязанностями главы семейства в его отсутствие, ее требования признают, а поведение одобряют. Поэтому, «становясь взрослыми, молодые поморы относились к своим женам с уважением. Девочки, понимая, что от женщины зависит очень многое, вели

себя с большим достоинством. В поморской среде даже не употреблялось русское слово «баба», которое считалось унижительным. Женщин поморы называли «женками» [281, С.188].

Взаимопонимание между родителями и детьми, внуками и дедами составляло основу народной педагогики Поморья. Культурно-педагогическое наследие содержало воспитательные идеи о ценности семьи и идеале женщины, которая была способна управлять хозяйством в отсутствии мужчины, проявлять заботу о престарелых родственниках и воспитывать лучшие качества в детях.

В ходе диссертационного исследования мы обращали внимание на то, что основу ценностных традиций Северных стран составляли духовно-нравственные воспитательные традиции (глав. II, § 1). Наиболее эффективным средством нравственного воспитания молодого поколения в шведской и норвежской крестьянской семье считался труд. Трудовое воспитание как часть протестантской этики было прописано в Малом Катехизисе Лютера. Исходя из источниковедческого анализа, отметим несомненное сходство между текстами «Малого Катехизиса Лютера» и «Домостроя». Среди памятников древнерусской культуры, которые отражали нравственные и хозяйственные «уставы нашего быта», нет равных «Домострою» [82]. Главная добродетель, по Домострою, – труд физический и нравственный. Термин «труды праведные» имеет в этом памятнике широкое поле обозначаемых явлений. Кроме общего положения, к «трудом праведным» отнесены честное несение государевой службы, забота жены о доме, забота слуги о хозяйском интересе, воспитание детей. Труд в Домострое – не цель, но средство – средство молиться Богу и служить ему в земной жизни. Поморы соблюдали эти заповеди и в соответствии с ними воспитывали детей [82, С. 30-56; 163, С. 295; 185, С. 256].

По мнению исследователей Т.С. Буториной, Н.В. Голиковой, С.С. Щекиной основной целью крестьянского семейного воспитания являлась подготовка детей к труду. С.С. Щекина полагает, что приобщение детей к труду происходило постепенно, от одной возрастной ступени к другой: ознакомительная (с 2-3 до 6-7 лет), формирующая (с 6-7 лет до 11-12 лет),

основная (с 11-12 до 14-16 лет). Для освоения норм поведения в труде первостепенное значение имели пример и образец трудовой деятельности взрослых [283].

По мнению Т.С. Буториной, на Русском Севере значительную роль в традициях женского воспитания играли идеи о ценности духовно-нравственных качеств личности. Поморский Север был богат женщинами, которые обладали не только миловидной внешностью, но и трудолюбием. Их отличало такое исключительное качество, как «чистоплотность даже до щепетильности». «Бедным крестьянам хлебородных местностей никогда не видать такой чистоты, в какой поморка содержит свой дом, детей и себя саму!» [44, С.49].

Таким образом, подобные черты социокультурной среды на Русском Севере, в Швеции и Норвегии способствовали созданию во многом аналогичной культурно-духовной ценностной основы в традициях женского воспитания, центральное место среди которых занимали такие смысложизненные вопросы, как нравственные качества личности, приоритет семьи, уважительное отношение к старшим и благоговейное отношение к женщине.

Н.Л. Пушкарева, анализируя социальное положение русских женщин в семье, указывает на то, что адресатом многих церковных поучений была мать. (Интересно то, что древнерусские церковные законы не делали различий между представительницами сословий. Они были едиными для княгинь, боярынь, мелких собственниц земли, горожанок, ремесленниц, крестьянок). Роль матери в укреплении семьи представлялась тогда определяющей, и на нее, как на воспитательницу нравственности, целомудренности и послушания, возлагались надежды в семье [194, С.304-331].

Уважительное отношение матери в русских, как и в скандинавских традиционных семьях, было элементом нравственного воспитания и «народной педагогики», основывавшихся на закреплённых обычаях моделях повседневного поведения, личного примера. Девочки должны были видеть в матери образец для подражания. В свою очередь в старости матери могли

рассчитывать на внимание и заботу со стороны своих повзрослевших «чад». Если же дети не проявляли к матери должной заботы – на ее стороне и защите стояло общественное мнение и закон, предусматривавший наказывать детей, забывших свой долг по отношению к престарелой родительнице [207, С.457-460].

Важность материнской школы в формировании подрастающего поколения, доминирующий до двух лет индивидуальный способ воспитательного влияния на ребенка отражался в поморских пословицах: «Куда мать, туда и дитя»; «При солнышке тепло, а при матери – добро» [45, С.30 - 31]. «Мать, умей детей любить, чтоб их души не сгубить»; «Родная мать высоко замахивается, да не больно бьет» [194, С. 315].

Таким образом, материнство на Руси, подобно Швеции и Норвегии, считалось и благом, и тяжелой обязанностью. Православная церковь и народный обычай на протяжении веков формировали идеал женщины – многодетной матери и искусной хозяйки. Женщины в Поморье отдавали часть своего повседневного времени заботе о детях. В русской крестьянской семье воспитание детей происходило во время труда и досуга. Особенности русской семейной организации характеризовались большей устойчивостью межпоколенных связей, чем в Швеции и Норвегии, что означало значительное влияние старших женщин в доме (бабушек). Они отчасти «брали на себя воспитательную функцию», что находило выражение в уважительном, внимательном и доверительном к ним отношении со стороны детей и внуков. «Педагогика матерей и бабушек» концентрировала в себе постулаты православия и народные традиции, определявшие «норму поведения» между родительницами и их «чадами».

По мнению В.Б. Безгина, мать стремилась, прежде всего, передать дочери умение и навыки по ведению домашнего хозяйства. С детства русская крестьянская девочка была включена в напряженный трудовой ритм. Трудовое обучение в селе осуществлялось с учетом половозрастных особенностей. Русских девочек, как и девочек в традиционном крестьянском обществе

Швеции, Норвегии, обучали всему тому, что было необходимо уметь в быту. Трудолюбие высоко ценилось общественным мнением деревни. Оценка односельчанами девушки как работницы непременно учитывалась при выборе невесты. Если семья была многодетной, то старшие дети были обязаны приглядывать за своими младшими братьями и сестрами. Заменяя няnek, они должны были забавлять малюток, качать их в люльке, кормить кашей, поить молоком и давать соску. Малых детей, годовалых уже оставляли под присмотром старшей сестры, даже если ей и было лет пять [14].

При изучении историко-педагогического наследства на Русском Севере необходимо обратить внимание на то, что в традиционном крестьянском обществе главной целью воспитания девушек была подготовка к семейной жизни на основе народных семейных традиций. По мнению Т.С.Буториной, создание семьи было серьезным и ответственным шагом, к которому долго готовились [45, С.46].

Как показал анализ историко-педагогической литературы [14; 45; 161; 193; 194], на селе общение молодежи носило узкотерриториальный характер. Досуговое общение, ухаживание как один из способов досвадебной обрядности имели место на посиделках и вечеринках в зимнее время, на гуляньях – в летнее. Молодежь знакомилась и проводила время и в праздничные дни. Отмечается сдержанное поведение юношей и девушек во время праздников, гуляний и вечеринок. Вступление в интимные отношения до брака считалось позором. Роль родителей в создании молодой семьи была велика. Родительский выбор был неоспорим, молодежи редко предоставлялась свобода выбора. Случались исключения из правил, когда родители, заметив взаимную склонность детей друг к другу, могли вступать в переговоры. Перед сватовством обычно выяснялось материальное положение семьи невесты, репутация семьи, рассматривались личные качества девушки (трудолюбие, смирение, целомудрие и др.). Поэтому воспитание девочек в поморских семьях было направлено на формирование традиционных хозяйственно-бытовых умений необходимых для «кормилицы семьи» и навыков по уходу за ребенком.

Таким образом, практика женского воспитания в крестьянских семьях на Русском Севере осуществлялась на основе принципа половозрастной дифференциации и имела общие черты ценностных традиций с народами Швеции и Норвегии, таких как: включенность в трудовую деятельность в довольно раннем возрасте в рамках семейного коллектива и осознание важности труда для семейного производства, выработка в этой связи дисциплины и ответственности, а также других типических женских умений и навыков в системе отношений «мать – дочь» (рукоделие, огородничество, ремесло, уход за малолетними и т.д.).

Сравнительная характеристика ценностных традиций и установок в среде шведского, норвежского, северо-русского крестьянства была бы неполной без рассмотрения образовательно-воспитательных тенденций в этих регионах. Как показали научные исследования Т.А. Буториной, Н.В. Голиковой, М.А. Калининой, С.В. Заозерской, С.С. Щекиной и др. в силу специфических социокультурных условий развития северных регионов женская половина крестьянского населения получала в основном домашнее воспитание. По мнению Т.С. Буториной, образование, исторические знания и книжная культура были доступны русским крестьянкам за счет традиционного домашнего обучения, которое подкреплялось интересом к промысловой деятельности и традициями духовной культуры [44, С.13]. С.В. Заозерская в диссертационном исследовании приводит данные о грамотности женщин Архангельской губернии. В соответствии с переписью населения 1897г. общий процент женской грамотности равнялся 11, 7 %, из которых в селах было 8,6 % грамотных женщин, а в городах – 43,4 % [92, С.51]. Грамоте обучались женщины – владелицы крупных и мелких «коммерческих предприятий» после смерти мужа. Это было более характерно для купеческого и мещанского сословия до XIX в. [92, С.56].

Как показал анализ научной литературы (Л.Н. Беленчук, С.В. Заозерская, Л.М. Зотова и др.), крестьянские девочки в России XIX века могли получить азы грамотности в низших типах учебных заведений – приходских училищах.

Приходские училища организовывались при каждом приходе и финансировались церковью, государством, местным дворянством. Там обучали письму, чтению, Закону Божию, счету, домоводству. Срок обучения составлял один год. Учителями чаще всего были приходские священники. Организация школы по сословному принципу в дореволюционной России не давала возможности обучать детей дольше положенного срока [15, С.75 -78].

В 1893г. в Архангельской губернии насчитывалось 215 церковно-приходских школ, в которых обучалось 5737 учащихся, из них 1570 девочек, и 115 начальных школ, подведомственных Министерству народного просвещения, в которых обучалось 5655 человек, из которых 1378 девочек [92, С. 73]. С открытием Мариинской женской гимназии в 1848г. в Архангельске девушки, проживающие в данном регионе, смогли получать среднее образование. Согласно положению от 10 мая 1860 г., Мариинская женская гимназия была открыта «для приходящих учениц всех сословий и вероисповеданий» [92, С.90].

Таким образом, сравнительный анализ образовательно-воспитательных традиций на Русском Севере, Швеции и Норвегии показал значительные сходные тенденции в уважительном отношении к образованию среди крестьян. Как в Скандинавских странах, так и на Архангельском Севере девочки из крестьянского сословия обучались азам элементарной грамотности дома или в церковно-приходских школах до середины XIX века. Преобразования XIX века, затронувшие жизнь женщин не только в Скандинавских странах, но и в России, значительно расширили их возможности в получении систематического образования и способствовали распространению грамотности среди крестьян. Необходимо отметить, что крестьянский «люди», составляющий в XIX в. подавляющую массу шведского, норвежского и русского народа, крепко держался за старые обычаи. Поскольку «трудовой женский вклад» определял жизнь большинства крестьянских семей того времени, то многие родители (мужья) предпочитали видеть дочерей (жен) дома, помогающими по хозяйству. Как следствие, получение образования в школе не стало приоритетом для

многих в среде русского крестьянского сословья в XIX веке.

Подводя итоги сравнения ценностных традиций женского воспитания в Баренцевом Евро-Арктическом регионе необходимо отметить их **несомненные черты сходства**:

1) Приморское территориальное положение Скандинавии и Русского Севера, рыбные, зверобойные, соляные, лесные промыслы составляли во многом единообразную хозяйственную деятельность, которая оказывала существенное воздействие на характер семейного воспитания. В результате сходства жилищных и материальных условий в Евро-Арктическом регионе, основополагающей роли семьи и семейного наставничества, духовного и морального единства семьи, атмосферы трудолюбия, своеобразного этикета общения родителей с детьми, родственниками и соседями сложился этнопсихологический тип русского, шведского и норвежского характера, имеющего общие черты: жизнеспособность, смелость, настойчивость, терпимость и трудолюбие. Традиционные ценности в формировании нравственных качеств личности шведа, норвежца и русского крестьянина основывались на общечеловеческих идеалах добра, честности, справедливости, уважительном отношении к старшим, любви к Родине и родителям, стремлением прийти на помощь, а также формировании «экологического сознания».

2) Уклад жизни крестьянской семьи в Швеции, Норвегии и на Севере России отличался патриархальными нравами и крепкими семейными узами между ее членами. В XIX веке именно в крестьянской семье еще сохранялась иерархия и признавался родительский авторитет, обеспечивающий стабильность и преемственности знаний, опыта, народной культуры последующими поколениями. Этническая и религиозная составляющая в календарно-семейной обрядности, праздников, фольклора этих народов провозглашала во многом схожие ценностные традиции женского воспитания: духовно-нравственные и трудовые. Базисные характеристики духовно-нравственных ценностных традиций заключались в стремлении воспитать хозяйственную, скромную,

порядочную девушку, которая была готова к семейной жизни.

3) Требования к нравственной личности и нормам женского поведения определялись народной педагогикой, главным составляющим элементом которой была религия. В религиозной традиции жена должна была быть «домашним человеком» – воспитывать детей. Великий труд – вести дом, хозяйство целиком лежал на плечах женщины, как на Севере России, так и в Скандинавии.

Совершенствованию духовно-нравственных качеств в характере женщины содействовала четко определенная перспектива трудовой деятельности. Трудолюбие как наиболее ценностная традиция женского воспитания было присуще всем народам, в том числе шведскому, норвежскому и русскому. Строгое выполнение трудовых заданий, режим труда, оценка по конечному результату – все эти составляющие рождали отношения взаимной требовательности, коллективной ответственности в женском сообществе, организованность и дисциплину, дружескую взаимопомощь, к которой все крестьянские девочки были причастны.

4) Как показал анализ научных исследований [44, С.37-38; 107, С.108-121; глава II § 2 данного исследования и др.), предназначение быть матерью, поддерживалось на протяжении веков и церковью, и народным обычаем в Швеции и Норвегии, на Севере России. Повседневная жизнь крестьянок включала помимо хозяйственно-бытовых забот, сосредоточенность на детях. На матерях лежала обязанность по вскармливанию, выхаживанию, ограждению от заболеваний и воспитанию. Типическим образцом самореализации для подавляющего большинства крестьянских девушек являлся образ многодетной матери, высоко ценившийся в норвежском, шведском и русском обществе вплоть до XIX в. В этой связи цель практического женского воспитания среди крестьян в XIX определялась как подготовка к семейной жизни, рождению и воспитанию детей. Значимой и важной составляющей материнского воспитания было поддержание теплых, эмоциональных отношений между родителями и детьми.

5) Одна из важных ценностных традиций женского воспитания была связана с домашним обучением грамоте, фольклору, передачей обычаев и обрядов в рамках семьи. Главным педагогом у шведского, русского и норвежского народа, хранительницей духовных сокровищ выступала женщина, что подтверждается научными исследованиями (Т.С. Буторина, М.А. Калинина, Н.Л. Пушкарева, С.С. Щекина и др.), данной работой (гл. II § 3).

Обращая внимание на несомненные черты сходства ценностных традиций женского воспитания, следует сделать вывод о том, что существует ряд факторов, разделяющий народы (русский, норвежский и шведский). Каждый имеет свой язык, свой исторический путь развития, свои культурные и религиозные особенности, которые определяют не только сходства, но и ***различия в традициях женского воспитания:***

1) Различия в ценностных традициях женского воспитания в крестьянской семье Швеции, Норвегии и Архангельского Севера, по нашему мнению, определялись религиозными положениями протестантской и христианской религии. Обе религии выделяли семью как нравственную основу общества, мужа – как главу семейства, предполагали любовь и уважение между супругами, счастье «чадородения», но только в русской православной традиции семью называли малой церковью. Если учение М. Лютера «определяло» жену помощницей мужу, то в православии «союз мужчины и женщины в Священном Писании всегда сравнивался с союзом Христа и Церкви. Высочайшее духовное предназначение этого союза подтверждалось тем, что благодать объединяет двух людей в единую плоть» [189, С.26]. Такой взгляд на семейный союз, по нашему мнению, обусловил различные установки на воспитание нравственных женских качеств и нормы поведения. Воплощение идеала женственности в Скандинавских странах заключалось в культивировании не только таких нравственных качеств личности, как добродетельность (М.А. Калинина, Т.В. Касимова, В.Н. Новикова и др.), честность, чувство ответственности, трудолюбие и многих других, но предполагало также воспитание твердой воли, независимости в суждениях и

поступках, разума в характере скандинавской женщины [236, С. 555, 565]. Этнопедагогические традиции русского народа выделяли, прежде всего, ценности терпения, послушания, смирения, милосердия, снисходительности, целомудрия. Как указано в исследовании Н.Л. Пушкаревой, «властность русской женщины не ассоциировалась с образом многодетной матери» [194, С. 356].

Отличие нравственных качеств, по нашему мнению, определило различный подход в традициях женского воспитания. Как показал анализ научной литературы (Е.Н. Водовозова, М.А. Калинина, Е.Я. Кулакова-Грот, гл. II § 3 в данной работе, С. Меч, М.Н. Миттерауер и др.), девушкам в крестьянских семьях Скандинавии предоставлялась значительная свобода наравне с братьями. Девушки, как и юноши, в пору отрочества могли работать независимо и вести экономически самостоятельную от родителей жизнь (часто под присмотром брата или другого родственника) для того, чтобы заработать на будущее приданое или помочь семье.

Как показал анализ научных отечественных источников (С.Т. Буторина, З.З. Мухина и др.), русские этнопедагогические традиции воспитания предполагали более строгие требования к женскому целомудию, меньшую свободу в выборе жениха, «присмотр за девушками на выданье со стороны родителей», что подтверждается русскими пословицами: «Стерпится—слюбится», «Срастется, так и заживет» др.

2) Сравнивая особенности семейной организации на Архангельском Севере (в русской православной традиции) со скандинавскими странами (Швецией и Норвегией), необходимо особо подчеркнуть более тесные межкополенные связи внутри семьи (в системе отношений: бабушки, дедушки – дети - внуки). «Педагогика матерей и бабушек» концентрировала в себе постулаты православия и народные традиции. В результате такого воспитания формировалось взаимоуважительное, внимательное и доверительное отношение не только к своим близким престарелым родственникам, но и ко всем пожилым людям как отражение духовно-нравственных традиций

женского воспитания, «впитанных с молоком матери».

Выводы по второй главе

2.1. Основу духовно-нравственных ценностных традиций женского воспитания Швеции составляли положения протестантского учения Мартина Лютера. Высшей ценностью для шведского народа выступала любовь к родителям и почитание старших. Совокупность протестантских этических требований предполагала, прежде всего, воспитание независимой личности, отличавшейся свободой нравственного самоопределения, автономией суждений и поступков. Развитие нравственных чувств, выработка навыков и привычек нравственного поведения в крестьянском обществе были направлены на формирование основных добродетелей: честности по отношению к людям и делу, трудолюбия, умеренности во всем, бережливости, послушания, стремления избегать конфликтов.

Протестантская трудовая этика способствовала формированию позитивного отношения к повседневной трудовой деятельности. Труд для шведов являлся важнейшей жизненной ценностью, священным долгом перед Богом, обществом и самим человеком.

Многовековые ценностные традиции, сформировавшие национальный шведский характер, передавались в семье, где происходило становление мировоззрения личности и познание положений христианской религии. Согласно учению М. Лютера, брачный союз был почитен, заповедан Богом, приучал супругов к труду и самопожертвованию, способствовал упражнению в христианской любви. Долгом родителей была забота о христианском воспитании и образовании детей.

2.2. Уклад жизни семьи представлял собой воспитательную среду, в которой протекала повседневная реальность крестьянских детей. Национальный быт шведской крестьянской семьи характеризовался простотой, практичностью и бережливостью. Для поддержания натурального крестьянского хозяйства в XIX веке требовались обширные практические навыки. Они передавались в

процессе совместной деятельности родителей и детей. Между родителями и детьми господствовал дух святости патриархальных отношений. Семейное воспитание основывалось на важнейших принципах, присущих большинству шведских семей: национальная самобытность, прочность, родственная любовь, общность духовно-нравственных интересов. Авторитет отца как хозяина, кормильца и главы семьи был непререкаемым, что определялось канонами религиозной протестантской этики; власть матери сводилась к ее нравственному авторитету как родительницы и воспитательницы. Именно шведской женщине принадлежала первенствующая роль в передаче знаний, ритуализации традиций. Как показал анализ научной литературы, историко-культурным фактором, который в рассматриваемый период имел важное значение для формирования ценностных установок крестьянской молодежи в обществе, являлся высокий уровень грамотности. Распространение грамотности имело давнюю историю, происходило под влиянием церкви с XVII в., приобрело всеобщий характер, передавалось из поколения в поколение внутри семьи благодаря усилиям женской половины. Традиционные взаимоотношения с окружающими людьми базировались на идеях взаимоуважения и терпимости, любви к Родине и природе, верности традициям, собственном достоинстве, щедрости и гостеприимстве.

2.3. Основопологающей идеей ценностных традиций женского воспитания являлась идея о значимости семьи. В семейно-брачной сфере крестьянская женщина реализовала социальные роли жены-хозяйки-матери. На интериоризацию этих моделей поведения было направлено воспитание девочек в традиционном крестьянском обществе. Жена поддерживала целостность семьи, гармонию семейных отношений. В идеале ей следовало быть верной, терпеливой, заботливой. Образ хозяйки ассоциировался с хранительницей домашнего очага, которая умело распоряжалась домашними ресурсами и осуществляла значительный вклад в бюджет семьи. Функция женщины как матери включала рождение и заботу о детях, обучение их практическим

навыкам, развитие умственных и физических способностей, необходимых в последующей трудовой и социальной деятельности.

2.4. На реализацию духовно-нравственных и трудовых ценностных традиций шведского народа была направлена практика женского воспитания. Поскольку высокий статус шведской крестьянки определялся ее производственной и репродуктивной функцией в рамках семьи как экономической единицы, то главная цель воспитания девочек заключалась в их подготовке к будущей семейной жизни. С шести-семилетнего возраста начиналось приобщение к трудовой деятельности, которая осуществлялась с учетом особенностей возраста в контексте жизни (связано с реальными жизненными событиями). В шестнадцать лет девушка достигала совершеннолетия (Е.В. Водовозова, М. Миттерауер и др.), то есть становилась зрелой личностью, способной выполнять необходимые в крестьянском обществе социальные функции взрослого человека. Специфика инициации девочек в традиционном шведском обществе XIX в., отграничивающая периоды отрочества и взрослости, была связана с обрядом конфирмации.

2.5. В результате сходства жилищных и материальных условий в Евро-Арктическом регионе, основополагающей роли семьи и семейного наставничества, духовного и морального единства семьи, атмосферы трудолюбия, своеобразного этикета общения родителей с детьми, родственниками и соседями сложился этнопсихологический тип русского, шведского и норвежского характера, имеющего общие черты: жизнеспособность, смелость, настойчивость, терпимость и трудолюбие. Уклад жизни крестьянской семьи в Швеции, Норвегии и на Севере России отличался патриархальными нравами и крепкими семейными узами между ее членами. В XIX веке именно в крестьянской семье еще сохранялась иерархия и признавался родительский авторитет, обеспечивающий стабильность и преемственность знаний, опыта, народной культуры последующими поколениями. Этническая и религиозная составляющая календарно-семейной обрядности, праздников, фольклора этих народов провозглашала во многом

схожие ценностные традиции женского воспитания: духовно-нравственные и трудовые. Базисные характеристики духовнонравственных ценностных традиций заключались в воспитании хозяйственной, скромной, порядочной девушки, которая была готова к семейной жизни. Требования к нравственности личности и нормам женского поведения определялись народной педагогикой, главным составляющим элементом которой была религия. В религиозной традиции жена должна была быть домашним человеком – воспитывать детей. Великий труд – вести дом, хозяйство целиком лежал на плечах женщины, как на Севере России, так и в Скандинавии.

Совершенствованию духовно-нравственных женских качеств содействовала четко определенная перспектива трудовой деятельности. Трудолюбие как наиболее ценностная традиция женского воспитания было присуще всем народам, в том числе шведскому, норвежскому и русскому.

Предназначение женщины быть матерью поддерживалось на протяжении веков и церковью, и народными обычаями в Швеции, Норвегии, на Севере России. Типичным образцом самореализации для подавляющего большинства крестьянских девушек являлся образ многодетной матери, высоко ценившийся в норвежском, шведском и русском обществе. Одна из важных ценностных традиций женского воспитания связана с домашним обучением грамоте, фольклору, передаче обычаев и обрядов в рамках семьи. Главным педагогом у шведского, русского и норвежского народов, хранительницей духовных сокровищ выступала женщина.

Заключение

Последние десятилетия XXI века характеризуются высокой динамикой развития международных отношений на Европейском Севере, меняются их формат и масштабы, появляются новые возможности: увеличивается финансирование студенческой академической мобильности в рамках стран Северной Европы; реализуются совместные проекты; создаются научно-образовательных центры и организуются летние школы; развивается туризм; расширяются деловые контакты. Особое внимание исследователей привлекает поиск ценностных оснований воспитания и образования молодежи для развития перспективы будущего стран Баренцева Евро-Арктического региона. Отличительным признаком современности является активное участие женщин в политической и интеллектуальной жизни общества. Их весомая роль в принятии решений на государственном уровне и экономический вклад в содержание семьи, реализация творческого потенциала как в домашней сфере, так и в профессиональной деятельности приобретают несомненную значимость. В связи с этим актуальными становятся педагогические исследования, посвященные истории и традициям воспитания, которые предопределили социальное положение и облик современной женщины.

Научный интерес к исследованию традиций женского воспитания и образования подтверждается циклом работ, посвященных изучению позитивного историко-педагогического опыта с позиций взаимовлияния этнопедагогических культур, которые выполнены под руководством доктора педагогических наук Т.С. Буториной. В проведенных научных исследованиях доказано, что на Русском Севере, в Северной Европе женское образование и воспитание имело общие черты и основывалось на системе общечеловеческих нравственных ценностей. Идеал женщины как хранительницы семейных традиций имел большое значение, так как являлся основой семейного воспитания, определял уклад жизни, передачу подрастающим поколениям производственного, духовно-нравственного опыта, накопленного предшествующими поколениями.

Несмотря на изучение и обобщение воспитательных традиций, присущих традиционному крестьянскому обществу, в педагогической науке отсутствуют обобщающие историко-педагогические исследования, посвященные вопросам женского воспитания и образования в Швеции. Выявление концептуального своеобразия ценностных традиций женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века в рамках работ по истории педагогики о национальных традициях женского воспитания определило цель данного исследования.

В ходе исследования было рассмотрено понятие «ценностные традиции» с позиций философского, педагогического и социокультурного подходов как объективных, наиболее значимых и общественно-одобряемых идей и принципов, которые способствовали преемственности и сохранению в течение нескольких поколений типичных качеств женского национального характера, особенностей воспитания в традиционном шведском обществе.

Ценностные традиции женского воспитания в Швеции XIX века сложились в результате экономического и социально-культурного развития шведского общества. XIX век представлял собой переходный период в истории Шведского Королевства от аграрной к индустриальной экономике. Изменения происходили быстрыми темпами. Увеличение численности женского населения привело к избытку женских трудовых ресурсов, появлению для них новых профессий. Шведские женщины разного социального происхождения принимали активное участие в общественно-политической жизни страны: инициировали принятие более прогрессивных юридических законов, способствовали реформированию системы образования, стали организаторами народных движений. Преобразования законодательной базы кардинальным образом изменили их социальный статус. На основе инициативных женских групп, образовавшихся в XIX веке, сформировались влиятельные национальные ассоциации. Их деятельность повлияла на формирование новых ценностных ориентаций всего женского населения Швеции в XIX в., способствовала созданию условий для полноценной реализации шведских женщин в обществе и в частной, домашней сфере в XX – XXI вв. (Шведская

федерация женщин, сложившаяся на основе Шведского спортивного союз; Либеральная Народная женская партия; Союз Домохозяек и др.).

Дискуссии о социальной роли женщины в обществе и сопутствующих им правах, и обязанностях возникали под влиянием идей западноевропейских философов О. Конта, Д.С. Милля, Г. Спенсера, М. Уоллстонкрафт и др. Развитие философско-педагогической мысли Швеции XIX века характеризовалось двумя основополагающими тенденциями. Одна отражала национальные основы общинного и семейного воспитания. Ее сторонники определяли ядром ценностной иерархии личность в ее уникальности, индивидуальности, свободолюбии (Э.Г. Гейер, Ф. Бремер, Э.С.К. Кей и др.). Приоритетами для них являлись этические проблемы, прежде всего, гармоничное развитие женской личности, реализация идеи материнства, воспитание детей как главного предназначения женщины. Вторая тенденция развития философско-педагогической мысли в Швеции XIX века была связана с распространением либеральных идей и зарождением феминистской теории, представители которой критиковали традиционную роль женщины в обществе (С. Адлеспарре, Л. Альмквист, Р. Оливеркруна, Л. Дальгрэн, Э. Фриез, А.Х. Ретцзиус и др.). Главными положениями программы феминисток стали: доступность образования, свобода выбора профессии или карьеры и т.п.

«Принцип личности» Э.Г. Гейера стал основополагающим исходным философским принципом, который определил национальное самосознание шведов на десятилетия, и даже столетия вперед. Он означал свободное развитие индивидуальности, стремящейся к взаимодействию с другими людьми и совершенствованию природных способностей на благо шведского народа. С изменением ценностной шкалы на первый план выдвинулся новый воспитательный идеал – формирование характера ребенка в условиях любви и уважения к его личности со стороны воспитателей, педагогов, родителей. Именно *созидание* свободной, самостоятельной, творческой личности, по мнению шведских педагогов, было возможно с помощью благотворного влияния домашней обстановки. Семья является неприкосновенным

фундаментом; основой жизни, в которой, по мнению Э.Г. Гейера, «ростки государства и гражданственности черпают силу и обретают надежду».

Духовные ценности свободы, самореализации, самопознания, и для женщин в том числе, обнаружили свою жизненную значимость в XIX-XX веках потому, что соответствовали шведской этнической идентичности. Особенности национального самосознания шведов складывались в условиях отсутствия в стране крепостного права и наличия значительных масс лично свободных крестьян, которые воспитывались в духе свободолюбия и уважения нравственных начал. Воплощение нравственных принципов в практической деятельности было традиционно для шведского крестьянства.

В ходе исследования для получения широкой и достоверной научной картины об укладе жизни крестьянской семьи, положении женщины в традиционном обществе и воспитании девочек, помимо произведений шведских философов, педагогов XIX-XX вв., в качестве первоисточников нами были изучены законодательные акты о браке 1734, 1858 гг., шведская конституция – 1898г., архивные материалы (Landslagar – ист. шведские законы страны), женские журналы («Tidskrift för hemmet» (издается с 1859 г.), «Pedagogisk Tidskrift» (с 1865г.)), культурно-исторические журналы («Fataburen», «Jämten», «Kalmar län»), «поучительная литература» для девочек, отрывки из дневников крестьян (которые вели, в основном, мужчины). Все эти документы на языке оригинала позволили более детально проанализировать уклад жизни шведского крестьянства и описать практику женского воспитания в крестьянской семье Швеции XIX века, которая является малоизученной темой как в шведской, так и отечественной научно-педагогической литературе.

Рассмотрев условия возникновения протестантской этики в Швеции, мы сделали вывод о том, что именно протестантская вера заложила принцип верховенства индивидуума над коллективом, наделила свободного индивида чувством социальной ответственности и определила основы духовно-нравственных традиций женского воспитания, представленных такими

качествами характера, как честность, практичность, порядочность, трудолюбие, умеренность во всем.

Главной ценностью в сознании шведских крестьян была семья. Как уникальная общность людей, связанных отношениями супружества, родительства, совместного ведения хозяйства, она имела самое большое влияние на формирование личности ребенка. В диссертации доказано, что уклад жизни семьи представлял собой воспитательную среду, в которой протекало повседневное общение крестьянских детей. Национальный быт шведской крестьянской семьи характеризовался простотой, практичностью и бережливостью. Для поддержания натурального крестьянского хозяйства в XIX веке требовались обширные практические навыки. Они передавались в процессе совместной деятельности родителей и детей. Между родителями и детьми господствовал дух святости патриархальных отношений. В исследуемый период в крестьянской семье существовала строгая иерархия: главой семьи считался отец. Авторитет отца был непререкаемым, что определялось канонами религиозной протестантской этики как хозяина, кормильца и главы семьи; власть матери сводилась к ее нравственному авторитету как родительницы и воспитательницы. Проанализировав в ходе нашего исследования положение женщины в традиционном крестьянском обществе, мы можем утверждать, что в общественном сознании шведов, несмотря на многочисленные правовые ограничения и табу в отношении представительниц «крестьянского сословия», признавалась их значительная социальная роль. На основе обобщения правовых актов и систематизации научно-исследовательских фактов, в диссертации подтверждена выдвинутая гипотеза о том, что в традиционном крестьянском обществе шведская женщина являлась «именно той сильной женщиной», которой был присущ статус активной и самостоятельной личности. Своеобразие ценностных традиций женского воспитания в Швеции заключалось в наличии такого феномена, как «двойное лидерство» в крестьянской семье, который сложился благодаря экономическому вкладу женщины в «семейный бюджет»; ее нравственному

авторитету в женском сообществе, среди родственников и наемных служащих; ведущей роли в воспитании своих и приемных детей и др.

Эгалитарные отношения между супругами в крестьянской семье Швеции XIX века, высокий статус женщины, определяемый ее социально-воспитательной и производственной функцией в домашнем хозяйстве и земледельческих работах, обусловили преобладание активной общественной позиции шведских женщин, возрастание их влияния и расширение социально-значимой деятельности в различных сферах общества: педагогике, предпринимательстве, культуре, политике – тенденциях, получивших развитие в XX - XXI веках.

Представленный в диссертации анализ сравнения традиций женского воспитания в русской, шведской, норвежской крестьянской семье XIX века доказал актуальность данного исследования. В контексте взаимодействия государств Баренцева Евро-Арктического региона, являющегося северной версией общеевропейского интеграционного процесса, представляется наиболее значимым исследование роли женщины в обществе на современном этапе развития. Интерпретация тех изменений, которые происходят сегодня во взглядах женщин, их социальном статусе, была бы невозможна без теоретического анализа этнокультурных (национальных) обычаев и ценностных традиций женского воспитания, которые фокусируют набор моделей поведения как «своеобразную эстафету», обеспечивающую преемственную связь поколений.

Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов изучаемой проблемы и может служить теоретической базой для историко-педагогического изучения ряда вопросов, требующих дальнейшего научного осмысления, таких как: анализ содержания педагогической подготовки в женских образовательных заведениях; характеристика женской составляющей в системе календарной обрядовой практики; изучение различных аспектов женского творчества в традиционной культуре; трансформация социального статуса мужчин и женщин, опосредованная историко-педагогическим опытом. В свете

расширения международного сотрудничества стран на Севере Европы темы «женского», «женщины», ее вклада в духовно-нравственное, гармоничное развитие общества с точки зрения этнической культуры и педагогического наследия России в сравнении со Швецией, Норвегией, Финляндией могут стать предметом для дальнейшего самостоятельного научного исследования.

Содержащиеся в работе теоретические положения и выводы могут служить основой для разработки программ спецкурсов по проблемам истории женского образования в Швеции и России, сравнительного изучения педагогических проблем в странах Северной Европы. Материалы исследования будут востребованы при анализе специфических особенностей и общих тенденций развития женского воспитания и образования народов в рамках северного измерения с целью расширения культурного сотрудничества, углубления взаимопонимания и установления «общей идентичности между народами на Севере Европы».

Список использованной литературы:

1. Абаза, В. А. Посольство в Швецию в 1873 году. (Отрывок из воспоминаний) [Текст] / В. А. Абаза // Исторический вестник. – 1887. – Т. 28, № 5. – С. 316–334.
2. Ананьин, С. А. Очерки по педагогике средней школы: Образовательные идеалы нашего времени [Текст] / С.А. Ананьин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. - №1. – С. 56 – 93.
3. Андерзен, С. Вера - помеха или помощь в христианском образовании? [Текст] / Свеча - 99 [Текст] : сб. науч. и метод. ст. по религиоведению и культурологии / [Отв. ред. Е. И. Аринин]; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1999. — Вып. 1 : Экология духа. – С. 13 - 29.
4. Андерсон, И. История Швеции [Текст] / Пер. с шведск. Н. А. Каринцева; под ред. и с предисловием Я. Я. Зутиса. — М.: Издательство иностранной литературы, 1951. — 409 с.
5. Аннерс, Э. История европейского права [Текст] / Эрик Аннерс ; [пер. со швед.]. – Москва : Наука, 1994. – 394, [1] с. : ил.
6. Аргунова, Г. А. Формирование духовно – нравственных ценностных ориентаций подрастающего поколения на морально – этических традициях адыгов. Дис. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Карачаевск, 2005. – 195.
7. Арцимович, А. В. Задачи и условия народных школ в Швеции : Из путевых заметок о поездке на Стокгольм. выставку 1897 г. Анны Викторовны Арцимович : [Сообщ. сдел. на общ. собр.чл. О –ва поощрения жен. Проф. образования 13 – го января 1898 г.]. – Санкт – Петербург : М. С. Скребницкая, 1898. – 23, [2] с.
8. Ассонов, В. Высшие народные школы в Швеции / В. Ассонов // Народная школа. – 1873. - № 7. – С. 65 – 68.
9. Асташова, Н. А. Концептуальные основы педагогической аксиологии [Текст] / Н. А. Асташова // Педагогика. – 2002. – № 8. – С. 8–13.

10. Ахмадиева, Р. М. Этнокультурные традиции как ресурс оптимизации педагогических функций современной семьи : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Казанский. государственный университет культуры и искусств. – Казань, 2006. – 30 с.
11. Ахметишина, Р. И. Аграрные реформы в Швеции XVIII-XIX веков и их последствия [Текст] / Р. И. Ахметишина // Новая и новейшая история. – 2005. – № 1. – С. 80–93.
12. Байрамкулова, А. Х. Трудовое воспитание в карачаевской народной педагогике [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Байрамкулова Аминат Хутовна. – Махачкала : [б. и.], – 2004. – 23с.
13. Барбур, И. Этика и век технологии [Текст] / Иен Барбур ; [пер. с англ.: А. Киселев] – Москва : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2001. – 380 с. – (Богословие и наука).
14. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) [Электронный ресурс] / Безгин Владимир Борисович. – (Библиотека Гумер) – [URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/) (дата обращения : 25.05.2013).
15. Беленчук, Л. Н. История отечественной педагогики : учеб. пособие. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. – 182 с.
16. Березина, Т. А. Роль женщины в шведской семье (традиции и современность) [Текст] / Т. А. Березина // Женщина и свобода : пути выбора в мире традиций и перемен : материалы междунар. конф., 1993 г. / Рос. АН, Ин-т этнологии и антропологии ; [редкол.: В. А. Тишков (отв. ред.) и др. ; введ. В. Тишкова]. – Москва, 1994. – С. 287–293.
17. Березина, Т. А. Шведы [Текст] / Т. А. Березина // Расы и народы (современные этнические и расовые проблемы) : ежегодник / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва, 1978. – Вып. 8. – С. 272-279.
18. Березина, Т. А. Шведы [Текст] / Т. А. Березина, М. Н. Морозова // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / [Г. И. Анохин, Т. А. Березина,

Ю. В. Иванова и др.] ; отв. ред. Ю. В. Иванова [и др.] ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва, 1990. – С. 276.

19. Берсенева, Т. В. Уклад жизни как объект педагогического исследования [Электронный ресурс] / Известия Российского педагогического университета им. А.И. Герцена : [электронный журнал]. – 2008. – Вып. 59. - – [URL : http://cyberleninka.ru/article/n/uklad-zhizni-kak-obekt-pedagogicheskogo-issledovaniya](http://cyberleninka.ru/article/n/uklad-zhizni-kak-obekt-pedagogicheskogo-issledovaniya)

20. Берендтс, Э. Н. Государственное хозяйство Швеции [Текст] / Э. Н. Берендтс. – Санкт-Петербург. : Типо-литография Р. Голике, 1890. – Ч. 1. – 861 с.

21. Бердяев, Н. А. Дух и реальность [Текст] / Н. А. Бердяев. – Москва : Изд-во АСТ, 2011. – 664 с. – (Philosophy).

22. Бердяев, Н. А. Самопознание [Текст] : [сборник] / Н. А. Бердяев ; [сост., авт. вступ. ст., с. 3–18, А. А. Ермичев]. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 395, [2] с.

23. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря [Текст] / Н. А. Бердяев ; [сост. и послесл. П. В. Алексеева ; подгот. текста и примеч.] Р. К. Медведевой. – Москва : Респ., 1995. – 383 с. : ил. – (Мыслители XX века).

24. Берлин, П. Эти странные шведы [Текст] / Петер Берлин ; пер. с англ. Ростислава Золотарева. - Москва : Эгмонт Россия, 2001. – 95, [1] с. : карты ; 18. – (Внимание : иностранцы!).

25. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни общины XIX - начала XX в. [Текст] : Половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. - Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. - 277 с.

26. Бернштам, Т. А. Приходская жизнь русской деревни [Текст] : очерки по церковной этнографии / Т.А. Бернштам ; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). - Санкт-Петербург : МАЭ РАН : Петербургское востоковедение, 2007. - 413, [3] с., [12] л. ил. : ил. ; 25. - (Ethnographica Petropolitana).

27. Бернштам, Т. А. Народная культура Поморья [Текст] : [сборник] / Т. А. Бернштам ; [авт. вступ. ст. : В. А. Лапин]. - Москва : Фонд поддержки

экономического развития стран СНГ, 2008. - 427, [1] с. : ил., карты ; 21 см. - (Ломоносовская библиотека / редкол. : С. М. Миронов (пред.) [и др.]). - Библиогр.: с. 404-419, и в подстроч. примеч. Библиография Т. А. Бернштам: с. 420-428. - Содерж.: Русская народная культура Поморья в начале XIX - начале XX в. : очерки ; Виноградье - песня и обряд. (Совместно с В. А. Лапиным) ; Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX - начале XX в.

28. Бесаева, А. Г. Осетинские этнокультурные традиции как содержательная основа нравственного воспитания младших школьников : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Сев.-Осет. гос. ун-т. - Владикавказ, 2005. – 22 с.

29. Бим – Бад, Б. М. Воспитание человека обществом и общества человеком [Текст] / Б.М. Бим – Бад // Педагогика. – 1996. - № 5. – С.3 – 9.

30. Бим – Бад, Б. М. Модернизация института семьи : социологический, экономический и антропологический анализ [Текст] / Б. М. Бим –Бад, С. Н. Гавров. – Москва : Интеллектуальная книга : Новый хронограф, 2010. – 351 с.

31. Богданович, Т. Страна, правительство и народ в Швеции. СПб: Типография Н.Н.Клобукова. -1906. – 96.

32. Богуславский, М. В. Развитие ценностных оснований отечественной теории воспитания : историко – педагогический контекст [Текст] / М. В. Богуславский / Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 1. – С. 7-12.

33. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // СЛОВАРИ. 299.RU / Проект 299.ru Хостинг. – 2004 – 2013. – [URL](http://slovari.299.ru/enc.php) : <http://slovari.299.ru/enc.php> (дата обращения : 24.05.2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.

34. Бондаревская, Е. В. Ценностные основания личностно ориентированного воспитания [Текст] / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 1995. – № 4. – С. 29–36.

35. Бондырева, С. К. Традиции : стабильность и преемственность в жизни общества [Текст] : учеб. пособие / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М. : Изд.

Моск. психолого – социальн. ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. – 280 с. – (Библиотека студента).

36. Борисова, Е. Мудрость народной педагогики [Текст] : о традициях воспитания детей в русской крестьянской семье / Е. Борисова // Народное образование. – 1998. – № 9 – 10. – С. 74 – 76.

37. Брак и семья у русских (XII – начало XX века) / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо – Маклая РАН / М. : Наука, 1999. – Ч. 2, гл. XII. : Семья и семейный быт. – С. 416 – 464.

38. Брачность, рождаемость, семья за три века [Текст] : сб. статей. Переводы / Научно-исслед. ин-т центр. стат. упр. СССР, Отд-ние. демографии / под ред. и с предисл. А. Г. Вишневого и И. С. Кона. – Москва : Статистика, 1979. – 183 с. : ил. – (Новое в зарубежной демографии). – Библиогр. в конце ст.

39. Брюзова, Т. А. Этнокультурные традиции русского народа в формировании нравственно ориентированной личности школьников 5-9 классов : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Пед. акад. последипломного образования. - Москва, 2005. - 26 с.

40. Булатов, В. Н. Русский Север [В 3 книгах]. Кн. 3. Поморье (XVI–начало XVIII в.) / В. Н. Булатов ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск : Издательство Поморского государственного университетата, 1999 – 332,[2] с. : ил., портр. – Библиогр. : с. 293–334.

41. Булгарин, Ф. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году : в 2 частях / Ф. Булгарин. – Санкт-Петербург : Типография Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, 1839. – .

Ч. 1. – 274 с.;

Ч. 2. – 391 с.

42. Буторина, Т. С. Ломоносов и педагогика [Текст] / Т. С. Буторина ; Помор. междунар. пед. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ломоносов. фонд. - Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. – 223 с. : [1] л. портр. – Библиогр.: с. 178–181.

43. Буторина, Т. С. Образовательные традиции Русского Севера как основа педагогических инноваций [Текст] / Т. С. Буторина // О нежных нравах и добром воспитании : (Методические материалы для работы с родителями) / Т. С. Буторина. – Архангельск, 2001. – С. 5–11.
44. Буторина, Т. С. Педагогическая регионология [Текст] : науч.-метод. пособие / Т. С. Буторина ; Арханг. гос. техн. ун-т [и др.]. – Архангельск : [б. и.], 2000. – 68 с. - Библиогр.: с. 66–68.
45. Буторина, Т. С. Поморская семья – основа народной педагогики [Текст] / Т. С. Буторина, С. С. Щекина ; Арханг. обл. ин-т переподгот. и повышения квалификации работников образования. – Архангельск : АО ИППК, 1999. - 101 с. - ISBN 5-85151-045-5 :18.00р. В надзаг.: М-во образования РФ, Департамент образования адм. Арханг. обл., Арханг. обл. ин-т переподгот. и повышения квалификации работников образования, Ломоносов. гуманитар. центр.
46. Валеев, А. А. Теория и практика свободного воспитания в зарубежной педагогике (XX в.) : монография. – Москва : АРКТИ, 2007. – 318 с.
47. Васильцова, З. П. Мудрые заповеди народной педагогики [Текст] : (Заметки журналиста) / З. П. Васильцова. – Москва : Педагогика, 1983. – 137,[5]с.
48. Вебер, М. Избранное. Образ общества [Текст] : [пер. с немецкого] / М. Вебер. – Москва: Юрист, 1994. – 70 с. – (Лики культуры: ЛК). - Библиогр. в примеч. в конце работ.
49. Вебер, М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. – 656 с. – (Книга света).
50. Вегас, Х. М. Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма [Текст] / Х. М. Вегас. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та ; Изд-во Рус. христ. гум. акад., 2007. – 225 с.
51. Вейбуль, Й. Краткая история Швеции [Текст] / Й. Вейбуль. – Издано Швед. ин-том совместно с изд-вом «Бри Бэккер», 1994. – 162 с.
52. Великие мыслители Запада = Great thinkers of the western world : гл. идеи и соч. более 100 выдающихся зап. философов, естествоиспытателей и

- обществоведов, психологов, духов. писателей и богословов [Текст] / под ред. Я. Мак-Грилла ; [пер. с англ. В. Федорина]. – Москва : КРОН-ПРЕСС, 1999. – 798 с. – (Академия).
53. Вессен, Э. Скандинавские языки = De nordiska språken / Э. Весен ; пер. со 2-го швед. изд. и примеч. С. С. Масловой-Лашанской ; под ред. и с предисл. С. Д. Кацнельсона. – Москва : УРСС, 2005. – 166, [2] с. – (Языки народов мира).
54. Вестин, Б. Детская литература в Швеции [Текст] / Буэль Вестин ; пер. со швед. Т. Доброницкой. – [3-е изд., испр. и доп.]. – Москва : Журн. «Дет. лит.» ; Стокгольм : Швед. ин-т, 1999. – 72 с.
55. Виноградов, П. Г. Борьба за школу на Скандинавском Севере [Текст] / П. Г. Виноградов. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – 37 с.
56. Водовозова, Е. Н. Как люди на белом свете живут. Шведы и норвежцы [Текст] / Е. Н. Водовозова. – Петроград : Тип. А. А. Гольдберга, 1915. – С. 105–147.
57. Волков, Г. Н. Этнопедагогическое осмысление общечеловеческих ценностей [Электронный ресурс] / Геннадий Волков. – (Научные обсуждения) // Развитие личности : [электронный журнал]. – 2003. - № 2. – URL : <http://rl-online.ru/articles/2-03/124.html> (дата обращения : 25.05.2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
58. Всемирная энциклопедия : философия [Текст] / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Москва : АСТ ; Минск. : Харвест, Современ. литератор, 2001. – 1312 с.
59. Всеобщая история костюма от древности до Нового времени. – М. : Изд – во Эксмо, 2005. – 464 с.
60. Вуколов, Н. Почему «шведский стол» родился в Швеции [Текст] / Николай Вуколов // Эхо планеты. – 2004. – № 12. – С. 34–36.
61. Вульфсон, Б. Л. Нравственное и гражданское воспитание в России и на Западе [Текст] : актуальные проблемы / Б.Л. Вульфсон ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – Москва : [Московский психолого-социальный институт], 2008. - 330, [2].

62. Выжлецов, Г. П. Духовные ценности и судьба России [Текст] / Г. П. Выжлецов // Социально-гуманитарные знания. – 1995. – № 3–6. – С. 17-32.
63. Гагаев, А. А. Русские философско-педагогические учения XVIII – XX веков: культурно-исторический аспект /А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. - Москва : Рус. слово, 2002 (Вологда : ПФ Полиграфист). – 462, [1] с.
64. Гиллис, Г. Шведы – какие мы, и почему мы такие, какие мы есть [Текст] / Г. Гиллис – [Б. м.] : KonsultforlagetAB, 1991. – 91 с.
65. Гирфанова, Л. П. Системный подход к общечеловеческим ценностям как обобщенным целям образования [Электронный ресурс] / Л. П. Гирфанова – (Образование и культура) // Педагогический журнал Башкортостана : электронный журнал. – 2010. – № 4 (29), ч. 2. – С. 173–184 : рис., табл. – Библиогр. : с. 184 (6 назв.). – URL : <http://www.ivagant.ru/catalog/product/4-2-29--2010-pedagogicheskii-zhurnal-baschkortostana-28262/> (дата обращения : 23.05.2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
66. Глинский, Б. Б. Права и обязанности женщин [Текст] / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1896. – Т. 66. – С. 245-292.
67. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности [Текст] : [сборник] : пер. англ. и фр. / [сост.: Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева; ввод. ст. Ю. А. Шрейдера]. – Москва : Прогресс, 1990. – 495 с.
68. Голикова, Н. В. Ценностные основания воспитания детей в крестьянской семье : на примере Олонецкой губернии второй половины XIX - начала XX века : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Голикова Наталья Владимировна ; [Место защиты : Карел. гос. пед. ун-т]. – Петрозаводск, 2007. – 224 с. : ил.
69. Горшкова, В. В. Педагогическая философия Джона Дьюи [Текст] : монография / В. В. Горшкова, Е. А. Митковец. – Санкт-Петербург : Изд-во Петрополис, 2008. – 168 с.
70. Григоревский, М. Учение святителя Иоанна Златоуста о браке. Иоанн Златоуст о браке [Текст] / М. Григоревский. - Москва : Локид-Пресс : Патмос, 2007. – 286, [1] с.

71. Грот, Я. К. Записка о путешествии в Швецию и Норвегию [летом 1873 года] [Текст] / [Соч.] Акад. Я. К. Грота. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1874. – [2], 33 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т 11, № 4).
72. Грот, Я. К. Воспоминания о четырёхсотлетнем юбилее Уппсальского ун-та Академика Я.К.Грота // Спб.: Записки Императорской Академии наук. – 1878. - Т.31. – Кн.1-2. Приложение к XXX тому Записок Императ. Акад. наук. №1.
73. Грот, Я. К. Из Скандинавского и финского мира [Текст] / Я. К. Грот // Труды Я. К. Грота. – СПб. : Типография И. Н. Кушнерев и К °. – 1898. – 1065.
74. Грот, Н. П. Женское учебное дело в Швеции и у нас. СПб.: Тип. И В. Оболенского, 1875. – 31.
75. Гусейнов, А. А. Этика [Текст] : учебник для вузов / А. А. Гусейнов, Р . Г. Апресян. – Москва : Гардарика, 1998. – 470 с. - (Disciplinae).
76. Дворников, П. Ф. Народное образование в Швеции / П. Дворников // Вестник воспитания. – 1898. - № 8. – С. 161 – 186.
77. Делл, Э. О. Скандинавия [Текст] / Э. О Делл ; сокр. пер. с англ. В. В. Волковой, Д. Н. Ляликова ; под ред. Л. Р. Серебрянного. - Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. – 543 с.
78. Демидовская, А. Е. [Текст] : Женское образование во Франции XVII в. : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Демидовская Анастасия Евгеньевна ; Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. - Архангельск : [б. и.], 2009. – 22 с. – Библиогр.: с. 22
79. Джурицкий, А. Н. Развитие образования в современном мире [Текст] : Учеб. пособие / А.Н. Джурицкий. – Москва : ВЛАДОС, 1999. –199 с.
80. Димитрюк, Ю. С. О некоторых проблемах формирования духовно-нравственных ценностных ориентаций старшеклассников на общечеловеческие ценности в современных условиях [Электронный ресурс] / Ю. С. Димитрюк. – (Материалы конференций) // Фундаментальные и прикладные исследования. Образование, экономика и право : [электронный журнал]. – 2007. – № 11. –

- С. 102–103. – URL : <http://www.rae.ru/fs/pdf/2007/11/60.pdf> (дата обращения : 23.05.2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
81. Дмитриев, П. И. Слово о семье [Текст] / П. И. Дмитриев. – Санкт-Петербург : САТИСЬ-ДЕРЖАВА, 2004. – 167 с.
82. Домострой [Текст] / [Рос. акад. наук] ; [Сост. В. В. Колесов; Подгот. В. В. Рождественская]. - Санкт-Петербург : Наука. С.-Петер. изд. фирма, 2000. - 399, [1] с., [12] л. ил., ил. ; 22 см. - (Литературные памятники : ЛП).
83. Дорогова, Л. Н. История западноевропейской культуры Нового времени (XVI-XIX вв.) [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 031400.62 "Культурология" / Л. Н. Дорогова. - Москва : КноРус, 2013. – 213.
84. Дробницкий, О. Г. Моральная философия [Текст] : избранные труды / О. Г. Дробницкий ; [предисл. Р. Г. Апресяна]. - Москва : Гардарики, 2002. – 520, [1] с. - (Disciplinae). - Список науч. тр. О. Г. Дробницкого: с. 507-510. - Библиогр. : с. 511–519.
85. Елкин, С. М. Этнопедагогика и этнопсихология [Текст] : учеб. пособие / С. М. Елкин ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : [б. и.], 2008. – 155 с.
86. Ефимов, В. И. Общечеловеческие ценности [Текст] / Ефимов В. И., Таланов В. М. - Москва : Акад. Естествознания, 2010. – 248 с. – Библиогр.: с. 231–240.
87. Ефимова, Ю. А. Шведский стол : организация и технологии / Ю. А. Ефимова. – Москва : ООО «Издательский дом «Ресторанные ведомости», 2009. – 114 с.
88. Жаров, Б. С. «Высшие народные школы» в Дании : прошлое – настоящее - будущее? [Текст] / Б. С. Жаров // Женщина и свобода : Пути выбора в мире традиций и перемен : материалы междунар. конф., 1993 г. / [редкол.: В. А. Тишков (отв. ред.) и др.; введ. В. Тишкова] - Москва, 1994. – С. 297–302.
89. Жерукова, А. А. Педагогические ценности семейного воспитания в традиционных культурах русского и адыгского народа » [Текст] : автореф. дис.

- ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Жерукова Амират Аслановна ; Карачаевск. – 2004.–18с.-Библиогр.:с.18.
90. Жуковский, В. А. Дневники [Текст] / В. А. Жуковский. – Санкт-Петербург : Тип. Товарищества «Обществ. польза», 1903. – 535 с.
91. Жуховицкий, Л. А. Страна долгожителей [Текст] / Леонид Жуховицкий // Нева. – 1990. – № 2. – С. 169–181.
92. Заозерская, С. В. Развитие женского образования на Архангельском Севере во второй половине XIX - начале XX веков : монография / С. В. Заозерская, Т. С. Буторина. – Архангельск : Издательство АГТУ, 2007. – 164 с.
93. Захаров, А. В. Традиционная культура в современном обществе [Текст] / А. В. Захаров // Социс. Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 105 – 114.
94. Захарченко, М. В. Культурно–историческая традиция [Электронный ресурс] / М. В. Захарченко // Veni. Vidi. Vici : информационно-образовательный портал / Российский информационно-образовательный портал Veni Vidi Vici, 2008–2015. – URL : <http://www.vevivi.ru/best/Kulturno-istoricheskaya-traditsiya-ref79107.html> (дата обращения : 26.01.2015). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
95. Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа : критика европейской культуры у русских мыслителей [Текст] / прот. В. Зеньковский. – 2-е изд. – Париж : YMCA-Press, 1953. – 278 с.
96. Зидер, Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) [Текст] / Райнхард Зидер ; [пер. с нем. Л. А. Овчинцевой ; науч. ред. М. Ю. Брандт]. – Москва : Владос, 1997. – 299, [3] с. - Избр. библиогр. : с. 295–300 и в подстроч. примеч.
97. Зотова, Л. М. Философско-аксиологические приоритеты высшего женского педагогического образования в России (вторая половина XIX-XX века) / Л. М. Зотова. – Киров : Типография "Старая Вятка", 2008. – 467 с. – Библиогр.: с. 425-445 (442 назв.).

98. Зотова, Л. М. Педагогика женского образования середины XIX–начала XX века : Запад – Россия: исторические параллели / Л. М. Зотова. – Киров : Типография "Старая Вятка", 2006. – 535, [1] с. : ил., портр. – Библиогр. : с. 496–527 (485 назв.).
99. Зудов, Ю. В. Роль Н.Ф.С. Грундтвига в развитии системы образования в Дании [Текст] / Ю. В. Зудов // Северная Европа. Проблемы новейшей истории : Сб. науч. тр. / Акад.наук СССР. Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. О. В. Чернышова. – М. : Наука, 1988. – Вып. 6. – 2007. – С. 66 – 76.
100. Иванов, К. Все, что Вы хотели знать о Швеции [Текст] / Константин Иванов, Алексей Смирнов. – Стокгольм : Швед. ин-т, 2000. – 285 с.
101. Игнатъев, А. А. Пятьдесят лет в строю. [В 2 т.]. [Т. 1. Кн. 1–3] [Текст] / А. А. Игнатъев. – Москва : Правда, 1989. – 588, [1] с.
102. Ильин, В. Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого [Текст] / В. Н. Ильин. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2000. – 478, [1] с. – портр. – (Серия "Из архива русской эмиграции" / Рус. христиан. ин-т).
103. История костюма, составленная Натальей Будур. – М. : ОЛМА – АРЕСС, 2002. – 480 с.
104. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. В 3 т. Т. 3 / [АН СССР, Ин-т всеобщ. истории] ; З. В. Удальцова (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1986. – 590, [1] с.
105. История философии: Запад-Россия-Восток [Текст] [В 4 кн.]. Кн. 3 : Философия XIX – XX в. учеб. для студентов вузов / под ред. Н. В. Мотрошиловой и А. М. Руткевича. – 2-е изд. – Москва : Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1999. – 444 с. – Библиогр. в конце гл.
106. Какорея. Из истории детства в России и других странах [Текст] : сб. статей и материалов / сост. Г. В. Макаревич. – Москва ; Тверь : Научная книга, 2008. – 382 с. – (Труды семинара РГТУ «Культура детства : нормы, ценности, практики» ; Вып. 1.).

107. Калинина, М. А. Женское воспитание в норвежской крестьянской семье XIX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Калинина Мария Александровна ; Арханг. гос. техн. ун-т. - Архангельск : [б. и.], 2003. - 19 с. - Библиогр.: с. 19.
108. Калинин, И. А. Развитие традиций женского образования в Англии XIX века [Текст]: автореферат диссертации. ... кандидата педагогических наук : специальность 13.00.01 / Калинин Инга Александровна ; Волгоградский государственный педагогический университет. - Волгоград : [б. и.], 2008. - 23 с.
109. Кан, А. С. История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция) [Текст] : [учеб. пособие для вузов по спец. «История»]. - 2-е изд., испр. и доп. / А. С. Кан. - Москва : Высш. шк., 1980. - 311 с. : ил.
110. Кан, А. С. История Швеции [Текст] / А. С. Кан ; редкол. : А. С. Кан (отв. ред.) [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. - Москва : Наука, 1974. - 718. [2] с.
111. Каптерев, П. Ф. Избранные педагогические сочинения [Текст] / П. Ф. Каптерев ; вступит. статья П. А. Лебедева ; ред. А. М. Арсеньев. - Москва : Педагогика, 1982. - 704 с. - (Педагогическая библиотека).
112. Караковский, В. А. Стать человеком : общечеловеческие ценности целостности учебно-воспитательного процесса [Текст] / В. А. Караковский ; Науч.-метод. об-ние «Твор. педагогика», Малое предприятие «Новая шк.». - Москва : [б. и.], 1993. - 80 с.
113. Касимова, Т. В. Идея добродетельной матери в педагогике Германии второй половины XVIII века [Текст] : дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Касимова Татьяна Валентиновна ; Арханг. гос. техн. ун-т. - Архангельск, 2002. - 196 с.
114. Кашина, М. А. Проблема преподавания курса «Гендерология» при подготовке социальных работников в Северо-Западной академии государственной службы [Текст] / М. А. Кашина // Россия и Швеция : из теории

и практики социальной работы : сб. статей / Федер. агентство по образованию, Федер. гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Сев.-Зап. акад. гос. службы», Гетеборгский ун-т (Швеция) ; [под ред. А. В. Ключева, А. С. Тургаева и Моны Франсен]. – Санкт-Петербург : Изд-во СЗАГС, 2008 : Веленара, 2008. – С. 51-100.

115. Кинелев, В. Г. Скандинавия – волшебный край саг и фиордов [Текст] / В. Г. Кинелев, В. Б. Миронов // Образование, воспитание, культура в истории цивилизаций [Текст] / В. Г. Кинелев, В. Б. Миронов. ; Гуманит. издат. центр «Владос». – Москва, 1998. – С. 397–428.

116. Кирьякова, А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей [Электронный ресурс] / А. В. Кирьякова. – UR : <http://www.orenport.ru/images/doc/kirjak111.pdf>; диссерт\URL : http://www.zpuuu-journal.ru/e-zpu/2009\2\Kosinova_Tradition/ (дата обращения : 23.05.2013). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.

117. Киселев, А. А. Имидж Финляндии, Швеции, Норвегии и их народов в представлении мурманчан в первой половине XX в. [Текст] / А. А. Киселев. – Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 2000. – 38 с. – (Приложение к журналу Вестник «Баренц-факультета» МГПИ / М-во образования Рос. Федерации, Мурман. гос. пед. ин-т, Каф. Баренц-регионоведения).

118. Кларин, В. М. К. Д. Ушинский : национальное и общечеловеческое в воспитании [Текст] / В. М. Кларин // Магистр. – 1994. – № 4. – С. 57 – 63.

119. Коменский, Я. А. Лабиринт света и рай сердца [Текст] : [пер. с чеш. и латыни] / Ян Амос Каменский ; вступ. ст. С. Скорвид. – Москва : МИК, 2000. – 311,[8] с. : ил.

120. Корнетов, Г. Б. Педагогические идеи Герберта Спенсера [Текст] / Г. Б. Корнетов // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии / Ун-т РАО ; под ред. Корнетова Г. Б. – Москва, 2002. – Вып. 18 : История, педагогика и педагогическая антропология. – С. 37–50.

121. Корнетов, Г. Б. Цивилизованный подход к изучению всемирного историко-педагогического процесса [Текст] / Г. Б. Корнетов. – Москва : ИТПиМИО РАО, 1994. – 265 с.
122. Корнетов, К. Б. На пути к педагогике свободы [Текст] / К. Б. Корнетов // Школьные технологии. – 2006. – № 4. – С. 10–13.
123. Косинова, О. А. К вопросу о трактовке понятия «традиция» в отечественной педагогике [Электронный ресурс] / О. А. Косинова. – (Теория и методология) // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Педагогика и психология : электронный журнал / Москов. гуманитарный ун-т. – [Москва], 2009. – № 2. – URL : http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Kosinova_Tradition/ G:\диссерт\URL : http://www.zpuuu-journal.ru/e-zpu/2009\2\Kosinova_Tradition/ (дата обращения : 23.05.2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
124. Котова, И. Н., Котова, А. С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. – СПб. : «Паритет», 2010. – 240 с.
125. Краевский, Д. Беглые заметки о Швеции и Норвегии туриста / Д. Краевский. – Санкт-Петербург : Типография Н. А. Лебедева. – 1891. – 22 с.
126. Красавцев, Л. Б. История государства и права стран Северной Европы [Текст] : учебное пособие / Л. Б. Красавцев ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова". - Архангельск : Поморский ун-т, 2011. - 211 с.
127. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения : в 10 томах / Н. К. Крупская ; под ред. Н. К. Гончарова [и др.] ; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. - Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1957.–510.– Т. 1 : Автобиографические статьи. Дореволюционные работы / [подготовка текста и примеч. Ф. С. Озерской]. – 1957. – 510 с.
128. Крылова, Н. В. Антропологические традиции в отечественной философии образования : автореферат диссертации доктора философских наук : 09.00.11 / Н. В. Крылова. – Санкт-Петербург, 2004 – 31 с.

129. Кулакова – Грот, Е. Я. Швеция / Сост. Е. Я. Кулакова – Грот; под ред. В. В. Федорова; СПб : Типография И. В. Леонтьева. – 1909. – 48.
130. Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы / И. М. Кулишер. – 8-е изд., пересм. и доп. – Москва ; Ленинград : Огиз : Гос. соц.-экон. изд., 1931 (Ленинград : тип. Печатный двор). – Т. 2. – 1931. – XVI, 450 с.
131. Куприна, Н . Г., Саражинская Г. И. Опора на традиции народной педагогики в формировании культуры сознательного родительства у современной молодежи [Текст] / Н.Г. Куприна, Г.И. Саражинская / Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования: журнал теоретических и прикладных исследований/ Российская академия образования. Уральское отделение. - Екатеринбург: Уральское отделение РАО, 2007. – N 4. – С. 63-69.
132. Курило, О. В. Мартин Лютер – реформатор, проповедник и педагог / О. В. Курило. – Москва : Издательство РОУ, 1996. – 240 с.
133. Лагерквист, Л. О. История Швеции [Текст] / Л. О. Лагерквист. – Стокгольм : Швед. ин-т, 2004. – 203 с.
134. Лазутин, С. Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы [Текст] : [учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.»] / С. Г. Лазутин. – Москва : Высш. шк., 1990. – 237, [3] с. – Библиогр.: с. 231–238. – Библиогр. в примеч.: с. 226–227.
135. Ландслаг короля Магнуса Эрикссона [Текст] // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1964. – Вып. 26. – С. 185–203.
136. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие : опыт многомерной реконструкции [Текст] / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15 –26.
137. Линг, Я. Шведская народная музыка [Текст] : [пер. со швед.] / Ян Линг. – Москва : Музыка, 1981. – 126 с. : нот.
138. Липов, В. В. Религиозные ценности как фактор зависимости от предшествующего развития и формирования социально-экономических моделей [Текст] / В. В. Липов // Вопросы философии. – 1996. - № 4. – С. 15–25.

139. Лихачев, Б. Т. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей : (Теорет.-ист. анализ воспитат. ценностей в России в XIX и XX вв.) [Текст] / [Б. Т. Лихачев] ; Самар. ин-т упр., Рос. акад. образования, Поволж. фил. Ин-та развития личности. - Самара : СИУ, 1997. – 84 с.
140. Логос : междунар. ежегодник по философии культуры [Текст] / [сост. серии: В. В. Анашвили, Н. С. Плотников, А. Л. Погорельский]. - Репр. воспр. изд. 1914 г.- Москва : Территория будущего. - (Университетская библиотека Александра Погорельского). 1925. – Кн. 1. – 2005. – 237, [3] с.
141. Лодкина, Т. В. Семья в современном социуме : (конец XX-нач. XXI вв.) [Текст] / [Л. И. Краева, И. Ю. Краева, Т. В. Лодкина] . – Вологда : ИЦВГМХА. – 2005. – Ч. 1. – 214 с.
142. Лодкина, Т. В. Семья на Русском Севере: воспитание на традициях : монография / Т. В. Лодкина, Т. А. Маркова ; Вологодский институт бизнеса. – Вологда : [б. и.], 2008. – 215 с.
143. Лодкина, Т. В. Социальная педагогика. Защита семьи и детства : учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. "Социальная педагогика" / Т. В. Лодкина. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва. : AcademiA, 2007-208 с. : табл. – (Высшее профессиональное образование).
144. Лосский, Н. О. История русской философии [Текст] / Н. О. Лосский. – Москва : Сов. писатель, 1991. – 478, [1] с.
145. Луговская, И. Р. Школьное обязательное образование северных стран [Текст]: монография / И. Р. Луговская ; М-во образования Рос. Федерации, Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск : ПГУ, 2001. – 96, [1] с. – Библиогр.: с 89–91.
146. Люди, нравы и обычаи [Текст] / Санкт – Петербург : Тип. «Деревенской газеты». – 1907. – 32. – (Библиотека «Зернышко знания»).
147. Макс Нордау и Эллиен Кей. Избранные парадоксы [Текст] / Макс Нордау и Эллиен Кей. – Санкт-Петербург : Изд-во В. В. Биттнера, 1903. – 47 с.
148. Маркарян, Э. С. Очерки теории культуры [Текст] / Э. С. Маркарян. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1969. – 228 с.

149. Маркарян, Э. С. УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ [Текст] / Э. С. Маркарян // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 78 – 96.
150. Марков, Е. Л. Поездка в Далекарлию [Текст] / Е. Л. Марков // Вестник Европы. – 1900. – № 12. – С. 611–686.
151. Мартин Лютер-реформатор, проповедник, педагог : [сборник] / Ун-т Российской акад. образования ; [сост. О. В. Курило]. - Москва : Изд-во РОУ, 1996. – 235, [2] с.
152. Мейнандер, Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты [Текст] / Хенрик Мейнандер ; [пер. со швед. З. Линден]. - Москва : Весь мир, 2008. – VIII, 237, [1] с. : карты, ил. - (Национальная история). – Загл. обл. : История Финляндии. - Библиогр.: с. 227–232.
153. Мелин, Я. История Швеции [Текст] : [с древнейших времен до конца XX в. : пер. со швед.] / Ян Мелин, Альф В. Юханссон, Сюзанна Хеденборг. - Москва : Весь мир, 2002. – 399 с. : ил. – (Национальная история).
154. Мельникова, Е. В. Страна воды и камня [Текст] / Е. В. Мельников // Культура и традиции народов мира [Текст] : (этнопсихологический аспект) / Е. В. Мельникова. - Москва : Диалог культур, 2006. – 304с .
155. Меч, С. Скандинавия и Дания. Швеция, Норвегия, Дания, острова Фарер и Шотландия [Текст] / С. Меч. – Москва : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К , 1910. – 120 с.
156. Михайлова, М. В. Педагогические идеи Эллен Кей и их реализация в современном образовании [Текст] : дис. ... канд. пед. наук : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Михайлова Марина Васильевна. – Чебоксары, 2006. – 192 с.
157. Михайловский, А. Как живут наши северные соседи. М.: Книгоиздательство «Труд и воля», 1906. – 31.
158. Мижувев, П. Г. Начальное и среднее образование в Швеции [Текст] : П. Г. Мижувев. – СПб. : Русская школа, 1903. – 44 с.

159. Михальцова, Л. П. Феномен понятия «ценность» и его генезис в психолого-педагогических исследованиях [Текст] / Л. П. Михальцова // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 5. – С. 30–37.
160. Морозова, М. Н. Крестьянское жилище Западной и Южной Скандинавии [Текст] / М. Н. Морозова // Культура и быт народов зарубежной Европы. Этнографические исследования [Текст] : сборник статей / Академия наук СССР, Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая ; ред. С. А. Токарев. – Москва, 1967. – С. 255.
161. Мухина, З. З. Вдова в русской крестьянской среде : традиции и новации (вторая половина XIX - начало XX в.) [Текст] / З. З. Мухина // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 4. – С. 62 – 71.
162. Мысливченко, А. Г. Философская мысль в Швеции. Основные этапы и тенденции развития [Текст] / А. Г. Мысливченко ; АН СССР, Ин-т философии. - Москва : Наука, 1972. – 260 с.
163. Найденова, Л. «Свои» и «чужие» в Домострое : Внутрисемейные отношения в Москве XVI века [Текст] / / Л. Найденова. - Человек в кругу семьи [Текст] = Man within his family circle : очерки по истории част. жизни в Европе до начала Нового времени / [Ю. Л. Бессмертный, М. Л. Абрамсон, В. А. Блонин и др.]; Под ред. Ю. Л. Бессмертного ; [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – Москва : Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1996. – С. 290 – 304.
164. Народы зарубежной Европы [Текст] : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова. – Москва, 1964-1965. – Т. 2. – С. 93–123.
165. Народы мира в нравах и обычаях. Дания и Скандинавия [Текст] / Пер. с англ. С. А. Ратнер – Штернберг, Е. Л. Петри и Ф. И. Павлова; Петроград, Изд – во П. П. Сойкина. Тип. Чарльза Рюди, 1916. – С. 638 – 640.
166. Народы и религии мира [Текст] : энциклопедия / [Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Рос. акад. наук] ; гл. ред. В. А. Тишков. – Москва : Большая рос. энцикл., 1998. – 926, [2] с. : ил. – Библиогр. в конце кн.

167. Некрасов, Г. А. Сельское хозяйство и положение крестьянства в Швеции в 20-40-х гг. XVIII в. / Г. А. Некрасова // Скандинавский сборник. / под общей ред. В. В. Похлебкина и Л. К. Роотс. ; Тартусский гос. ун-т. – Таллин, 1958. – С. 22–56.
168. Никандров, Н. Д. Ценности как основа целей воспитания [Текст] / Н. Д. Никандров // Педагогика. – 1998. – № 3. – С. 3–10.
169. Новая философская энциклопедия [Текст]. В 4 т. Т. 1 : А-Д : энциклопедия. / науч.-ред. совет: В. С. Стёпин (пред.) и др.; [Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд]. – Москва : Мысль, 2000. – 721, [2] с. – Библиогр. в примеч. в конце кн.
170. Новейший философский словарь [Текст] / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина ; под общей ред. А. П. Ярещенко. – Ростов н / Д. : Феникс, 2005. – 672с. – (Словари).
171. Новинский, Н. З. У северных соседей : (Очерки Швеции и Норвегии) [Текст] / Н. З. Новинский. – Харьков : тип. «Мир. труд», 1913. – 90, [2] с.
172. Новицкая, И. Я. Народная словесность Швеции [Текст] / И. Я. Новицкая. – Москва : Фак. журналистики Москов. гос. ун-та, 2008. – 144 с. – В содерж. также : Своеобразие шведской литературной критики как части общей науки о литературе.
173. Нойманн, И. Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Ивэр Б. Нойманн ; [пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова ; науч. ред. и авт. предисл. А. И. Миллер]. - Москва : Новое изд-во, 2004. - 335 с. ; 20 см. - (Серия "А"). - Библиогр.: с. 295-319, и в подстроч. примеч. - Указ.: 320-335. - Uses of the Other / Iver B. Neumann. – 1998.
174. Носевич, В. Л. Еще раз о Востоке и Западе : структуры семьи и домохозяйства в истории Европы [Электронный ресурс] / В. Л. Носевич // Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича : [сайт] / Вячеслав Носевич. - URL: <http://www.vln.by/node/116> (дата обращения : 22.05.2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.

175. Огурцов, А. П. Философия науки : двадцатый век [Текст] : концепции и проблемы. [В 3 ч.]. Ч. 2 : Философия науки : наука в социокультурной системе / А. П. Огурцов ; Ин-т философии Рос. акад. наук. – Санкт-Петербург : Мирь, 2011. – 493, [1] с.
176. Орловский, С. Н. Очерки Швеции. Высшая народная школа в Швеции [Текст] / С. Н. Орловский. – Москва : Типо-литография И. Н. Кушнерев и К. – 1911. - 88 с.
177. Очерк жизни и трудов шведского историка Густава Гейера // Журнал Министерства Народного Просвещения, С.-Петербург, тип. Императорской Академии Наук. – 1859 – № 7 – С. 1–37.
178. Очерки истории школы и педагогики за рубежом. Ч. 2: (18– 20 вв): эксперим. учеб. пособие / Акад. пед. наук СССР. Науч.-исслед. ин - т общ. педагогики; Салимова К.И., Безрогов В.Г., Бим-Бад Б.М. и др. – Москва, 1989. – 264 с.
179. П. Ф. Каптерев о семейном воспитании [Текст] : учеб. пособие для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений / сост. И. Н. Андреева. - Москва : Academia, 2000. – 165, [2] с.
180. Павлова, А. Н. Союз Фредрики Бремер : история борьбы за равноправие полов в Швеции [Текст] / А. Н. Павлова // Адам и Ева : Альманах гендерной истории ; [ред. Л. П. Репиной]. – Москва : ИВИРАН, 2003. - № 5. – С. 188 – 201.
181. Педагогика и народное образование в зарубежных странах [Текст] : сборник рефератов. № 386 - 478 / Академия педагогических наук РСФСР, Институт теории и истории педагогики ; [ред. В. А. Вейкшан, А. И. Пискунов]. - Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1960. – 139 с.
182. Педагогическая публицистика Российского зарубежья [Текст] : [сборник статей] / Мордов. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, Независимый ин-т амер. и европ. исслед., Центр. образоват. программ ; [сост. и авт. примеч. Е. Г. Осовский, В. П. Киржаева, О. Е. Осовский. - Саранск : [б. и.], 2006

(Саранск). - 558, [2] с. - (Педагогическая библиотека Российского зарубежья ; Т. 3). - Библиогр. в тексте примеч.

183. Петерссон, У. Шведская система правления и политика [Текст] : [перевод с английского] / У. Петерссон. - Москва : Ad Marginem", Б. г., (1998). – 207 с. – (Библиотека Московской школы политических исследований ; [13]). – Библиогр.: с. 202-204.

184. Печчеи, А. Человеческие качества [Текст] / Аурелио Печчеи ; пер. с англ. О. В. Захаровой ; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–33] Д. М. Гвишиани. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 1985. – 312 с.

185. Платонов, О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М. : Алгоритм, 2010. – 944 с.

186. Плахов, В. Д. Традиции и общество : опыт философско-социологического исследования [Текст] / В. Д. Плахов. – Москва : Мысль, 1982. – 220 с.

187. Полонская, И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности [Текст] / И. Н. Полонская ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону. : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. – 269 с.

188. Пospelова, О. В. Гендерные исследования: вводный курс: учебное пособие [Текст] / О. В. Пospelова, Н. Н. Кукаренко, М. А. Львова – ПГУ: Архангельск, 2007. - 356 с.

189. Православная семья [Текст] / Архимандрит Георгий (Шестун). – 4 –е изд., испр. и доп. – М. : Благотворительный фонд «Покровъ», 2012. – 232 с.

190. Проблемы ценности в философии [Текст] : [сб. статей] / АН СССР, Ленингр. Каф. философии ; [под ред. А. Г. Харчева (гл. ред. и др.). – Москва : Ленинград : Наука, 1966. – 260 с.

191. Пурикова, И. А. Формирование социально-значимых ценностных ориентаций учащихся в контексте взаимовлияния общечеловеческих и национальных ценностей [Текст] / И. А. Пурикова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 14. – С. 57–63.

192. Пуцыкович, Ф. Ф. Чтение для народа : скандинавы [Текст] / Ф. Ф. Пуцыкович. – Санкт-Петербург : Изд-во кн. магазина П. В. Луковникова, 1897. – 16 с.
193. Пушкарева, Н. Л. Женщины в исторических судьбах России X–XIX вв. [Электронный ресурс] / Н. Л. Пушкарева // Женщина плюс. – 2003. – № 2. – URL : http://www.owl.ru/win/womplus/2003/02_13.htm (дата обращения : 26.01.2015). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
194. Пушкарева, Н. Л. Мать и материнство на Руси (x – xvii вв.) / Н. Л. Пушкарева // - Человек в кругу семьи [Текст] = Man within his family circle : очерки по истории част. жизни в Европе до начала Нового времени / [Ю. Л. Бессмертный, М. Л. Абрамсон, В. А. Блонин и др.]; Под ред. Ю. Л. Бессмертного ; [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т]. - Москва : Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1996. – С. 304 - 331.
195. Равкин, З. И. Развитие образования в России : новые ценностные ориентиры [Текст] / З. И. Равкин // Педагогика. – 1995. – № 5. – С. 87 – 90.
196. Радлов, Э. Эллен Кей и ее педагогические взгляды [Текст] / Э. Радлов // Известия по народному образованию. – 1906. – окт. – С. 69–82.
197. Рассадина, Т. А. Традиционные ценности : к вопросу о понятии / Т. А. Рассадина // Вестник Московского ун –та. Сер. 18. : Социология и политология. – 2004. – № 3. – С. 80–94.
198. Разин, А. В. Этика [Текст] : учебник для студентов философских специальностей / А. В. Разин. - Москва : Акад. проект, 2006. – 620, [1] с. – (Классический университетский учебник / Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
199. Ревуненкова, Н. В. Протестантизм [Текст] / Н. В. Ревуненкова. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2007. – 224 с., [8] л. ил. : ил. – (Религии мира). – Библиогр.: с. 223–224.

200. Религоведение [Текст] : энциклопедический словарь / ред.: Андрей Забияко, Александр Красников, Екатерина Елбакян. – Москва : Академ. Проект, 2006. – 1264 с.
201. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Генрих Риккерт // Логос : международный ежегодник по философии культуры. 1912 – 1913. – Кн. 1 – 2. – Москва : Территория будущего, 2005 - 418, [6] с. – (Университетская библиотека Александра Погорельского). – Библиогр.: с. 355–412 и в подстроч. примеч. – Репр. изд.
202. Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы [Текст] / [О. А. Ганцкая, Н. Н. Грацианская, Т. Д. Филимонова и др. ; отв. ред. и авт. предисл. Н. Н. Грацианская, Н. А. Кожановский] ; Рос. АН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука ; МАИК «Наука», 1999. – 516,[2] с. : ил. – Библиогр. в примеч. в конце гл.
203. Романова, К. С. Трансформация ценностей как индикатор изменения общества и личности [Электронный ресурс] / К. С. Романов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – Вып. 8. – С. 165–179. – URL : http://www.ifp.uran.ru/ezh/ed/ed_1305.htm (дата обращения : 01.08.2013). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
204. Росенко, М. Н. Основы этических знаний [Текст] / М. Н. Росенко ; оформл. обложки А. Олксенко, С. Шапиро. – Санкт-Петербург : Изд-во «Лань», 1998. – 246 с.
205. Российская социологическая энциклопедия [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. ; под общ. ред. Г. В. Осипова. - Москва : Норма : Инфра-М, 1998. - 664, [2].
206. Рубинштейн, М. Н. Швеция и шведы [Текст] / М. Н. Рубинштейн. – Киев : Типо-литография тов. И. Н. Кушнерев и К , 1913. – 14 с.
207. Русские : [монография] / [И. В. Власова и др.] ; отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – М. : Наука, 2005. – 827, [1] с., [8]

л. цв.ил. Серия «Народы и культуры» / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо – Маклая.

208. Рыбин, В. А. Гуманизм как этическая категория [Текст] / [В. А. Рыбин]. – Москва : Логос, 2004. – 269, [2] с. : ил. – Библиогр.: с. 261–270 (196 назв.).

209. Савин, М. В. Сущностное значение традиции как педагогической реальности [Текст] / М. В. Савин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 6. – С. 69–73.

210. Салимова, К.-У. И. Проблема трудового воспитания в английской педагогике (1870-1970) : автореферат. диссертации доктора педагогических наук : 580 / Кадрия-Улькер Исмаил кизы Салимова ; Науч.-исслед. ин-т общей педагогики АПН СССР. - Москва, 1971. – 46 с.

211. Салычева, Т. А. Об истории борьбы за права женщин до государственной политики в области равноправия полов: гендерные исследования в Швеции / Т. А. Салычева // XIV Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии : [Архангельск, ПГУ, 12–16 сент. 2001 г.] : тезисы докладов / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории [и др.] ; [редкол.: В. Н. Барышников, В. Н. Булатов, А. М. Волков и др.]. – Москва ; Архангельск, 2001. – С. 30-33.

212. Сарингулян, К. С. О регулятивных аспектах культурной традиции [Текст] / К. С. Сарингулян // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 90 – 102.

213. Сван, Я.-Э. Майское дерево, раки и Люси [Текст] : праздничные традиции Швеции / Ян-Эйвинд Сван; [пер. Л. Сандберг, Е. Скуглунд, пер. песен Л. Сандберг]. - Стокгольм : Швед. ин-т, 1997. – 47 с. : ил. - Библиогр.: с. 47.

214. Сванидзе, А. А. Король и его подданные в «Хронике Эрика» [Текст] / А. А. Сванидзе // Северная Европа : Проблемы истории : сб. науч. тр. / [Рос. АН, Ин-т всеобщ. истории, Центр истории и культуры Сев. Европы] ; редкол.: О. В. Чернышева (отв. ред.) [и др.]. – Москва : ТОО «Прогресс-Академия», 1995. – С. 12–34.

215. Сванидзе, А. А. Особенности хозяйственной деятельности шведских бондов и их рыночные связи в XIV-XV вв. [Текст] / А. А. Сванидзе // Средние

века : сборник / АН СССР, Ин-т истории ; [редкол.: С. Д. Сказкин (отв. ред.) и др.]. – Москва : Наука, 1965. – Вып. 27. – С. 87–113.

216. Сванидзе, А. А. Сельский пастор в средневековой Швеции [Текст] / А. А. Сванидзе // *Historiaanimata* / Ин-т всеобщей истории РАН. – Москва ;, 2004. – Ч. 2. – С. 6–18.

217. Сванидзе, А. А. Социальная трансформация деревни в XIV-XV вв. Шведский вариант [Текст] / А. А. Сванидзе // *Классы и сословия средневекового общества* [Текст] : [сборник статей] / под ред. З. В. Удальцовой. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – С. 160–166.

218. Сванидзе, А. А. Социальные аспекты организации шведского рыболовства в XV в. [Текст] / А. А. Сванидзе // *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. [Текст] : сборник статей. К 80-летию акад. С. Д. Сказкина / ред. З. В. Удальцова. – Москва : Наука, 1972. – С. 132–144.

219. Северная Европа. Регион нового развития [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т Европы ; [к. э. н. Н. М. Антюшина и др.] ; под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. – Москва : Весь мир, 2008. – 508 с. – (Серия «Старый Свет – новые времена» / редкол.: акад. РАН Н.П. Шмелев (пред.) [и др.]) (Европа). – Библиогр. в подстроч. примеч.

220. Севостьянова, Е. О. Этические понятия – общечеловеческие ценности личности [Текст] / Е. О. Севостьянова // *Современные исследования социальных проблем*. – 2010. – № 1. – С. 73–76.

221. Сергеева, А. В. Русские : стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А. В. Сергеева. – Москва : Флинта Наука, 2006. – 320 с. – (Наука).

222. Сидорова, Н. В. Трансформация ценностей в проблемном поле педагогического и информационного пространства [Текст] / Н. В. Сидорова // *Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2008. – № 76 – 2. – С. 220–226.

223. Сковородкина, И. З. Теория и практика национального образования на Архангельском Севере в последней четверти XIX в. – 90-х гг. XX в. [Текст] :

дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Сквородкина Ирина Зосимовна ; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2001. – 378 с.

224. Сластенин, В. А. Введение в педагогическую аксиологию : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений, обучающихся по спец. 031000 Педагогика и психология (ДПП.Ф.01 – Общие основы педагогики) / В. А. Сластенин, Г. И. Чижакова. – М. : Academia, 2003 (ГУП Сарат. полигр. комб.). – 185, [2] с. – (Высшее образование).

225. Словарь философских терминов [Текст] : словарь / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. - Москва : Инфра-М, 2005. - 729,[1] с. ; 24. - (Библиотека словарей "Инфра-М"). - Библиогр. в тексте. - Предм. указ.: с. 723-730.

226. Смирнова, Е. В. Понятие традиции в логике различных научных дисциплин [Текст] / Е. В. Смирнова // Традиционные и новые аспекты исследований в науке и образовании [Текст] : сборник материалов VIII Межрегиональных педагогических чтений (Каргополь, 24 марта 2007 года) / [редкол.: С. А. Герасимов, канд. пед. наук, Г. М. Первышин, канд. пед. наук, Г. Ф. Шевелева] / Каргопол. пед. колледж. – Каргополь, 2007. – С. 184–186.

227. Создавая социальную демократию [Текст] : 100 лет социал-демокр. рабочей партии Швеции : [сб. ст. / [пер.: Волков А. М. и др.] ; под ред. Клауса Мисгельда [и др.]. – Москва : Весь мир, 2001. – 591 с. : ил. – (Тема).

228. Соколов, Е. М. Дифференциация образования в школах скандинавских стран [Текст] / Е. М. Соколов // Советская педагогика. – 1963. - № 4. – С. 120 – 124.

229. Соколов, П. История педагогических систем [Текст] / П. Соколов. – 2-е изд., испр. и доп. – Пг. : В. С. Клестов, 1916. – 708 с.

230. Сомова, М. М. Традиции шведского жилого дома. Мозаика. Фрагменты истории шведской культуры // Skarvor. Bitartilldensvenska kulturhistoriensmosaik : [сборник статей] / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Российско-шведский науч.-учеб. центр ; [редкол.: Т. А. Тоштендаль-Салычева (отв. ред.), Т. А. Чеснокова, М. О. Дубовицкая]. – Москва, 2006. – С. 80–91.

231. Спенсер, Г. Воспитание: умственное, нравственное и физическое [Текст] : [пер. с англ.] / Герберт Спенсер ; [вступ. ст. Корнетова Г. Б.]. – Москва : УРАО, 2003. – 287, [1] с. – (Новая педагогическая библиотека / Ун-т Рос. акад. образования). – Библиогр.: с. 183–190.
232. Стельмахович, М. И. Традиции и тенденции развития семейной этнопедагогике украинского народа : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.01 / Киев. гос. пед. ин-т им. М. : Горького. - Киев, 1989. - 48 с.
233. Столович, Л. Н. И. Кант и проблема ценностей [Электронный ресурс] / Л. Н. Столович // Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта : [сайт] / БФУ им. Канта, 2011. - URL: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/44f/soptmjommzupytj%20qm.%20zt..pdf> (дата обращения : 23.05.2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
234. Страны и народы : научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах. Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа / редкол.: В. П. Максаковский, С. А. Токарев (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 1981. – С. 135–182.
235. Страны Северной Европы : Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия [Текст] // Новая история стран Европы и Америки. Первый период [Текст] : учеб. для вузов / [В. Н. Виноградов, Н. М. Гусева, А. М. Зверев и др.] ; под ред. Е. Е. Юровской и И. М. Кривогуза. - Москва : Высш. шк., 1998. – 413,[2] с.
236. Стрингольм, А. Походы викингов [Текст] : [пер. с нем.] / Андерс Стрингольм; [предисл. и коммент. А. Хлевова]. – Москва : АСТ, 2002. – 731,[2] с., [4] л. ил. – (Историческая библиотека). – Библиогр.: с. 731.
237. Сурожский, А. Брак и семья [Текст] / Митрополит Антоний Сурожский. – Москва : Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2012. – 352 с.

238. Сухомлинский, В. А. Избранные педагогические сочинения [Текст]. В 3-х т. Т. 2 : Павлышская средняя школа / В. А. Сухомлинский ; сост. О. С. Богданова, В. З. Смаль. – Москва : Педагогика, 1980. – 384 с. : ил.
239. Тайчинов, М. Г. Традиционные ценности народов России и их интеграция в современной системе образования / М. Г. Тайчинов ; Нижнекам. муницип. ин-т. – Нижнекамск : [б.и.], 2006. – 44 с.
240. Тайчинов, М. Г. Семья – основа формирования духовной сферы личности растущего человека / М. Г. Тайчинов, В. С. Нагаев // Современный мир : экономика, история, образование, культура : сб. науч. тр. / редкол. : В. Д. Недорезков, И. И. Валеев, Р. М. Зиязетдинова. – Уфа, 2003. – Ч. 1. – С 91–94.
241. Тазбир, Я. Селедка вместо головы : польский стереотип шведа [Текст] / Януш Тазбир // Родина. – 1999. – № 12. – С. 118–121.
242. Тиайнен, Т. В. «Государственный феминизм» в Швеции во второй половине XX века [Текст] / Т. В. Тиайнен // Вопросы истории. – 2007. – № 1. – С. 125–133.
243. Тиайнен, Т. В. Особенности феминистского движения в Швеции во второй половине XIX-XX вв. [Текст] / Т. В. Тиайнен // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л. П. Репиной. – Москва, 2007. – № 13. – С. 188–223.
244. Тимофеева, М. Эллен Кей : проблемы социологии [Текст] / М. Тимофеева // На рубеже веков : Российско-скандинавский литературный диалог : докл. междунар. конф., Москва, 23 – 27 апреля 2000 г. / Рос. гос. технол. ун-т ; [сост. М. М. Одесская ; под ред. М. М. Одесской, Т. А. Чесноковой]. – Москва, 2001. – С. 241–247. – (Литературный диалог ; Вып. 2.).
245. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Политиздат, 1986. – 582с.
246. Толстая, Н. Н. Шведы и русские : взаимное восприятие [Текст] / Н. Н. Толстая // Шведы и Русский Север : историко-культурные связи [Текст] : материалы междунар. науч. симп. : (к 210-летию А. Л. Витберга) / Департамент

культуры и искусства Администрации Киров. обл., Упр. междунар. связей и внешнеэконом. деятельности Администрации Киров. обл. [и др.] ; [отв. ред. В. В. Низов]. – Киров, 1997. – С. 256-259.

247. Толстой, Л. Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях Л. Л. Толстого [Текст]. – Москва : Типо-литография Т-ва. И. Н. Кушнеров и К., 1900. – 281 с.

248. Толстой, Л. Н. Педагогические сочинения [Текст] / Л. Н. Толстой ; [вступ. ст. Н. В. Вейкшан (Кудрявой), с. 6–32; АПН СССР]. – Москва : Педагогика, 1989. – 542,[1] с. – (Педагогическая библиотека). – Пед. соч. Л. Н. Толстого, лит. о нем: с. 538–540. – Библиогр. в примеч. : с. 515–536. – Указ. имен. : с. 541–542.

249. Традиция в истории культуры [Текст] : сборник статей. Посвящен 85-летию А. Ф. Лосева / АН СССР, Научный совет по истории мировой культуры ; АН СССР, Научный совет по истории мировой культуры. – Москва : Наука, 1978. – 279 с.

250. Традиции и инновации в современной России [Текст] : социологический анализ взаимодействия и динамики / [Гофман Александр Бенционович, д-р социол. наук, проф., Темницкий Александр Лазаревич, канд. социол. наук, доц., Крылов Валерий Андреевич, магистр социологии, докторант Ин-та упр. предприятиями Ун-та Парижа и др.] ; под ред. А. Б. Гофмана. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 541, [2] с. : ил. – (Humanitas / Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Ин-т науч. информации по обществ. наукам ; гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит). – Библиогр. в примеч. в конце глав. – Указ. имен. / сост. И. И. Ремизова: с. 531–542.

251. Учение о семейной жизни святителя Филарета Московского [Текст] / сост. священник Григорий Вышеславцев. – Москва : Синтаγμα, 1997. – 36 [б. с.]. – Печатается по изданию : О семейной жизни по учению святителя Филарета, митрополита Московского, Санкт-Петербург, 1894.

252. Ушинский, К. Д. Избранные труды [Текст]. В 4 кн. Кн. 1 : Проблемы педагогики / К. Д. Ушинский ; [сост., авт. ст., примеч. и коммент. Э. Д.

Днепров]. – Москва : Дрофа, 2005. – 638,[1] с. – Библиогр. в Комментар. и прим.: с. 559–622 и в подстроч. прим. – Предм. указ.: с. 623–630. – Указ. имен: с. 631–638.

253. Ушинский, К. Д. О народности в общественном воспитании [Текст] / К. Д. Ушинский // Педагогические сочинения : в 6 т. / К. Д. Ушинский ; редкол. : М. И. Кондаков (гл. ред.) и др. ; [вступ. ст., с. 6–30, сост. и примеч. С. Ф. Егорова]. – Москва, 1988. – Т. 1. – С. 194–257.

254. Федулова, А. Б. Семья и семейные ценности : философско-аксиологический анализ [Текст] : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / Анна Борисовна Федулова ; Помор. гос. ун-т. – Архангельск : ПГУ, 2003. – 23 с.

255. Феминизм [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет» : универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия / Mediacreator, 2007–2015. – URL : <http://www.krugosvet.ru/articles/101/1010190/1010190a1.htm> (дата обращения : 26.01.2015). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.

256. Философский словарь / [Адо А. В. и др.] ; Под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Политиздат, 1991. – 559, [1] с.

257. Фиш, Г. С. Скандинавия в трех лицах [Текст]. В 2 кн. Кн. 2 : У шведов / Г. С. Фиш. – Москва : Советский писатель, 1969. – 271 с., [4] л. ил.

258. Фоменкова, А. Б. Недвижимая собственность в Западных Гетских землях (согласно старшей редакции Вестгеталага) [Текст] / А. Б. Фоменков // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т истории. – Москва ; Ленинград, 1997. – Вып. 61 – С. 47–63.

259. Фролов, И. Т. Социальная сущность человека и его природно-биологическое существование, индивидуальное и историческое развитие [Текст] / И. Т. Фролов // Человек, наука, гуманизм [Текст] : к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова : [сборник статей] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; [ред.-сост.: к.филос.н. Г.Л. Белкина, отв. ред.: акад. А.А. Гусейнов]. - Москва : Наука, 2009. - 799, [1] с.

260. Хадениус, С. Шведская политика в XX веке – конфликт и согласие [Текст] : [пер. В. Ринкус] / Стиг Хадениус. – Стокгольм (Швеция) : Шведский институт, 1997. – 174 с. : ил.
261. Хансен, Б. Семейные, хозяйственные и трудовые крестьянские объединения в Юго-Восточной Сконе в 1690 – 1950 годах [Текст] / Б. Хансен // Скандинавский сборник / под общ. ред. В. В. Похлебкина и Л. К. Роотс. – Таллин, 1958. – С. 53–89.
262. Хирдман, И. Женщины – от возможности к проблеме ? Конфликт полов в «государстве всеобщего благоденствия» - шведская модель [Текст] : Северная Европа : Проблемы истории. - Москва : Прогресс – Академия, 1995. – Вып. 1. - С. 217 – 246.
263. Хлеб в народной культуре = Bread in popular culture : этногр. очерки [Текст] : [сб. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина]. – Москва : Наука, 2004. – 412, [1] с. : ил. – Библиогр. в конце ст.
264. Хобсбаун, Э. Век империи, 1875 – 1914 [Текст] : [перевод] / Э. Хобсбаум. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 540, [2] с. : ил. – Библиогр. в примеч. : с. 509–525. – Библиогр. : с. 526–541.
265. Хрестоматия по истории педагогики : [сост. А. И. Пискунов и др.] ; под ред. А. И. Пискунова. - Москва : ТЦ Сфера, 2006- (Смоленск : Смоленская обл. тип. им. В.И. Смирнова).-22см. Т. 3: Новейшее время / [сост. и авт. вводных ст. и примеч.: М. Г. Плохова]. - 2007. - 560 с. : портр.
266. Хухлаева, О. В. Этнопедагогика: социализация детей и подростков в традиционной культуре [Текст] : учебное пособие / О. В. Хухлаева ; [гл. ред. Д. И. Фельдштейн] ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – Москва : МПСИ, 2008. – 247 с. – Библиогр.: с. 238–[242]. – Библиогр. в подстроч. примеч.
267. Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы : [Сб. ст.] / [Науч. ред. А. Кан]; Пер. с швед. В. Возгина. - Москва : Текст, 1999. – 316.

268. Цыренова, З. Е. Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири (1920–конец 80–х гг.) : опыт сохранения развития : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Цыренова Зинаида Егоровна ; [Место защиты: Бурят. гос. ун-т]. – Улан-Удэ, 2007. – 479 с. : ил.
269. Чарный, М. Путешествие к варягам [Текст] / М. Чарный // Октябрь. – 1966. – № 7. – С. 185–195.
270. Человек и духовность [Текст] : [Сб. ст.] / Латв. АН, Ин-т философии и права ; [Редкол.: В. Г. Федотова (отв. ред.) и др.]. - Рига : Зинатне, 1990. - 150,[2].
271. Черная, Л. В. Скандинавская женщина эпохи викингов [Электронный ресурс] / Л. В. Черная // Вестник Томского государственного университета. – № 288 (сент.). – URL : <http://norse.ulver.com/articles/chornaya/woman.html> (дата обращения : 22. 05. 2013.). – Загл. с экрана. – Доступ свободный.
272. Чернышева, О. В. Образ соседа в русском восприятии (XIX – XX века) [Текст] / О. В. Чернышева // Северная Европа. Проблемы новейшей истории : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР. Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. О. В. Чернышева. – Москва, 1999. – Вып. 3. – С. 366.
273. Чернышева, О. В. Церковь и демократия [Текст] : опыт Швеции / О. В. Чернышева ; Рос. АН, Ин-т всеобщ. истории. – Москва. : Наука, 1994. – 188, [2] с.
274. Чернышева, О. В. Шведы и русские : образ соседа [Текст] / О. В. Чернышева ; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – Москва : Наука, 2004. – 253, [1] с.
275. Чеснокова, Т. А. Россия – Швеция = Ryssland – Sverige [Текст] : диалог культур / Т. А. Чеснокова ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Рос.-швед. науч.-учеб. центр. – Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2004 (Издат. центр РГГУ). – 180, [1] с.
276. Чеснокова, Т. А. Шведская идентичность. Изменение национального менталитета = Svensk identitet. Mentalitetens förändringar [Текст] / Т. А. Чеснокова ; Российский гос. гуманитарный ун-т, Российско-шведский науч.-учеб. центр. – Москва : РГГУ, 2008. – 184, [5] с.

277. Чистов, К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования [Текст] / К. В. Чистов // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 105 – 107.
278. Шарыпкин, Д. М. Стринберг в России [Текст] / Д. М. Шарыпкин // Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв. : сборник статей / Аккад. наук СССР, Ин-т истории. – Ленинград, 1970. – Вып. 11. – С. 294–312.
279. Шаповалов, В. Ф. Истоки и смысл российской цивилизации [Текст] : Учебное пособие для вузов. - М.: ФАИР – ПРЕСС, 2003. – 624с.
280. Швейгер – Лерхенфельд, А. Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара / А. Ф. Швейгер – Лерхенфельд. – Б. М. : Издательский дом «Кураре – Н», 1998. – 8 – 599.
281. Широкая, В. А. Образ жизни поморской семьи / В. А. Широкая, С. Ю. Мосягина // Педагогика и психология : проблемы теории и практики : сборник статей преподавателей и студентов / Министерство образования и науки Рос.Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В.Ломоносова, «Институт» педагогики, психологии и профессионального обучения ; [редкол. : Т. С. Буторина, доктор педагогических наук, профессор, И. М. Пушкина, кандидат пед. наук, доцент]. – Архангельск, 2012. – С. 186 – 192.
282. Щеглов, А. Д. Вестеросский риксдаг 1527 года и начало Реформации в Швеции = Västerås riksdag 1527 och reformationens början i Sverige : [монография] [Текст] / А. Д. Щеглов ; Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – Москва : Наука, 2008. – 227, [2] с.
283. Щекина, С. С. Воспитание в Поморской семье XVIII – XIX вв. : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / С. С. Щекина. – Архангельск, 1995. – 240 с.
284. Щуркова, Н. Е. Жизнь как базовая ценность системы образования [Текст] / Н. Е. Щуркова // Воспитание школьников. – 2011. — N 3. – С. 3 – 12.

285. Энгельмейер, А. К. По русскому и скандинавскому северу : Путевые воспоминания [Текст] : в 4 ч. / А. К. Энгельмейер. – Москва : тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. – XIV, 210 с.
286. Этика [Текст] : энцикл. слов. / Ин-т философии Рос. акад. наук, [Федер. прогр. книгоизд. России] ; под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – Москва : Гардарики, 2001. – 668,[1] с. – Библиогр. в тексте.
287. Юдина, Н. П. Традиционализм и педагогическая традиция [Электронный ресурс] / Н. П. Юдина // Вектор науки ТГУ. Серия : Педагогика, психология. – 2012. – № 1(8). – С. 332–335. – Библиогр. : с. 335 (11 назв.). – URL:http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media69595/109_jdina.pdf (дата обращения : 22. 05. 2013.). – Загл. с экрана. – Электрон. версия печ. публ. – Доступ свободный.
288. Языков, А. П. Из дорожных записок по Швеции в 1869 году [Текст] / [Соч.] А. П. Языкова. – [Санкт-Петербург] : тип. В. А. Полетики, ценз. 1875. – 8 с. – Отт. из "Биржевых вед." 1875, № 23, 24.
289. Alla de dagar som är livet : bondedagböcker om arbete, resor och umgänge under 1800 – talet [Text] / ed. Janken. Mydral. – [Stockholm] : Nord. Mus. Förl., 1991. – 132 s. : ill., graph.
290. Ambjörnsson, R. Samhällsmoder. Ellen Keys kvinnouppfattning till ock med 1896 [Text] / R. Ambjörnsson. – Göteborg :Göteborg un-t, Institution för ide-och lärdomshistoria, 1974. – 297 s.
291. Antman, S. Barn och äldre omsorg i Sverige [Electronic resource] / S. Antman. – URL : <http://www.abc.se/index.html> (дата обращения : 22. 05. 2013.). – Free access.
292. Arkiv för Norrlands Hembygdsforskning utgiven av Föreningen för Norrlands Hembygdsforskning genom Theodor Hellman [Text]. – Härnösand : Härnösands-Postens Tryckeri – Aktiebolag, 1917. – 160 s.
293. Bager, E. Hushåll i en handelsgård i Malmö på 1700-talet [Text] / E. Bager // Elbogen. (Tidskrift). – Malmö, 1987. – Årg. 17. – S. 39–47.

294. Berg, K.-W. Studier i C. J. L. Almquists kvinnouppfatning [Text] / Karin Westman Berg. – Göteborg : Akademiförlag / Gumpert, 1962. – 448 s. – (Kvinnohistoriskt arkiv ; 3).
295. Berg, M. In memoriam. Särtryck ur «Meddelanden från Svenska Föreningen för Dövas Vål» [Text] / M. Berg. – Lund : Berlingska Boktryckeri, 1932. – 8 s.
296. Bergström, B. Alla tiders Sverige [Text] / Börje Bergström. – Malmö : Gleerups, 1994. – 323 s. : ill.
297. Bjerén, G. Livstider : kvinnors liv på 1900 – talet [Text] / Gunilla Bjerén. – Stockholm : Instant Book AB, 2009. – 216 s.
298. Bjurman, E. L. Barnhistoria om barns villkor förr [Text] / Eva Lis. Bjurman. – Solna : Esselte studium, 1981. – 122 s.
299. Bjurman, E. L. Om att slå broklös bak [Text] / Eva Lis Bjurman. – Stockholm : Centrum för barnkulturforskning, Univ., 1988. – 29 s. – (Centrum för barnkulturforskning ; 12).
300. Bondeson, L. Seder och bruk vid bröllop [Text] / Lars Bondeson. – Stockholm : Verbum, 1988. – 150 s.
301. Brembeck, H. Tyst, lydig, arbetsam : om barnuppfostran på den västsvenska landsbygden under senare delen av 1880 – talet [Text] / Helene Brembeck. – Göteborg : Etnologiska fören. i Västsverige, 1986. – 69 s. – (Lokalhistorisk identitet ; 5).
302. Bringéus, N.-A. Svenska dopseder [Text] / Nils-Arvid Bringéus // Fataburen : Nordiska museets och Skansens årsbok / ed. Axel-Nilsson Christian. – Stockholm, 1971. – S. 63–69.
303. Bringéus, N.-A. Livets högtidsdagar [Text] / Nils-Arvid Bringéus. – Stockholm : Carlsson, 2007. – 331 s.
304. Broman, I. T. Pedagogiskt arbete och kön [Text] / I. T. Broman. - Sweden : Malmö AB, 2008. – 194 s.
305. Bröms, K. Fridtjuv Bergs pedagogik [Text] / K. Bröms. – Lund : Förening för Svensk Undervisningshistoria, 1964. – V. 112. – 508 s. – (Årsböcker i svensk undervisningshistoria).

306. Ciesielski, Z. *The Culture of Scandinavia* / Z. Ciesielski [Text] // *Folia Scandinavica Posnaniensia*. – Poznan, 1997. – Vol. 4. – S. [167] – 175.
307. *Charitable women – Philanthropic Welfare 1780 – 1930* [Text] : review / Carol Gold ; ed. Birgitta Jordansson, Tinne Vammen // *Scandinavian Studies*. – 1999. – Vol. 71, № 3. – S. 363–364.
308. Chrispinsson, J. *Skelskiften : en kronika om sex, makt och pengar* [Text] / J. Chrispinsson. – Stockholm : Norstedts Förlag, 1999. – 285 s.
309. Clayhills, H. *Kvinnorörelse och patriarkatet. En svensk sida av en europeisk utveckling* / Clayhills Harriet // *Lycksalighetens halvö : den svenska välfärdsmodellen och Europa* / ed. Göran Therborn, Birgitta Trotzig. – Stockholm : Sekretariatet för framtidsstudier, FRN : Brevskolan [distributör] : Liber [distributör], 1987. – 150 s. – (Sverige och Europa, Nr 2; Sverige. Sekretariatet för framtidsstudier. Framtidsstudien Sverige och Europa).
310. Daun, Å. *Svensk mentalitet ett jämförande perspektiv* [Text] / Åke Daun. – Stockholm : R 8 S, 1989. – 268 s.
311. *Den svenska historien* [Text]. [8] : *Karl Johanstiden och den borgerliga liberalismen, 1809 – 1865* / [Sten Carlsson, Jerker Rosén ; red. Jan Cornell, Gunvor Grenholm]. – Stockholm : Bonnier. – 1968. – 349, [1] s.
312. *Det evigt kvinnliga : en historia om förändring* [Text] / Cristina Carlsson Wetterberg ; red. Ulla Wikander. – Stockholm : Tiden, 1994. – 287 s.
313. Eneroth O. *Om folkskolan i Sverige. Folkskolan, dess ändamål, medel och verkningar jemte öfversigt öfver folkskolans ställning i Sverige och Norge samt andra kristna länder* [Text] / af Olof Eneroth. - Stockholm: Nyman, 1867. – 295 s.
314. Englund, B. *Rätten till ordet : en kollektivbiografi över skrivande stockholmskvinnor 1880 – 1920* [Text] / Boel Englund, Lena Kåreland. – Stockholm : Carlsson, 2008. – 409 s.
315. Eriksson, E. *Bröllop den gamla goda tiden. Anteckningar ur minnet fråå 1850 – 1860 – talen* [Text] / E. Eriksson // *Jämten*. – 1927. – № 21. – S. 271–274.
316. *Familj och kön : etnologiska perspektiv* [Text] / red. Britta Lundgren, Inger Lövkrona, Birgitta Meurling – Lund : Studentlitteratur 1999. – 207 s.

317. Feminismens idéer [Text] / red. Hanna Östholm. – Lund : Studentlitteratur, 2006. – 378 s.
318. Flodström, I. Sveriges Folk : en utbildnings-, odlings-och samhällshistorisk skildring [Text] / Isidor Flodström. – Uppsala : Almqvist & Wiksell 1918. – 621 s.
319. Florin, C. Kampen om katedern : feminiserings- och professionaliseringsprocessen inom den svenska folkskolans lärarkår 1860-1906 = Who should sit in the teacher's chair? : the processes of feminization and professionalization among Swedish elementary school teachers 1860-1906 [Text] / Christina. Florin. – Umeå : Univ., 1987. – 262 s. – (Ser. Umeå studies in the humanities ; 82).
320. Florin, C. Kvinnor på gränsen till medborgarskap : genus, politik och offentlighet 1800-1950 [Text] / Christina Florin, red. Lars Kvarnström. – Stockholm : Atlas, 2011. – 309 s.
321. Folklig dräkt [Text] / ed. Sigfrid Svennson. – Lund : Liber Läromedel, 1974. – 296 s. – (Handböcker i etnologi).
322. Force of Habit exploring everyday Culture / red. Jonas. Frykman, Orvar Löfgren ; [transl. by Alan Crozier and David Weston]. – Lund : Lund Univ. Press, 1996. – 172 s. – (Ser. Lund studies in European ethnology ; 1).
323. Fredlund, J. Så levde vi : en bok om vardagsliv och vardagsting från förr / Jane Fredlund // Västerås : Ica bokförl., 1976. – 80 s.
324. Frykman, J. Den kultiverade människan [Text] / Jonas. Frykman, Orvar Löfgren. – Lund : LiberLäromedel, 1979. – 240 s. – (Skrifter ; 11 / Etnologiska sällskapet i Lund).
325. Från sapfo till cyborg : idéer om kön och sexualitet i historien [Text] / ed. Lena Lennerhed. – Stockholm : Gidlunds förlag, 2008. – 240 s.
326. Färnström, E. Frederika Bremer och Erik Gustav Geijer [Text] / Emil Färnström. – Stockholm, Natur och kultur, 1964. – 147, [1] s.
327. För våra barn : fem europeiska kvinnor i tiden / redaktörer: Eva-Mari Köhler och Gunilla Härnsten. - Stockholm : Carlsson, [1996] ; 247 s. : ill.

328. Gaunt, D. Familjeliv i Norden [Text] / David Gaunt. – Stockholm : Gidlund, 1996. – 372 s.
329. Gelotte, A.-M. När vi var barn [Text] : Ida Maria från Arfliden, Tyra i 10:an Odengatan, Vi bodde i Helenelund i en bok / Ida Maria Gelotte. – Stockholm : Tiden, 1992. – [120] s.
330. Grimberg, C. Svenska folkets underbara öden : ny reviderad upplaga i tio band [Text]. Bd 9 : 1844 – 1907 / Carl Grimberg ; ed. Alf Åberg. – Stockholm : Norstedt, 1962. – 528 s. : ill.
331. Gruddbo på Sollerön : en by undersökning [Text] / ed. Erixon Sigurd, Gösta Berg, Sigfrid Svensson . – Stockholm : Thule, 1938. – 583 s.
332. Göransson, A. Sekelshiften och en kön [Text] : strukturella övergångar år 1800, 1900 och 2000 / Anita Göransson, Ida Blom. – [Stockholm] : [Prisma Bokförlag](#), 2000. – 232 s.
333. Hadenius, S. 46 texter om Sverige [Text] / Patrik Hadenius, Agneta Linden . – Stockholm : Bonnier utbildning, 2005. – 158 s. : ill.
334. Hagberg, L. Nygårds Brita Ersdotters bröllop i Leksand, Dalarna, år 1863 [Text] / Loise Hagberg // Fataburen : kulturhistorisk tidskrift : nordiska museets och skansens årsbok. – Stockholm, 1923. – S. 117–132.
335. Hammar, I. From Fredrika Bremer to Ellen Key [Text] / I. Hammar // Gender and vocation. Women, religion and sicial change in the nordic countries, 1830 – 1940 / ed. Pirjo Markkola. – Helsinki, 2000. – S. 27–67. – ([Studia Historica ; Vol. 64 : De Studia historica: Suomen historiallinen seura](#)).
336. Handbok i svensk kvinnohistoria [Text] / ed. Kerstin Abukhanfusa, Gunhild Kyle. – Stockholm : Carlssons, 1987. – 235 s.
337. Hartman, S. Det pedagogiska kulturarvet [Text] : Traditioner och ideer i svensk undervisningshistoria / Sven Hartman. – Stockholm : Natur och kultur, 2005. – 680 s.
338. Heckscher E. Svenskt arbete och liv från medeltiden till nutid / Eli F. Heckscher. – 9th uppl. – Stockholm : AB. – 1985. – 388 s.
339. Heddlund, M. Barnets uppfostran och utbildning i en storfamilj [Text] / Märta Heddlund [Text] // Folk-liv : acta ethnologica Europaea : svensk årsbok för europeisk

- folklivsforskning / red. Sigurd Erixon. – Stockholm : Bokförlags A.-B. Thule. – 1943 – 1944. – Vol. VII – VIII. – S.73-89.
340. Hirdman, Y. Kvinnohistoria : om kvinnors villkor från antiken till våra dagar [Text] / Yvonne Hirdman. – Stockholm : Utbildningsradion, 1992. – 224 s.
341. Holm, B. «Kulturarbetare/kultfigur : Ellen Keys och Selma Lagerlöfs europeiska kontaktskolor och vägar till berömmelse» / Birgitta Holm // CERUM Working Paper CWS. – 1992. – № 8. – 52.
342. Holm, C. Fridtjuv Berg och folkhögskolan / Carl Holm. - Stockholm, 1968 ; 171 s. – (Serie: Årsböcker i svensk undervisningshistoria, Nr 44(1964) ; 120)
343. Holmdahl, B. Tusen år i det svenska barnets historia [Text] / Barbro Holmdahl. – Lund : Studentlitteratur, 2000. – 214 s. : ill.
344. Högnäs, S. Ideernas historia [Text] : en översikt / Sten Högnäs ; [faktagranskning: Jonas Hansson och Rolf Lindborg]. – Lund : Historiska media, 2003. – 240 s.
345. Jacobsson, M. «Att bliva sin egen». Ungdomars väg in i vuxenlivet i 1700- och 1800 – talens övre Norrland [Text] : akademisk avhandling vid sociologiska institutionen / Mats Jacobsson; Umeå : Umeå universitet, 2000. – 276.
346. Johansson, E. The history of literacy in Sweden [Text] : in comparison with other countries / Egil Johansson. – 2 nd ed. – Umeå : Univ., 1977. – 94 s.
347. Johansson, E. «To know the words» – the keys to oral and reading tradition in church [Text] : a basic theme in Christian literacy teaching / Egil Johansson // Ecology of Spirit: cultural plurality and religious identity in the Barents region : conference, 1996 September 19 th–21 st. – Umeå : Univ., 1998. – S. 30 – 37.
348. Johansson, P. G. Mjölk, bär och eterneller : Om genus och tillvarons mångtydighet : Lantbrukarkvinnor i Mark under 1900 – talet [Text] / Pio Götebo Johansson. – Stockholm : Carlsson, 1996. – 342 s. : ill.
349. Karlsson, Å. B. Kvinnan, staden och rätten under 1600 – talet [Text] / Åsa B. Karlsson // Historisk tidskrift. – 1995. – № 4. – S. 536–559.
350. Key, E. Barnets århundrade [Text] / Ellen Key . – Litauen : S. Jokuzys printing house, [200?]. – 188 s.

351. Klinberg, G. Så levde barnen förr : dokument om allvar och lek [Text] / Göte. Klinberg. – Stockholm : Natur och kultur, 1971. – 151 s.
352. Korn, D. Folkkultur.Tradition och gammaldags liv i socknarna Råda, Landevetter, Härryda, Björketorp och Bollebygd [Text] / D. Korn. – Göteborg : Graphic Systems AB, 1981. – 227 s.
353. Kultur och erfarenhet : aktuella teman i svensk etnologi [Text] / ed. Billy Ehn, Alf Arvidsson. – Stockholm : Carlssons Bokörlag, 1993. – 150, [1] s. – (Entologiska skrifter ; 1.).
354. Kvinnor och jord : arbete och ägande från mdeltide till nutid [Text] / ed. Britt Liljewall, Kirsti Niskanen, Maria Sjöberg. – Lund : Nordiska museets förlag och föfattarna. Tryckt hos BTY Tryck, 2001. – 200 s. – (Skrifter om skogs – och landbrukshistoria, 15).
355. Kvinnor på gränsen till medborgarpkap : genup, politik och offentlighet 1800 – 1950 [Text] / ed. Christina Florin, Larp Kvarnptröm. – Stockholm: Atlap, 2001. – 309 s.
356. Kvinnohistorisk uppslagsbok [Text] / ed. Clayhills Harriet. – Stockholm : Rabén och Sjögrens Bokförlag, 1991. – 563 (1).
357. Kyle, G. Eva von Krusenstjerna. Kvinno – profiler [Text] / G. Kyle. – Stockholm : Natur och Kultur, 1993. – 168 s.
358. Kyle, G. Två studier i den svenska flickskolans historia [Text] / Gunhild Kyle, Gunnar Herrström, Stig G. Nordström. – Stockholm : [s. n.], 1972. – 284 s. – (Årsböcker i svensk undervisningshistoria ; 52(1972) ; 128)
359. Kälvemarm, A.-S. Att vänta barn när man gifter sig. Föäktenskapliga förbindelser och giftrmålsmonster / A.-S. Kälvemarm [Text] // Historisk tidskrift. – 1977. – № 97. – S. 180–190.
360. Kåreland, L. Rätten till ordet : en kollektivbiografi över pkrivandeptockholmpkvinnor 1880 – 1920 [Text] / L. Kåreland, B. Englund. – Stockholm : Carlppon Bokförlag, 2008. – 409 s.
361. Landquist, J. Pedagogikens historia [Text] / John Landquist. – Lund : Gleerups, 1941. – 292 s.

362. Lengborn, T. En studie i Ellen Keys pedagogiska tänkande främst med utgångspunkt från ”Barnets århundrande” [Text] / T. Lengborn. – Stockholm : [s. n.], 1977. – 151 s.
363. Levander, L. Barnavård i Övre Dalarna vid 1800 – talets mitt. / Lars Levander. – Stockholm : Landbrukförbudets Tidskrift AB, 1946. – 58 s. – ([K. Gustav Adolfs Akademiens småskrifter](#) ; 3.)
364. Levander, L. Barnuppfostran i äldre tid [Text] / Lars Levander. – Stockholm : Landbrukförbudets Tidskrift AB, 1946. – 45 s.
365. Levander, L. Älvdalskt arbetsliv under årtiondena omkring 1800 – talets mitt [Text] / Lars Levander ; ed. . – København : Munksgaard, 1953. – 454 s. : 1 bl., ill., 1 kt. – (Landsmåls – och Folkminnesarkivet ; Ser.B.,8.).
366. Liliequist, M. Nybygggarbarn : barnuppfostran bland nybyggare i Frostvikens, Vilhelmina och Tärna socknar 1850-1920 [Text] / Marianne Liliequist. - Stockholm : Carlsson, 1994. – 269, [9] s. : ill. ; 24 cm .
367. Liljewall, B. Bondevardag och samhällsförändring. Studier i och kring västsvenska bondedagböcker från 1800-talet [Text] / Britt Liljewall. – Göteborg : Historiska Institutionen, 1995. – 397 s.
368. Liljewall, B. Självskrivna liv : studier i äldre folkliga levnadsminnen [Text] / Britt Liljewall. – Stockholm : Nordiska Museets Förl., 2001. – 501 s. : ill.
369. Lindberg, B. Kvinnor – vakna, våga! : en studie kring pedagogen och samhällsvisionären Honorine Hermelin Gronbech [Text] / Berit Lindberg. – Lund : Lunds universitet, Pedagogiska institutionen, 2000 – 338 s.
370. Lindmark, D. Uppfostran, undervisning, upplysning [Text] : linjer i svensk folkundervisning före folkskolan / Daniel Lindmark. – Umeå : Univ., 1995. – 222 s. – (Alphabeta varia ; 5).
371. Lindström, U. Småbarn tillsyn och träning. En entologisk studie av äldre redskap och metoder i Europa med särskild hänsyn til Sverige. Care and training of little children [Text] / U. Lindström : rev. by M. Aukia // Ethnologia Scandinavica : a Journal for Nordic Entology. – 1980. – S. 181–183.

372. Losman, B. Kvinnlig särart och sedlighet i det förindustriella Sverige [Text] / Beata Losman // Lika eller olika : spelar det någon roll?. – Älvsjö, 1984. – S. 65–79.
373. Losman, B. Kvinnor, män och barn på 1800 – talets svenska landsbygd livsöden för människor födda i Väse försäling Värmland 1800 – 1840 [Text] / Beata Losman. – Göteborg : Acta Universitatis Gothoburgensis, 1986. – 269 s. – (Göteborg women`s studies ; 1).
374. Lundval, S. Ett sörmländsk bondbröllop [Text] / S. Lundval // Nordiska museets och Skansens årsbok «Fataburen». – Stockholm, 1947. – S. 85–90.
375. Lyttkens, A. Svensk kvinna : [kulturhistoriska tidsmålningar](#) i [ord och bild](#) [Text] / Alice Lyttkens. – Stockholm : Geber, 1941. – 715 s.
376. Löfgren, O. Arbetsfördelning och könsroller i bondesamhället kontinuitet och förändring : ett diskussionskompendium [Text] / Orvar Löfgren. – Köpenhamn, 1974. – 51 s.
377. Löfgren, O. Family and Household among Scandinavian Peasants : An Exploratory Eessays [Text] / Orvar Löfgren // Ethnologia Scandinavica : a Journal for Nordic Entology. – 1974. – S. 158–160.
378. Löfgren, O. The Swedish Family : a Study of Privatisation and Social Change since 1880. / Orvar Löfgren // Our Common History. The Transformation of Europe / ed. Thomson Paul & Burchardt Natasha. – London, 1982. – S. 232–248.
379. Lönnquist, B. Ting, rum och barn : [historik-antropologiska studier](#) i [kulturella gränser](#) och [gränsöverskridande](#) = [Things, space and children](#) [Text] / Bo Lönnquist. – Helsingfors : [Finska Fornminnesföreningen](#), 1992 : ill. – 429 s.
380. Lövkruna, I. Nyckelknippans semiotik – Den starka bondkvinnan – myt eller verklighet? [Text] / I. Lövkruna // Nordisk etnologi och folkloristik under 1980 – talet / Andreas Gustavsson – Uppsala, 1990. – S. 179–219.
381. Magnus, O. Historia om de nordiska folken=Historia de gentibus septentrionalibus [Text] / Olaus Magnus i urval Knut Hugberg. – Uppsala : [Almqvist & Wiksell](#), 1963. – 200 s.

382. Medlius, H. I glädje och sorg. Bröllop och begravning på Öland i äldre tid [Text] / H. Medlius // Kalmar Län årsbok för kulturhistoria och hembygdsvård. – Kalmar, 1963. – Årg. 79. – S. 59–70.
383. Mitterauer, M. Ungdomstidens sociala historia=Sozialgeschichte der Jugend [Text] / Michael Mitterauer ; översättning : Gudrun Utas. – Göteborg : Röda bokförl., 1991. – 320 s.
384. Moberg, V. Min svenska historia [Text] / Vilhelm Moberg. – Stockholm : Norstedt, 1971- Andra delen : Fran Engelbrekt till med Dacke. - 389 s.
385. Morell, M. Det svenska jordbrukets historia. [Text] I 4 band. Bd. 4 : Jordbruket i industrisamhället : 1870-1945 / Mats Morell ; ed. Janken Myrdal. – Stockholm : Natur och kultur, 2001. – 392 s.
386. Myrdel, J. «I am yours, and you are mine» – love letters and a diary [Text] / Janken Myrdel // Peasant Diaries as a Source for the history of Mentality : report from the 30 International Conference on Farmers`Diaries, 1992 / ed. Bo Larsson & Janken Myrdel. – Stockholm, 1995. – S. 148–155.
387. Niheln, L. N. Nyhomanism och medborgarfostran [Text] / L. N. Niheln. – Lund : CWK Gleerup, 1975. – 234 s. – (Bibliotheca historica Lundensis, XXXIII).
388. Norborg, L.-A. 170 år i Sverige. : svensk samhällsutveckling 1809–1979 [Text] / Lars-Arne Norborg. – [Solna] : [Esselte studium] ; Arlöv : Berling, 1982. – 296, [8] s.
389. Nordisk etnologi och folkloristik under 1980 – talet : några forskningstrender presenterade vid en forskarkurs i Uppsala [Text] / ed. Anders Gustavsson. – Uppsala : Etnologiska institutionen, Univ. [distributör], 1990. – 386, [2] s. – (Etnolore ; 9).
390. Nordisk familjebok : konversationslexikon och realencyklopedi [Text]. [I 38 bd.]. Bd. 6 – 19 / ed. Theodor. Westrin. – Stockholm : Nordisk familjeboks förl., 1904–1926. – S. 852–865.
391. Nordström, I. Till bords [Text] : vardagsmoral och festprestige i det sydsvenska bondesamhället / Ingrid Nordström. – Stockholm : Carlsson, 1988. – 245, [1] s. – (Skrifter ; 24 /Etnologiska sällskapet i Lund).

392. Norrbotten berättar. № 1–9 [Text] / [Norrbottens Bildningsförbund LULEÅ, Kommittén för TV och Radio i Utbildningen Sweden](#). – [s. l.] : [s. n.], 1979. – 296 s.
393. Ny syn på Ellen Key [Text] : 32 texter av 23 författare : essays about Ellen Key. / ed. Siv Hacksell. – Stockholm : [s. n.], 2000. – 263 s.
394. Ohlander, A. S. Farliga kvinnor och barn. Historien och det utom äktenskaplig [Text] / Ann-Sofie Ohlander // *Kvinnohistoria*. – Stockholm, 2004. – S. 71– 86.
395. Ohlander, A. S. Tusen svenska kvinnoår : svensk kvinnohistoria från vikingatid till nutid [Text] / Ann-Sofie Ohlander, Ulla-Britt Strömberg ; [fot. Antikvarisk-topografiska arkivet]. – Stockholm : Rabén Prisma, 1996. – 191, [1] s.
396. Ohlander, K. Kvinnan i barnets och framtidens tjänst [Text] / Kajsa Ohlander. – *Locus*. – 1998. – № 4. – S. 43 – 54.
397. Pharmanson, K. Synen på flickors uppfostran och utbildning i tidskrift för hemmet 1859–1870 [Text] / Kerstin Pharmanson. – Göteborg : Historiska institutionen, univ., 1972. – 33 s.
398. Qvist, G. Ett perspektiv på den s. k. kvinnoemancipationen i Sverige 183 [Text] / Gunnar Qvist // *Historisk tidskrift*. – 1977. – Bd. 2, № 4. – S. 145–176.
399. Rummet vidgas : kvinnor på väg ut i offentlighet 1880–1940 [Text] / ed. [Eva Österberg](#), [Christina Carlsson Wetterberg](#). – Stockholm : Atlantis, 2002. – 470, [1] s.
400. Rut, W.-J. Torparnit och statarslit när seklet var ung [Text] / Wallensteen-Jaeger Rut. – Stockholm : LT, 1983. – 119 s.
401. Ryd, L. Kvinnor i väglöst land : nybyggarkvinnors liv och arbete [Text] / Lilian Ryd. – 3d. uppl. – Stockholm : Dialogos, 2005. – 311, [1] s.
402. Rydström, J. Kvinnor män och alla andra [Text] : en svenska genus historia / Jens Rydström, David Tjeder – 1 st uppl. – Lund : Studentlitteratur, 2009. – 282 s.
403. Sandström, A. Uppsatser, essayer, minnesteckningar, tal [Text] / Anna Sandström, [Sigrid Sandberg](#). – Stockholm : [Lindberg](#), 1933. – 416 s. – [Umschlagt. :] Ur Anna Sandströms skrifter.
404. Sandström, H. E. Ellen Key och vördnaden för individen [Text] : en reflexion över undervisningens varför, vad och hur / Henning E. Sandström. – Visby : Books-on-demand, 2001. – 82 s.

405. [Saxon, J. L.](#) Folkminnen och folkliv i Närke : [Uppteckningar](#) och [skildringar](#) [Text] / Johan Lindström Saxon. – Stockholm : [Nutidens Förl.](#), 1923. – 216 s.
406. Sjöberg, M. Att säkra framtidens skördar : barndom, skola och arbete i agrar miljö : Bolstad pastorat 1860–1930 [Text] / Mats Sjöberg. – Linköping : Tena, Univ, 1996. – 325, [10] s. – (Linköping studies in arts and science, 0282-9800 ; 141).
407. Sjöberg, M. Skiljas : trolovning, äktenskap och skilsmässa i Norrland på 1800 – talet [Text] / Marja Taussi Sjöberg. – Stockholm : Författarförlaget, 1988. – 180 s.
408. Sjöstrand, W. Pedagogikens historia. 3:2, Utvecklingen i Sverige under tiden 1809-1920 [Text] / Lund : Gleerup, 1965. - 453 s.
409. Sommestad, L. Jordbrukets kvinnor i den svenska modellen [Text] / Lena Sommerstadt // Historisk Tidskrift. – 1995. – № 115. – S. [508]–527.
410. Stadin, K. Hade de svenska kvinnorna en stormaktstid? [Text] K. Stadin // Tidskrift för historisk forskning. – Lund, 1997. – Bd. 63, h. 2.– S. 193–217.
411. Stadin, K. Stånd och genus i stormaktstidens Sverige [Text] / Kekke Stadin – Lund : Nordic Academic Press, 2004. – 366 s.
412. Steen, E. Typiskt svenskt [Text] / E. Steen // Kommunalarbetaren. – 2003. – № 2. – S. 34–35.
413. Strömberg, H. Forbondens hustru [Text] / Håkan Strömberg // Jämten. – Östersund, 1995. – № 88. – S. 88–101 : ill.
414. Svensk bondekultur [Text] / red. Gösta berg & Sigfrid Svensson. – Stockholm: Bonnier, 1934. – 291 s.
415. Svensk författningssamling, 1898 [Text]. – [Stockholm]. : [s. n.]. – 64 s.
416. Svenska landskapslagar. Ser. 1 : Östgöotalagen och Upplandslagen [Text] / ed. Åke Holmbäck, Elias Wessen. – Stockholm : Geber, 1933. – xlv, 245, 216 s.
417. Sveriges folk [Text]: en utbildnings-, odlings- och samhällshistorisk skildring / Isidor Flodström [et al] . – Uppsala : Almqvist & Wiksell, 1918. – 621, [1] s.
418. Szabó, M. Barnarbete i agrarsamhälle [Text] / Matyás Szabó. - Fataburen : Nordiska museets och skansens årsbok – 1971. – S. [19] – 46.

419. Säfvestad-Ericson, I. Kvinna förr. Våra förmödrars liv i 1800 – talets bondesamhälle [Text] / Ingegärd Säfvestad-Ericson, Nils Ericson. – Enköping : Hembygdsförl., 1993. – 128 s.
420. Thompson, P. Women in the fishing : the Roots of power between the sexes [Text] / Paul Thompson // Comparative studies in society and history. – 1985. – № 27. – S. 3 – 32.
421. Thorbjörn, L. En studie I Ellen Keys pedagogiska tänkande främst med utgångspunkt från «Barnets århundrade» [Text] / Lengborn Thorbjörn. – Stockholm : Fören. för sv. undervisningshistoria, 1977. – 151 s. – (Årsböcker i svensk undervisningshistoria ; 57(1977) ; 14).
422. Tidskrift för hemmet: tillegnad den svenska qvinnan [Electronic resource]. – 1883. Årgång 25. - № 5. – S. 215 – 234 ; № 6. – S. 277 – 304. - URL : <http://www.ub.gu.se/kvinn/digtid/02/> (дата обращения : 22. 05. 2013.). – Free access.
423. Tillhagen, C.-H. Barnet i folktron : tillblivelse, födelse och fostran [Text] / Carl-Herman Tillhagen. – Stockholm : LT, 1983. - 412, [1] s.
424. Ulfgard, M. Barn och uppfostran hos Ellen Key [Text] / Maria Ulfgard. – Signum. - № 2. – S. 46 – 49.
425. Ullman, A. Stiftarinnegenerationen [Text] : Sofi Almquist, Anna Sandström, Anna Ahlström / Annika Ullman . – Stockholm : Stockholmia Förlag. – 259 s. – (Stockholm stads monografiserie ; 167).
426. Ur barndomens historia [Text] / Centrum för barnkulturforskning vid Stockholms universitet. – Stockholm : Centrum för barnkulturforskning, Univ., 1995 – 229 s. – (Centrum för barnkulturforskning ; 25).
427. Wellander, E. Anna Sandström som pedagogisk nydanare [Text] // Erik Wellander // Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri. – 1933. – № 9 : 7 – S. 514–524.
428. Wieselgren Gr. Hertha – Fredrika Bremers födslovånda [Text] / Greta Wieselgren // Lika eller olika : spelar det någon roll?. – Älvsjö, 1984. – S. 15–27.

429. Wikander, U. Kvinnoarbete i Europa 1789– 1950 – Genus, makt och arbetsdelning [Text] / Ulla Wikander – Stockholm : Bokförlaget Atlas, 2006. – 196 s. – (Atlas Akademi).
430. Åberg, A. Vår svenska historia [Text] / Alf Åberg : ill. Bo Falk. – 6 th utg. – Stockholm : Natur och kultur, 1993. – 562 s. : ill.
431. Ödman, S.-J. Kontrasternas spel : En svensk mentalitets – och pedagogikhistoria i två band [Text] / Per-Johan Ödman. – 2 nd uppl. – [Stockholm] : Norstedts Akademiska Förlag, 2006. – 634 s. : ill.
432. Örvig, M. Så skulle flickor vara [Text] / Mary Örvig. – Stockholm : Natur och kultur, 1973. – 207 s.

Приложение 1
Программа спецкурса
«Ценностные основы женского воспитания в крестьянской семье
Швеции в XIX веке».

Цель спецкурса:

Способствовать формированию представлений о ценностях женского воспитания в крестьянской семье в Швеции в XIX веке.

Задачи спецкурса:

1. Познакомить студентов с народными традициями воспитания девочек – девушек в крестьянской семье в Швеции XIX века и сформировать интерес у студентов к изучению традиций воспитания;
2. Определить и углубить представления студентов о женском воспитании в крестьянской семье в Швеции XIX века;
3. Выявить ценностные традиции женского воспитания в крестьянской семье в Швеции XIX века, которые могут быть востребованы на современном этапе общественного развития.

Тематический план:

№	Название темы	Лекции	Семинары	Практические занятия
1	Ценностные основания женского воспитания в крестьянской семье в Швеции XIX века	2	2	
2	Воспитание нравственности в Швеции в XIX веке на основе протестантской веры	2	2	
3	Характеристика крестьянской семьи в контексте педагогических ценностей	2		
4	Социальный статус и положение шведской крестьянской женщины в семье в Швеции XIX века	2		
5	Ценность женского труда в крестьянской семье в Швеции XIX века	2		2

6	Подготовка к семейной жизни как цель женского воспитания в крестьянской семье в Швеции XIX века	2		
7	Ценность образования в крестьянской семье в Швеции XIX века	2		
8	Особенности женских воспитательных традиций в Швеции и России в XIX веке	2	2	2
	Всего:	16	6	4

Аудиторных занятий – 26, самостоятельная работа: 26 часа.

Содержание программы.

1. Ценностные основания женского воспитания в крестьянской семье в Швеции XIX века.

Тематический план занятия:

Сущность понятия «ценность» в философии, педагогике, социологии. Определение понятия «ценность» в трудах основоположников аскиологии (В. Виндельбандт, Н. Гартман, Г. Риккерт). Духовная природа ценности в трактовке отечественных мыслителей (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Н.О.Лосский, В. С. Соловьев). Духовно – нравственная составляющей в концепциях отечественных и зарубежных философов (К.С.Аксаков, И.Кант, И.В. Киреевский, С. Кьеркегор, Ю. Ф. Самарин, А.С. Хомяков, Л.Н. Толстой, М. Шелер и мн. др.). Современные философско – педагогические размышления о ценностях, иерархии ценностей в жизни человека (Х.М. Вегас, Г.П. Выжлецов, Б.Т. Лихачев, А. Маслоу, Н.В. Сидорова, В.А. Сухомлинсий, К.Д. Ушинский). Трактовка ценности в социологии как производная от социокультурной жизнедеятельности людей, правил, оценок, обеспечивающих функционирование и историческое изменение окружающей среды (М. Вебер, А.Б. Гофман, Э. Дюргейм); определяемой эволюционным прогрессом развития общества (Г.Спенсер). Идея о социальной основе ценностей в отечественной философии (А.А. Гусейнов, О.Г. Дробницкий, Л.Н. Столович, В.П. Тугаринов, В.А. Ядов и др.)

Педагогико – аксиологические основания о ценностях воспитания и образования на современном этапе (Н.А. Асташова, Е.В. Бондаревская, Т.С. Буторина, Г. Волков, Н.Д. Никандров, И.З. Сковородкина, Н.Е. Щуркова и др.).

Общечеловеческие ценности в контексте глобализации и интеграции образовательного пространства (Ю.С.Димитрюк, К. Вульфсон, Л.П. Гифранова, В.И.Ефимов, В.А. Караковский, И.А. Ильин, Д.А. Леонтьев, Б.Т. Лихачев, Н.Д. Никандров, Е.О. Севастьянова, А.В. Сергеева, И.А. Пурикова, В.М.Таланов, И.Т. Фролов и др.). Ценность супружества как малой Церкви в трудах богословов и православной литературе (Иоанна Златоуст, А. Сурожский, Филарет Московский и мн. др.).

2. Воспитание нравственности в Швеции в XIX веке на основе протестантской веры.

Тематический план занятия:

Реформация Мартина Лютера как религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI — начала XVII века, направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией. Основные отличия православия и протестантизма.

Особенности развития реформации в Швеции: видные деятели реформации в Швеции. Учение Мартина Лютера о браке и воспитании детей. Педагогическая значимость традиции духовно – нравственноговоспитания в крестьянской семье: любовь и уважение родителей, почитание и помощь старших, воспитание честности, порядочности, выработка умения сдерживать чувства и эмоции на людях, помощь ближним, гостеприимство и мн. другие. Особенности женского воспитания: приобретение христианских добродетелей в соответствии с этикой протестантизма – целомудрие, верность мужу, терпение, вера, надежда, любовь, милосердие, трудолюбие.

3. Характеристика крестьянской семьи в контексте педагогических ценностей.

Тематический план занятия:

Крестьянская семья в Швеции XIX века как союз, основанный на духовно – нравственном и экономическом единстве мужчины и женщины. Правовые и социально – экономические факторы, определяющие традиционные представления

шведского крестьянства на брак и семью в XIX веке. Образ жизни шведского крестьянства как социально – педагогической среды, в которой происходило формирование женского характера и приобщение к ценностным традициям народа.

Жизнь семьи и воспитание детей, которое было обусловлено спецификой географического положения, особенностями исторического развития страны (относительно независимое, свободное положение крестьянского сословия), национальным характером, материально – хозяйственными условиями быта, зависимостью от природных условий и ландшафта. Уют и комфорт шведского дома как символическое пространство крестьянского жилища, организованное и поддерживаемое женским вниманием и заботой.

Характеристика внутрисемейных отношений. Равноправные отношения супружества, партнерства и поддержки между мужчиной и женщиной. Авторитет родителей, уважение и помощь родителям «на выделе» старшими детьми; стремление к экономической независимости от родителей младшими. Соблюдение строгой иерархии между несколькими поколениями, основанной на любви, взаимовыручке, взаимопомощи.

4. Социальный статус и положение шведской крестьянской женщины в семье в Швеции XIX век.

Тематический план занятия:

Образ сильной шведской женщины, воспетый в скандинавских сагах, балладах, сказках, литературе. Произведения народного и литературного творчества как источник исследования типичных качеств и характеристик скандинавских женщин, наиболее ценных у шведского народа: красота, ум, смелость, великодушие, смекалка, свободолюбие и др. Воспитательный потенциал женских образов, способный вдохновлять и оказывать влияние на процесс воспитания последующих поколений.

Правовое положение шведской женщины в Швеции XIX века. Изменение в законодательстве страны, которое предоставило свободу в выборе предпринимательской деятельности, профессии; в организации филантропической деятельности; в получении образования, в предоставлении политических свобод. Влияние буржуазного, городского образа жизни на ценности крестьянской семьи и воспитание детей.

Массовая активность крестьянских женщин в народных движениях, распространившихся в Швеции XIX века. Шведки выступали против алкоголизма,

неправильного толкования библии. Воспитательное значение для шведского населения спортивного женского движения.

Роль шведской крестьянской женщины в системе традиционного хозяйственно – бытового уклада в Швеции XIX века. Взаимоотношения обоих полов как духовного единства, определяемого концепцией христианского взгляда, эмоциональная близость и партнерство в рамках брачного союза. Предназначение шведской крестьянской женщины – материнство. Одинаковая значимость тройного предназначения шведской крестьянской женщины – послушная жена, заботливая мать, умелая хозяйка дома.

5. Ценность женского труда в крестьянской семье в Швеции XIX века.

Тематический план занятия:

Протестантская этика утвердила в общественном сознании и практике новые ценности, как бережливость, трудолюбие, расчетливость, честность в деловых отношениях, благоговейное отношение к собственности. Труд для протестантов как важнейшая ценность, священный долг перед Богом и обществом. Трудолюбие в получении прибыли, достижении успеха.

Строгое разделение сферы мужского и женского труда. Приобщение к трудовой культуре шведского народа с раннего возраста. Участие подростков в морских промыслах, бортничестве, выпасе мелкого и крупного скота. Ценность традиций дифференциации трудовых занятий в соответствии с женским или мужским полом и строгий контроль за соблюдением правил, обычаев, обрядов при выполнении работ. Трудолюбие, работоспособность и приобретение трудового опыта как гарантия будущего стабильного положения в семье, репутация добросовестной хозяйки в женском сообществе и полноправного члена крестьянского общества.

Содержание трудового воспитания и обучения. Методы и средства трудового женского воспитания. Психологическая подготовка девочек к трудовой деятельности в зависимости от вида и тяжести выполняемой работы. Использование народного календаря в воспитании детей. Роль матери в воспитании и обучении девочек.

6. Подготовка девушек к семейной жизни как цель женского воспитания в крестьянской семье в Швеции XIX века.

Тематический план занятия:

Образ жизни шведской девочки – крестьянки до вступления в брак. Соблюдение обрядов перехода как принцип половозрастной дифференциации. Место в семейной иерархии, правила этикета за столом, соблюдение этических норм в обществе, оказания первой помощи, лечение травами и мн. др. Традиционные шведские обряды, связанные с рождением и первыми годами ухода за детьми, приобретение навыков пеленания, обеспечение безопасности ребенка, обустройство детской кровати, обрезание пуповины и др. Ведение домашнего хозяйства, искусство рукоделия. Ориентация девушки на вступление в брак, создание семьи, рождение, воспитание детей. Приготовление приданного. Досвадебные обычаи: гадания, молодежные вечеринки, условия и процедура сватовства. Обряд обручения. Особенности подготовки и празднование свадьбы.

7. Ценность образования в крестьянской семье в Швеции XIX века.

Тематический план занятия:

Распространение грамотности среди шведского крестьянского населения.

Идея о ценности знаний как одна из основополагающих воспитательных традиций шведского народа. Распространение дешевой лубочной и появление специальной детской литературы среди крестьян в Швеции XIX в., обусловленное активностью религиозного движения, расширением воскресных школ, передвижных библиотек и народных школ. Становление системы женского образования в Швеции XIX века. Характеристика отдельных учебных учреждений разного типа, оказавших особое влияние на развитие женского образования в Швеции (Высшие народные крестьянские университеты, частные женские школы Анны Витлок, Анны Сандстрём, Эллен Кей; трудовые дома Анны Хиерты Ретциус и др.)

Традиции семейного чтения в крестьянской семье в Швеции XIX века. Педагогическая роль матери в обучении чтению, письму, счету. Подготовка священником к обряду конфирмации: знакомство девушек с библией, катехизисом.

8. Особенности женских воспитательных традиций в Швеции и на Архангельском Севере.

Тематический план занятия:

Сходства и различия культурных, социальных, природных компонентов, повлиявших на развитие среды и формирование человека. Географическое

положение. Исторические, социально – экономические, этнографические, культурные факторы как особенности социально – педагогической среды.

Семейное воспитание в крестьянской русской и шведской семье: религиозные и нравственные особенности; семейно – бытовые отношения. Традиции, обычаи, обряды, праздники, ритуалы русской и шведской крестьянской семьи. Ценностные воспитательные традиции крестьянской семьи в Швеции и в Северной части России. Национальный русский и шведский женский характер как отражение традиций воспитания в семье. Воспитательные функции женщины в семье. Практика женского воспитания в прошлом и преемственность традиций. Цели, средства и методы женского воспитания в русской и шведской крестьянской семье.

Тематика рефератов к спецкурсу

1. Теоретические сущность «ценности» и «традиции» как основа воспитания детей в крестьянском обществе.
2. Идеи шведских философов, педагогов о предназначении женщины и воспитании детей в Швеции XIX века.
3. Полемика Эллен Кей с Надеждой Крупской о семейном воспитании.
4. К.Д.Ушинский, П.Ф. Каптерев, Л.Н.Толстой, Э. Кей, Э. Гейер о роли женщины в семейном воспитании.
5. Эгалитарная идеология в воспитании девочек в Швеции XIX века.
6. Религиозно - мифологические особенности женского воспитания в Швеции XIX века.
7. Становление системы женского образования в Швеции XIX века.
8. Сравнительная характеристика шведской и русской крестьянской семьи в XIX как социально – педагогическая среда.
9. Ценностные воззрения на брак и семью русского и шведского народа.
10. Ценность женских воспитательных традиции русского и шведского народа в прошлом: общее и отличное.
11. Трудовое воспитание девочек в русской и шведской семье в традиционном обществе.
12. Особенности национальных культур (русской и шведской) и идеалы семейного воспитания.
13. Реализация ценностных традиций женского воспитания в образе «сильной» скандинавской женщины (в литературных произведениях шведских писателей: Ю.Л. Альмквиста, Я. Бергмана, С. Лагерлеф, А. Стринберга, Э.Тегнера и др).

Общий библиографический список к спецкурсу

- Барбур И. Этика в век технологии [Текст] / Иен Барбур; [пер. с англ.: Александр Киселев]. - Москва: Библ. - Богосл. Ин-т св. апостола Андрея, 2001. - 380. - (Богословие и наука).
- Березина Т.А. Шведы [Текст] / Т.А.Березина, М.Н.Морозова // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. – М., 1990. - 276.
- Березина Т.А. Шведы [Текст] // Расы и народы: Современ. этн. и расовые проблемы: Ежегодник / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1978. – Вып. 8. – С. 272 – 279.
- Березина Т.А. Роль женщины в шведской семье (традиции и современность) [Текст] // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиции и перемен. - М.: Наука, 1994. – С. 287 – 293.
- Берендтс Э. Н. Государственное хозяйство Швеции [Текст] / Э.Н. Берендтс. - СПб.: Типо - литография Р. Голике, 1890. – Ч.1. – 861.
- Бердяев Н.А. Духи реальность [Текст] / Николай Бердяев. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 664.
- Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря [Текст] / Н.А. Бердяев. - М.: Республика, 1995. – 383. – (Мыслители XX века).
- Бердяев Н.А. Самопознание [Текст] / Н. А. Бердяев. - Л.: Лениздат, 1991. – 398.
- Буторина Т.С. Своеобразие народной педагогики поморцев [Текст] / Т.С. Буторина // Сов. Педагогика. – 1989. - №7. – С. 83.
- Буторина Т.С. Образовательные традиции Русского Севера как основа педагогических инноваций [Текст] / Т.С.Буторина // О нежных нравах и добром воспитании...: (Метод. материалы для работы с родителями). – Архангельск, 2001. – С. 5-11.
- Вегас Х.М. Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма [Текст]/ Х.М. Вегас. – СПб.: Изд-во С. - Петерб. ун-та; Изд-во Рус. христ. гуманист. акад., 2007. – 225.
- Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма [Текст]. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 656с. – (Книга Света)

- Вебер М. Избранное. Образ общества [Текст]; пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704с.– (Лики культуры)
- Гиллис Г. Шведы- какие мы, и почему мы такие, какие мы есть [Текст] / Г. Гиллис. – Konsultförlaget AB, 1991. - 91.
- Григоревский М. Учение святителя Иоанна Златоуста о браке. М.: Локид – Пресс и Патмос, 2007. – 286.
- Дмитриев П.И. Слово о семье. СПб.: САТИСЬ – ДЕРЖАВА, 2004. – 167.
- Жаров Б.С. «Высшие народные школы» в Дании: прошлое – настоящее – будущее? [Текст] // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции, 1993. – М.: Наука, 1994. – С.297 – 302.
- Жуковский В.А. Дневники [Текст] / В.А. Жуковский. - СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1903. – 535.
- Жуховицкий Л. Страна долгожителей [Текст] // Нева. – 1990. – № 2. - С. 169 – 181.
- Зеньковский В. Русские мыслители и Европа: критика европейской культуры у русских мыслителей [Текст] / Прот. В. Зеньковский. – 2-е изд. – Париж: YMCA – Press, 1953. – 278.
- Зотова Л.М. Педагогика женского образования середины XIX – начала XX века: Запад – Россия: исторические параллели / Л.М. Зотова. – Киров, 2006. -
- Иванов К., Смирнов А. Все, что Вы хотели знать о Швеции [Текст]/ К. Иванов, А. Смирнов. - Стокгольм, Шведский ин-т, 2000. - 285.
- Из дорожных записок по Швеции в 1869г. А.П.Языкова [Текст]. – Тип. Полетики. – 8.
- Ильин В.Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого [Текст]. – СПб.: РХГИ, 2000. – 480. – (Из архива русской эмиграции).
- Кан А.С. Швеция глазами русских путешественников (1817 – 1917 гг.) [Текст] // Новая и новейшая история. – 1983. - № 4. – С. 135 -146.
- Кан А.С. История Швеции [Текст] / А.С. Кан. – М.: Наука, 1974. - 716с.
- Кан А.С. История скандинавских стран: учеб. пособие. – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: ВШ, 1980. – 311.
- Каптерев П.Ф. О семейном воспитании [Текст]: учебн. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Сост. и авт. коммент. И.Н.Андреева. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 168.

- Кулакова – Грот Е.Я. / Е.Я. Кулакова – Грот. - СПб: Типография И.В.Леонтьева. – 1909. – 48.
- Курило О.В. Мартин Лютер – реформатор, проповедник и педагог [Текст]/ О.В. Курило. – М.: Издательство РОУ, 1996. – 240.
- Лагерквист Л. История Швеции [Текст] / Л. Лагерквист. – Шведский ин-т, 2004. – 203.
- Лихачев Б.Т. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико - исторический анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XXвеках) [Текст]/ Б.Т. Лихачев. – Самара: Изд-во СИУ, 1997. – 85.
- Лосский Н.О. История русской философии [Текст] / Н.О. Лосский; пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480.
- Мельникова Е.В. Страна воды и камня [Текст] / Е. В. Мельникова // Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). М.: Диалог. -2006. – 304.
- Меч С. Скандинавия и Дания. Швеция, Норвегия, Дания, острова Фарер и Шотландия [Текст]/ С. Меч. – Типо - литография Т - ва И.Н. Кушнерев и К°. М.: 1910. – 120.
- Михайлова М.В. Педагогические идеи Эллен Кей и их реализация в современном образовании: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 Чебоксары, 2006 192.
- Морозова М.Н. Крестьянское жилище Западной и Южной Скандинавии / М.Н. Морозова [Текст] // Культура и быт народов Зарубежной Европы. М.: Наука, 1967. – 255.
- Мысливченко А.Г. Философская мысль в Швеции [Текст] / А.Г. Мысливченко. - М.: Наука, 1972. - 260.
- Народы мира в нравах и обычаях. Дания и Скандинавия [Текст]. - Изд-во П.П.Сойкина. -1916. – С.638- 640.
- Новинский Н.З. У Северных соседей (Очерки Швеции и Норвегии) [Текст] / Н.З. Новинский. – Харьков. Типография «Мирный труд», 1913. – 90.
- Новицкая И.Я. Народная словесность. Своеобразие шведской литературной критики как части общей науки о литературе [Текст] / И.Я. Новицкая. - М., 2008. – 145.
- Носевич В.Л. Еще раз о Востоке и Западе: структуры семьи и домохозяйства в истории Европы [Электронный ресурс] / В.Л. Носевич // Режим доступа: <http://kleo.asu.ru/aik/krug/7/2.html>

- Орловский С. Очерки Швеции. Высшая народная школа в Швеции [Текст]: Типо - литография Т – ва И.Н. Кушнерёв и К. Москва, 1911. –88.
- Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. – М.: Издание Сретенского монастыря. – 4-е, исправленное и дополненное. – 412.
- Педагогическая публицистика Российского зарубежья / МГПИ им. М.Е.Евсевьева; Независимый ин-т амер. и европ. исследований; [сост.: Е.Г.Осовский, В.П. Киржаева, О.Г. Осовский.] – Саранск, 2006. – 560. – (Педагогическая библиотека Российского зарубежья. Т.3).
- Полонская И.Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. – Ростов Н / Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 2006. – 272.
- Посольство в Швецию в 1873 году // Исторический Вестник. – 1887. - № 5- 6. – 313 – 317.
- Пуцыкович Ф.Ф. Чтение для народа: Скандинавы [Текст] / Ф.Ф. Пуцыкович. – СПб: Издание книжного магазина П.В.Луковникова. – 1897. – 16.
- Радлов Э. Эллен Кей и ее педагогические взгляды [Текст] // Известия по народному образованию. – 1906. – Октябрь. – С. 69 – 82.
- Ревуненкова Н.В. Протестантизм [Текст] / Н.В. Ревуненкова. – СПб.: Питер, 2007. – 224.
- Религиоведение / Энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Академический проект, 2006. – 1256.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Логос: международный ежегодник по философии культуры / Сост. серии: А.Л. Погорельский, В.В. Анашвили, Н.С. Плотников/. – Репр. изд. – М.: Территория будущего. – (Университетская библиотека Александра Погорельского). 1912- 1913, Кн. 1-2. – 2005. - 418.
- Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы [Текст] / Отв. ред. д.и.н. Н.Н.Грацианская, к.и.н. А.Н.Кожановский. – М.: Наука, 1999. – 518.
- Рубинштейн М.Н. Швеция и шведы [Текст] / М.Н. Рубинштнейн. - Киев. Типо – литография тов. И.Н. Кушнерев и К°. – 1913. - 14.
- Савин М.В. Сущностное значение традиции как педагогической реальности [Текст] // Вестник ОГУ. – 2004. - № 6. – С. 69 – 73.

Сван Я.-Э. Майское дерево, раки и Люсия [Текст]: праздничные традиции Швеции / Ян – Эйвинд Сван; [Пер. Л.Сандберг; Е.Скуглунд]. - Стокгольм, Швед. ин-т, Тип.: Фельтс Трюккери, Вернамо, 1997. –47.

Севостьянова Е.О. Этические понятия – общечеловеческие ценности личности [Текст] / Е.О.Севостьянова // Современные исследования социальных проблем. – 2010. - № 1. – С. 73 – 76.

Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность/ А.В.Сергеева[Текст]. - М.: Флинта Наука, 2006. — 320. - (Наука).

Соловьев Л.Н. И.Кант и проблема ценностей [Электронный ресурс] / Л.Н. Соловьев // Единая редакция научных журналов БФУ им. И.Канта/ Режим доступа: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/352/846/

Страны и народы: Научн. - попул. геогр.- этногр. изд. в 20-ти т. Зарубежная Европа. Общий обзор. Северная Европа [Текст] / Редкол. : В.П. Максаковский, С.А.Токарев (отв.ред.) и др. М.: Мысль, 1981. – С. 135 – 182.

Стрингольм А. Походы викингов [Текст] / А.М. Стрингольм. - М. : ООО АСТ, - 2002. – 736.

Сурожский А. Брак и семья [Текст] / Митрополит Антоний Сурожский. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2012. – 352с.

Тиайнен Т.В. Особенности феминистского движения в Швеции во второй пол. XIX-XX вв. [Текст] / Т.В. Тиайнен // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под. ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2007. - №13.- С.188-223.

Тиайнен Т.В. «Государственный феминизм» в Швеции во второй половине XX века [Текст] / Т.В. Тиайнен. – ВИ. – 2007. -№1. – С. 125-133.

Тимофеева М. Эллен Кей: проблемы социоэтики [Текст] // М. Тимофеева// На рубеже веков: Российско – скандинавский литературный диалог: Докл. межд. конференции, Москва, 23-27 апреля 2000г./ Сост. М.М. Одесская; Под ред. М.М.Одесской, Т.А. Чесноковой; М.: РГГУ, 2001. – С. 241- 247. – (Литературный диалог. Вып.2).

Толстой Л.Л. Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях Л.Л.Толстого [Текст]. - М.: Типо - литография Т-ва И.Н. Кушнеров и К. – 1900. – 281.

Толстая Н.Н. Шведы и русские: взаимное восприятие[Текст] / Н. Н. Толстая // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: Материалы междунар. Науч. симп.: (К

- 210 – летию А.Л. Витберга) / [Отв.ред. В.В.Низов]. – Киров: Киров.гос. объедин.-архитектур. и лит. музей, 1997. – С. 256- 259.
- Толстой Л.Н. Педагогические сочинения/ Сост. Н.В.Вейкшан (Кудрявая). – М.: Педагогика, 1989. – 544с. – (Педагогическая библиотека).
- Токарев С.А. Религия в истории народов мира [Текст]. – М.: Политиздат, Изд-во политической литературы, - 4. -е изд., испр. и доп. – 1986. – С. 135-182. – (Библиотека атеистической литературы).
- Традиции и инновации в современной России. - Издательство: РОССПЭН, 2008. – 543. – (Humanitas).
- Учение о семейной жизни святителя Филарета Московского. Религиозное издание. – М.: Свято – Троицкий Ионинский монастырь, 2010. – 64.
- Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании [Текст] / К.Д.Ушинский// Педагогические сочинения: вбт. /Сост. С.Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1988. – С. 194 – Т.1. - 257.
- Ушинский К.Д. Избранные труды в 4- х книгах [Текст]. Кн.1: Проблемы педагогики / К.Д.Ушинский; сост., вступ. ст., примеч. и коммент. Э.Д.Днепров. – М.: Дрофа, 2005. - 638.
- Федулова А.Б. Семья и семейные ценности: философско – аксиологический анализ: Автореф. дис. канд. фил. наук / А.Б. Федулова. – Архангельск, 2003. – 23.
- Фоменкова А.В. Недвижимая собственность в Западных Гётских землях (согласно старшей редакции Вестгёталага) / Средние века [Текст]: Сборник / АН СССР, Ин-т истории. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1992. – Вып. 61[Текст]. – 1997. – С. 47- 63.
- Чернышова О.В. Церковь и демократия: опыт Швеции [Текст] / О.В. Чернышова; Рос. АН, Ин-т всеоб. истории, М.: Наука, 1994. – 188.
- Чернышова О.В. Шведы и русские: образ соседа [Текст] / О.В.Чернышова; Ин-т всеобщей истории РАН. - М.: Наука, 2005. – 254.
- Чернышова О.В. Образ соседа в русском восприятии (XIX- XX века) [Текст] // Сев. Европа: Проблема истории. Вып. 3. – М.: Наука,1999. – С.366.
- Черная Л.В. «Скандинавская женщина эпохи викингов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://norse.ulver.com/articles/chornaya/woman.html>
- Чеснокова Т.А. Россия - Швеция: диалог культур [Текст]. - М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2004. - 182.

Чеснокова Т.А. Шведская идентичность. Изменение национального менталитета = Svenskidentitet. Mentalitetsförändringar [Текст] / Т.А.Чеснокова; Российск. гос. гум. ун-т, Российско – шведский научн. – учебн. центр, М.: РГГУ, 2008. – 184.

Шарыпкин Д.М. Стринберг в России // Исторические связи Скандинавии и России в IX – XX вв. (сборник статей) [Текст]. Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, Академия наук СССР, ин-т истории, Труды, 1970 –Вып.11. - С. 294 - 312.

Швеция и шведы в средневековых источниках [Текст] / Отв. ред. Щеглов А.Д. М.: Наука, Ин-т всеобщей истории РАН.2007. - 367.

Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг 1527 года и начало Реформации в Швеции [Текст] / А.Д.Щеглов; [отв. ред. А.А.Сванидзе]; Ин-т всеобщей истории РАН, М.: Наука, 2008. – 229.

Щуркова Н.Е. Воспитание школьников [Текст]. – 2011. - № 3. – 3-13.

Энгельмейер А. По русскому и скандинавскому северу. Путевые воспоминания [Текст]: В 4 –х ч./ А. Энгельмейер. – М., 1902. – С. 199 – 218.

Ханссен Б. Семейные, хозяйственные и трудовые крестьянские объединения в Юго-Восточной Сконе в 1690-1950 годах [Текст] // Скандинавский сборник. Под общей ред. В.В. Похлебкина и Л.К. Роотс. Тартуский гос. ун-т. Эстонское гос. издательство, Таллин, 1958. – С. 53-89.

Хухлаева О.В. Этнопедагогика: социализация детей и подростков в традиционной культуре: учебное пособие [Текст]. – М.: Московский психолого – социальный институт, 2008. – 248.

Юдина Н.П. Традиционализм и педагогическая традиция [Текст] // Вектор науки ТГУ. – 2012. - № 1(8). – С. 332- 335.

Приложение 2**Количество женщин –учителей в народной школе с 1860 – 1959 годы
в Швеции**

из книги «Pedagogiskt arbete och kön» av Ingegerd Tallberg Broman (2008)

«Педагогическая работа и пол» Ингегерд Талльберг Бруман (стр. 67)

Год	Количество женщин
1860	10 %
1882	20 %
1901	28 %
1911	36 %
1920	43 %
1935	42 %
1945	41%
1950	42 %
1959	49 %

Приложение 3

**Бритта Хаммар «Первая детская одежда» (стр. 41)
из книги «Ur barnomens historia» («Из истории детства»), (1995)**

Koltbarn från Rättvik, Dalarna. Akvarell ur skissbok av Kilian Zoll (1818–1860). Foto: Lars Westrup, Kulturen.

Приложение 4

История костюма, составленная Наталией Будур (2002). – М. : ОЛМА – АРЕСС, 2002. – 480 с.

Скандинавы.
Хозяйка норманнской усадьбы

Приложение 5

История костюма, составленная Наталией Будур (2002). – М. : ОЛМА – АРЕСС, 2002. – 480 с.

Скандинавы.
Незамужняя девушка

Приложение 6

Потрет шведской крестьянки, середина XIX века
из книги Håkan Strömberg «Forbondens hustru», стр. 98.

Jämten. – Östersund, 1995. – № 88.

Håkan Strömberg

Приложение 7

Костюмы из областей Сконе и Даларна из книги «Всеобщая история костюма от древности до Нового времени» – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 464 с.
слева на право

женщина из Истада (область Сконе)

женщина из Йерстада (область Сконе), в одежде, которую в старину надевали для выхода в церковь после родов

крестьянин из Ербу (область Гестрикланд) к западу от Гефле

женщина из Вингокера

женщина из Сконе в одежде типа древнегерманской, рубахе с разрезом на груди, с пестрым тканым поясом. Эту одежду носили примерно до 1840 г.

